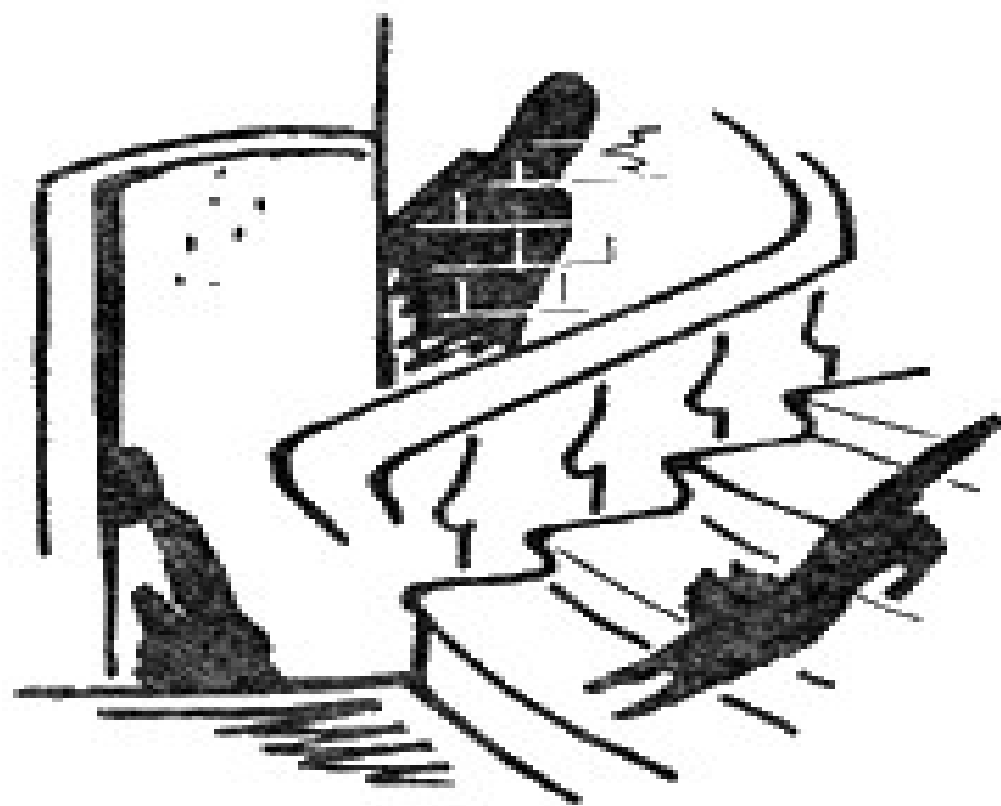

Инна БУЛГАКОВА

СОНЯ, БЕССОННИЦА,

СОН, или
Тризраки
Могильного переулка

Роман невероятных
загадок

Annotation

На подозреваемого указывало ВСЕ. Улики были незыблемы... или, может быть, только КАЗАЛИСЬ таковыми? Иначе почему бы человеку, совершившему убийство, столь упорно отказываться от своего последнего шанса — облегчения своей вины чистосердечным признанием? Впрочем, правосудие все равно восторжествовало... а может быть, совершилась страшная судебная ошибка? Прошел год — и совершенно внезапно настало время вспомнить старое убийство. Время установить наконец — пусть поздно — истину...

- - [Инна Булгакова](#)
 -
 -
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [ЧАСТЬ III](#)
-

Инна БУЛГАКОВА

**СОНЯ,
БЕССОННИЦА,
СОН, или**
*Призраки
Мыльного переулка*

*Роман невероятных
загадок*

Инна Булгакова

**Соня, бессонница, сон, или Призраки
Мыльного переулка**

Роман невероятных загадок

«...Ибо
крепка, как смерть,
любовь...»

Песнь Песней

ЧАСТЬ I

«ЧЕРНЫЙ КРЕСТ»

(Судебный очерк)

Год назад Москва была возбуждена слухами о зверском убийстве.

Это случилось субботним утром 26 мая 1984 года в угловом доме номер семь по Мыльному переулку. Сияло солнце, дети играли в песочнице. Василий Дмитриевич Моргунков гонял голубей, еще трое соседей следили за стремительной стаей... вдруг этот безмятежный мир раскололся криком с третьего этажа, из квартиры Неручевых. Соня Неручева, восемнадцатилетняя студентка, кричала из раскрытого окна что-то бессвязное («как будто безумное», по позднейшим воспоминаниям свидетелей, запомнивших слово «убийца») и внезапно исчезла в глубине комнаты.

Соседи (среди них жених Сони — Георгий Елизаров) бросился на помощь.

Рассказ Моргунова: «Я крикнул: «Ребята! Бегите через парадное!» А сам рванулся по черной лестнице. На площадке первого этажа столкнулся с соседом Антошей Ворожейкиным (тот возился с дверным замком своей квартиры), взбежал на третий этаж. Дверь к Неручевым приоткрыта, чуть-чуть покачивается, постанывает, как живая. Стало, знаете, не по себе. Вошел. Ну, картинка! За кухонным столом лежала Ада (Сонина мать), лицо в крови. На столе топор, к обуху пристали рыжие волосы, рядом полотенце, тоже в крови. Словом, кадр из фильма ужасов, мороз по коже, а в

парадную дверь звонят, колотят — Егор с Ромой. Кинулся в прихожую, темно, споткнулся обо что-то на полу, упал. Человеческое тело, под руками что-то липкое — кровь. Поднялся весь в крови, отворил дверь, ворвались ребята, кто-то включил свет — мы увидели Соню. Только что она кричала из окна. И вот — изуродованный труп, вместо лица — кровавое месиво. Что творилось с Егором! Я крикнул, вдруг вспомнив: «Там, на лестнице, Антоша! Я только что видел! У него рубашка в крови!» На площадке темновато, но пятно на белой рубашке заметно, просто я не отдал себе отчета, не до того было. И вдруг вспомнил. Рома побежал к Ворожейкиным. Егор сидел неподвижно на полу возле убитой. Я стал звонить в милицию и Сониному отцу...»

Роман Сорин. «Убийство на улице Морг» Эдгара По дает некоторое представление. Везде кровь, все в крови, два обезображенных трупа. Кошмар. Как во сне, я спустился на первый этаж, звоню, долго никто не открывает. Наконец дверь распахнулась. Антоша, по пояс голый, босиком. Я спросил почему-то шепотом: «Ты сейчас был у Неручевых?» Он смотрит как безумный. Вдруг побежал от меня прочь по коридору и заперся в ванной. «Открой! Открой!» Молчание. Только шум воды. Я разбежался, высадил плечом дверь, схватил его за ремень брюк и потащил вверх к Неручевым. Отвратительная сцена, я был на пределе. Увидев Соню, он закричал: «Нет! Нет! Нет!» — словно в истерике. Вскоре подъехала милиция, и мы сдали старого друга...»

Алена Демина. «Я слышала крик из окна: Сонечка в своем любимом платье и алой ленте в волосах (у нее волосы рыжие, редчайшего медового оттенка), а лицо!.. искаженное от ужаса. Она кричала так дико, что... в общем, непонятно,

страшно. Хотя я и не из пугливых, честно сказать. Мужчины побежали в дом, а я не могу. Бедная Соня. И Ада Алексеевна. Зачем я только пошла туда? Трупы, кровь... Василий Дмитриевич с Ромой кричали на Антошу, а тот, полуголый, молчал. Зверь. Таких надо расстреливать безо всякого суда. И тут я вспомнила. Накануне, в пятницу, праздновали помолвку Сони с Егором, я помогала накрывать на стол и нечаянно услышала, как Антоша просил у Ады Алексеевны денег взаймы: очень срочно, жизнь зависит. «Приходи завтра утром», — ответила она. И вот он пришел...

Соседка Серафима Ивановна Свечина. «Я вязала во дворе на лавочке. Вижу: из тоннеля, что на улицу ведет, выглядывает Антоша (в белой рубашке и с черной «бабочкой», — стало быть, с работы отлучился, он официант в ресторане). Осмотрелся внимательно, шмыгнул за кусты, пробежал и скрылся в подъезде. Я удивилась... как вдруг крик: Сонечка Неручева с третьего этажа...»

Герман Петрович Неручев. «Я появился в разгар следствия. И был вынужден опознавать трупы жены и дочери. Мне предложили осмотреть квартиру: не пропало ли что-нибудь? Все оказалось на месте за исключением одной вещицы — любимого украшения жены: довольно большой серебряный крест на серебряной же цепочке, выложенный черным жемчугом. «Черный крест» — так называла его Ада...»

Старинная драгоценность почти сразу была найдена при обыске у Ворожейкиных: в кармане старого плаща в коридоре на вешалке. На месте преступления обнаружены отпечатки пальцев Антоши (как задушевно звучит, не правда ли?); по его же собственным словам, он пытался стереть их с орудия убийства полотенцем — и все же один-

единственный отпечаток (кровавая мета!) на топорике остался.

Итак, преступник полностью изобличен, справедливость восстановлена, наши нравственные чувства, казалось бы, удовлетворены. Ну а вопрос, высказанный Романом Сориным: как он мог пойти на это?

Как он мог?.. «Боже! — воскликнул он. — Да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором?.. Господи, неужели?..» Санкт-Петербург, Родион Раскольников, старуха процентщица и Лизавета — аналогия напрашивается сама собой. Но — другие времена, другие нравы: наш «сверхчеловек» (нет, «тварь дрожащая»!) не раскаялся, он даже не сознался в убийстве незащищенных женщин. Последнее слово подсудимого перед вынесением приговора: «Я невиновен. Улики против меня неопровержимы, я не могу опровергнуть их. Я ничего не понимаю и прошу об одном: поверьте мне. Я хочу жить!» А из зала неслись крики: «Смерть! Смерть убийце!»

Любителю покера, проигравшему две тысячи и отдавшему в счет долга дневную ресторанный выручку, грозило разоблачение. Он просит займы у соседки и приходит в субботу утром за деньгами. Объективности ради приведу показания и самого преступника, которые убедительно опровергаются фактами. «Да, в субботу я должен был вернуть деньги в кассу. Ада сказала прийти утром. Я отправился с работы — ресторан в десяти минутах ходьбы от дома. Боясь, что меня увидит жена — о карточном долге она не знала, — я постарался войти в дом незаметно...»

Следователь — майор Пронин В. П.: «Тогда логичнее было бы пройти через парадное, а не по двору, рискуя столкнуться с соседями и вашими собственными детьми». — «Совершенно верно. Но Катерина собиралась на рынок, я боялся встретиться с ней на парадной лестнице или в переулке». — «А не потому ли вы выбрали черный ход, что надеялись: авось кухонная дверь не заперта!» — «Мне это даже в голову не приходило». — «Но ведь она действительно оказалась незапертой?» — «Да. Я постучался, дверь внезапно распахнулась. Увидел кровь, мертвое тело — и застыл на пороге. Вдруг померещилось, будто труп шевельнулся. (Заметим в скобках: преступнику, по его словам, явилось и «натуральное привидение», но я не специалист в «черной магии», пусть останется эта очередная выдумка на его совести. — *Е. Г.*). Бросился к Аде, задел лежащий почему-то на столе топор, тот упал с грохотом, я подобрал его и тут сообразил, что оставлю следы. Схватил полотенце, начал вытирать... внезапно возникло жуткое ощущение чьего-то невидимого, неслышимого присутствия». — «Что конкретно вы увидели и услышали?» — «Не могу объяснить. Как будто неуловимое движение...» — «Вам же померещилось, будто труп шевельнулся!» — «Нет, это вначале, а потом... словно нечто сверхъестественное... невыносимое ощущение. Нервы сдали, я выскочил на черную лестницу, ощутил кровь на руках, побежал к себе. Замок заело, никак дверь не мог отпереть. Тут снизу сосед Моргунков кричит: «Соня Неручева! Что-то случилось!» А ведь Сони не было! Поверьте мне, ее не было...» — «Но вы слышали ее крик?» — «Нет. Не слышал и вообще не видел ее в квартире». — «Значит, вы признаете, что побывали не только на кухне, но и в других комнатах?» — «Нет, только на

кухне, я неточно выразился». — «И ящик в настенном шкафчике не взламывали?» — «Я в комнату Ады не входил». — «Однако накануне, на помолвке, вы видели, откуда хозяйка достает украшение?» — «Все видели». — «Вы признаете себя виновным хотя бы в краже драгоценностей?» — «Нет, нет и нет!» — «Так. Сейчас вы сочините сказку, будто подобрали мешочек с драгоценностью на месте преступления». — «Не подбирал, не прикасался, вообще его там не видел». — «Каким же образом крест очутился в вашей квартире?» — «Не представляю!» — «Хватит. Опять сверхъестественная сила? Некая чертовщина убивает двух женщин, крадет крест и подкладывает в карман вашего плаща». — «Зачем вы так? Ведь настоящий убийца действительно существует». — «Существует. Это вы. По многочисленным свидетельствам очевидцев, с момента появления в окне Софьи Неручевой, никто не выходил из дома; ни по парадному, ни по черному ходу. В доме всего три этажа, шесть квартир. И по роковому для вас совпадению в то субботнее утро никого из жильцов дома не было, алиби проверены. То есть никто не мог спрятаться, скажем, в своей квартире. Присутствие постороннего также исключено: побегав на крик девушки, соседи, так сказать, прочесали оба подъезда, никого не обнаружив, кроме вас».

...Суд под председательством судьи Гороховой А. М., согласно статье 102 У К РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах), приговорил преступника к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение.

Наш спец. корр. Евгений Гросс».

Егор уронил газету (вчерашнюю «Вечерку») на пол, сам остался лежать на диване неподвижно, глядя в оконный проем, распахнутый в майское небо. Было невыносимо лежать, ходить, говорить — было невыносимо жить. В дверь позвонили, он не шелохнулся... еще звонок... еще... Наконец встал, прошел, шаркая разношенными тапками, в переднюю, открыл дверь. Катерина. Вся в черном. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, она сказала шепотом:

— Это вы погубили Антона.

— Кто — мы?

— Ты, Ромка и Морг.

— Он убийца.

— Нет.

— Катюш, — заговорил он бессвязно и беспомощно, — голубушка, я для тебя на все готов, так жалко, но... разве я смогу простить ему Соню?

— Егор, — отвечала она тоже мягко, даже нежно, — ты знал Антошу с детства, он любил тебя. Скажи мне, ради бога, разве он мог?

— Если б ты видела их трупы!

— И он уже труп! — закричала Катерина и заплакала. — Даже страшнее — горсть пыли в жестянке!

— Он бил ее по голове, — отозвался Егор деревянно. Вот уже год он жил как во сне. — Бил по лицу и по голове до тех пор...

— Замолчи! — Она пошла к ступенькам, толстая тетка в черном, на секунду сердце дрогнуло чужой болью, вот обернулась и прошептала отчаянно: — Будьте вы все прокляты!

Егор вернулся на любимый свой диван, устался в окно в ожидании блаженного безразличия. «Напрасно я все это читал. Надо забыть — но как?»

Егор заставил себя умыться, одеться для выхода (а ведь уже четвертый час, но жизнь остановилась, и житейские условности казались нелепыми, впрочем, он просто забыл о них). Но эту условность он исполнит. Спустился по парадной лестнице в милейший Мыльный переулок, зашел на рынок, купил за непотребную цену белые розы и поехал трамваем на кладбище. У Ады (урожденной Захарьиной) там спит вечным сном родня, и Герману Петровичу удалось (ему всегда все удается) пристроить в старые могилы новопреставленных — жену и дочь.

Сквозь зеленую прохладу дубов и кленов сияло равнодушное солнце; пустынная аллея, поворот, еще поворот, покрашенная охрой ограда, низкая лавочка. Он сел, встретился взглядом с Соней и застыл, всматриваясь в черные глаза — черные очи, отвечавшие ему веселым любопытством. Под фотографией дата: 1966–1984 годы. У Ады соответственно: 1946–1984. Восемнадцать и тридцать восемь лет. Ада очень хороша, смотрит гордо и улыбается слегка загадочно. Обольстительная гадалка. Егор вспомнил про розы, которые так и продолжал держать в руках, склонился к могильной плите. Последний раз он был здесь поздней осенью: голое кладбище, не преобразенное молодой зеленью, точнее соответствовало пустоте душевной. Он и тогда принес розы, ага, вот останки букета... Егор взял двумя пальцами засохшие стебли, чтобы выбросить за ограду, — внезапный «нездешний» холодок прошел по спине, жутковатая дрожь; тотчас, без перехода, к нему вернулась жизнь, утраченная год назад, с ее отчаянием, ужасом и тайной.

Рассыпающийся в прах, истлевший букет был перевязан алой лентой. Трясущимися руками он развязал узел, выбросил цветы, разгладил атласную ткань. Рассудок отказывался воспринимать происходящее, но память... — «Это ее лента: вот концы подшиты небрежно, более темными нитками... я помню, я целовал душистые волосы — горьковатый, девичий аромат лаванды, лента упала, я подобрал и спрятал в стол, на другой день Соня ее забрала. И еще: лента, которую я держу в руках, свежая и чистая, она не лежала здесь, на могиле, долгую зиму и бурную весну, нет, она принесена только что... да, на рассвете шел дождь... Господи, да что же это такое? Кто-то пришел сюда с Сониной лентой, перевязал мои засохшие цветы и сейчас, может быть, стоит и смотрит, как я...»

— И вы здесь, сударь? — послышался за спиной глуховатый, чуть-чуть картавящий барственный голос.

Егор вздрогнул, оглянулся: Герман Петрович с тюльпанами и нарциссами подкрался бесшумно, стоит, смотрит на крест из лабрадора. Егор инстинктивно сунул ленточку за ремень джинсов.

— Да, сегодня год. Вы давно тут были, Герман Петрович?

— Давно. — Старик разделил цветы на две охапки, положил на плиты и присел рядом с Егором на лавочку — не старик, а статный пожилой джентльмен с благородной проседью и военными усами-

щеточкой. — Осенью сжег венки, ограду красил, под Новый год приходил, потом в апреле.

— Герман Петрович, когда вы опознавали трупы, на Соне была алая лента?

— Я предпочел бы этот момент не вспоминать.

— Я вас прошу! Когда мы стояли возле голубятни и она закричала в окно, на ней было американское платье... сафари — так называется? Волосы распущены и повязаны лентой, низко у лба. Вы помните?

— Как я могу помнить, если меня там не было?

— Нет, потом, потом!

— Я вам признаюсь: я ничего не видел, я был в шоке.

— Я тоже.

— Да, сафари помню, все в крови.

— А лента?

— Да какая там лента!

— Но куда она делась?

— Кто?

— Лента.

— О господи! — Неручев пожал плечами. — Мне б ваши заботы.

— А потом вы ее не видели? В прихожей, когда убивались?

— Прихожую вымыла Серафима Ивановна. — Старик внимательно вглядывался в лицо Егора. — А что касается ленты...

— Говорите тише, — перебил Егор, — нас могут услышать.

— Та-а-ак, — протянул Герман Петрович, поднял руку, приказал: — Посмотрите на мои пальцы, вот сюда... теперь взгляните вправо, влево...

— А, я в норме, не беспокойтесь. Можно к вам сегодня зайти?

— Сделайте милость. Уже уходите?

— Да.

На повороте аллеи Егор оглянулся: пожилой джентльмен сидел, закрыв лицо руками, очевидно, почувствовал взгляд, меж пальцами блеснули льдистым блеском совсем не стариковские, полные жизни и муки глаза.

Предвечерние, еще жгучие лучи, воскресные тишь и безлюдье старинных улиц и переулочков, Егор шел пешком, останавливался, озирался, ожидал — напрасно... «Вечерка» так и валялась на полу. Ага, Алена Демина. «Я услышала крик из окна: Сонечка в своем

любимом платье и с алой лентой в волосах...» «Мне не померещилось, лента была на ней в то мгновение. А потом?.. Не могу вспомнить, не надо! — защищался Егор. — Надо! Здесь — тайна».

Итак, в прихожей вспыхнул свет (он включил, а Рома закричал что-то, затрясся, вцепившись в меня пальцами). Мертвая Соня. Какие-то секунды душа отказывалась воспринимать видимое. Вокруг бесновались, орали Ромка с Моргом. Он подошел к ней и сел рядом, охватив колени руками, глядеть на нее он не мог, просто сидел, отчужденный от всего, и от нее тоже. «Этого не может быть! — твердил он про себя страстно и убежденно. — Это не может быть она, такая живая и такая любимая...» Медовые волосы намокли в крови, это он помнит, а вот лента... Егор разжал ладонь — алый клубок вспыхнул, распрямляясь, — спрятал непостижимую находку в верхний ящик письменного стола. Не верится, что прошел всего час с небольшим, но этот час он жил, а не умирал, как целый год.

— Добрый вечер, Серафима Ивановна. — Егор сел на лавку, следя за сверканьем, звяканьем спиц — крошечных рапир.

— Здравствуй. Ты помнишь, что сегодня год? Я заказала панихиду по убиенным.

— Я был на кладбище. Серафима Ивановна, вы ведь у Неручевых убирались после убийства?

— Всю квартиру вымыла.

— Вам не попадалась на полу или еще где Сониная лента — красная, она ею волосы завязывала?

— Нет.

— И милиция не находила, не знаете?

— Знаю только, что ключ и тетрадку возле Сони в луже крови нашли, на экспертизу взяли. А на убитой ленте не было, что ли?

— Кажется, не было.

— Егор, что случилось?

— Погодите, пока не сообщу. Мрак.

— Мрак, — согласилась старуха. — Про Антошу читал?

— Читал.

— Если б я своими глазами не видела, как он в кустах крадется, — ни за что бы не поверила. Кроткий отрок.

— Кроткий отрок из ресторана. Не смешили б вы меня.

— Тебе, вижу, не до смеха. А ресторан — детей кормить надо?
— И в покер играть надо.
— Егор, не ожесточайся. Он заплатил. И все мы грешники.
— Однако топором черепов не разбиваем.
— Он был больной. Умопомрачение.
— Совершенно здоров был ваш кроткий отрок — со всех сторон проверяли.

— И все равно, — упрямо возразила старая дева, друг всех детей и его друг, — убийством на убийство отвечать нельзя. Не вы дали — не вам и отнимать.

До визита к Герману Петровичу Егор успел поговорить с действующими лицами прошлогодних событий, благо все соседи под рукой.

Алена Демина — девятнадцать лет, продавщица из универмага.

— Ален, во вчерашней «Вечерке»...

— Так ему и надо, гаденышу! — отрезала милая девочка. — Жалко, просто расстрел, еще бы пытки перед этим.

— Прекрати! В статье твои показания: ты запомнила Сонину алую ленту. А потом, в прихожей, на мертвой ее не было?

— А ты сам не видел?

— Не знаю. Я ощущал что-то странное, но... не знаю. Я был не в себе.

— Я тоже. Я вообще старалась не смотреть.

— Ну да, мы были оглушены внезапностью, ведь только что она кричала из окна, а лента...

— Вся голова разmozжена, а ты о какой-то... — Алена вздрогнула. — Кончим об этом.

— Я хочу тебя спросить... — Егор замолчал. Порядочный человек о таких вещах не спрашивает, но словно какая-то сила извне уже властно распоряжалась им, и он покорно подчинялся этой власти. — Вы очень дружили. У нее был кто-нибудь?

— В каком смысле?

— Мужчина.

— То есть как! — Алена глядела изумленно. — Разве не ты был ее мужчиной?

— Нет.
— Но ведь ты...
— Я соврал.
— Но ведь вскрытие показало...
— Да, да.
— А чего ты, собственно, в этом копаешься? Бедная Сонька. Теперь-то не все равно?
— Не все равно.
— Поздновато спохватился. Ну, был, ну, спала с кем-то, такая, как и все, понял? Такая, как и все.
— Не верю.

Василий Дмитриевич Моргунков — сорок два года, голубятник, клоун из Госцирка, выступающий под псевдонимом «Василий Морг».

— Егор, «Черный крест» в «Вечерке» читал?
— Читал.
— А ведь это я ему расстрел устроил.
— Все помогли.
— Э, нет. Мои, лично мои показания.
— Ну и что?
— А ничего. Забавное ощущение... щекочет нервы. Знаешь, я в ту минуту и не понял, что это кровь... ну, на его рубашке.
— Ты и сам был весь в крови. Почему ты так долго не открывал?
— Разве?
— Рома звонил, я стучал... какие-то крики противоестественные.
— Это я взревел, когда на труп упал. Ведь предупреждал! Доигралась.
— Кто доигралась?
— Ада — кто ж еще? Цыганка-дворянка. Деньги очень любила и драгоценности — соблазн для окружающих.
— А если кто из ее клиентов...
— Не было у нее никаких клиентов — проверено. Просто нравилась роль роковой женщины — вот и все.
— Чего ты злишься?
— А, очерк этот чертов... и тут ты еще. Думаешь, с Антошей промашка вышла? Нет, брат, я все до секунды рассчитал. Убийца просто не успел бы скрыться. Ведь мы после Сониного крика и

парадный и черный ход перекрыли. Сразу! А ему еще надо было ее убить. Не успел бы.

— Антон дал показания, будто чье-то присутствие ощущалось в квартире.

— Соврал покойничек, Я ведь, пока вам с Ромой открывать шел, во все комнаты заглянул: никого. Чердак заперт, вековая нетронутая пыль. А черный крест у него в плаще? Ничего умнее не придумал, как и такую очевидность отрицать. Наврал, запутался, с детства был дурачок.

— Зачем, не надо...

— Затем, что правильно расстреляли, — заорал Морг.

— Успокойся. Ты помнишь, как Соня появилась в окне — с алой лентой в волосах?

— Ну?

— Куда она потом делась?

— Кто?

— Лента.

— А она куда-нибудь делась?

— Но ведь на мертвой ее не было?

— Не помню. Я покойников боюсь. Я был...

— Ты был в шоке. Морг, тебе не кажется, что тут не все тайны раскрыты?

— Что там было на самом деле, — процедил клоун, — мы уже никогда не узнаем. Все умерли.

Роман Сорин — ровесник Егора, тридцать один год, журналист.

— Ром, во вчерашней «Вечерке»...

— Знаю я этого Гросса — дурак дураком.

— Да, обычно, банально... впрочем, одно место меня как-то задело, надо бы у него уточнить.

— Что именно?

— «Натуральное привидение» — что это значит?

— Ничего. На эффект бьет. Обратил внимание, как цитата выделяется на фоне этой серости?

— Ну, понятно, не гений. Так и Ворожейкин наш — не Раскольников. — Егор болезненно поморщился: — Тот по царским законам десятку получил, наш — вышку.

— Антошу жалеешь? — В светло-карих, почти желтых глазах Романа промелькнуло страдание. Он сказал умоляюще, по-детски: — Но ведь Антоша убил? Или... не он? Что молчишь? — И тут же усмехнулся, пересиливая себя: — Нет, ты скажи, скажи, а то наши нравственные чувства, как пишет Гросс, никогда не будут удовлетворены.

— Не притворяйся, — отозвался наконец Егор. — Да, жалко... вопреки всему. И много непонятного.

— Например?

— Ада была щедра, при всей своей любви к деньгам. Она бы дала Антоше две тыщи, она нас всех выручала. Ты ведь не будешь это отрицать?

— Но если не Антон — кто ж тогда?

— Больше никому... кажется. Но — мотив! Неужели только за крест?

— Убивали и по более мелким причинам, как это ни странно. Она его застала врасплох, на воровстве.

— Это первое, что приходит в голову. Но вот тебе и загадки. Всеми отмечено, что преступление совершено с патологической жестокостью. Мы ли с тобой не знали Антошу, а?

— Да! — воскликнул Роман. — Я думал, все время думал, все перебрал... Наверное, никто никого не знает до конца, даже себя. Испугался, озверел.

— Чего испугался? Ада не стала бы связываться с милицией. Отобрала бы крест и послала куда подальше.

— Егор, что произошло? Ты год молчал, уединился, ни с кем не общался, а сегодня...

— Был сегодня на кладбище. На Сониной могиле лежит мой прошлогодний букет, перевязанный ее лентой.

— Ты перевязал букет лентой?

— Не я — в том-то и дело! По некоторым признакам могу поручиться, что лента именно ее. И принесена она на могилу только что — свежая и чистая.

— Егор, ты серьезно? — прошептал Роман, потрясенный.

— Очень серьезно.

— Но... кто? Может, старик с ума сходит? Герман Петрович?

— Кто его знает... вообще-то на редкость здоровый тип. Но тут и другая странность. Мы все видели Соню в окне с этой лентой, а в прихожей ленты на ней, кажется, не было. Ты не помнишь?

— Что ты! Я был...

— Все были в шоке.

— Ну, лента упала на пол.

— Следователь подобрал бы, ведь они прибыли до Неручева. А когда мертвых увезли, Серафима Ивановна полы вымыла. Я ее спрашивал: не находила.

— Кошмар! — Рома передернулся. — Убийца срывает ленту с убитой, уносит, через год подкладывает на могилу... так, что ли?

— Откуда я знаю! Я сообщил тебе факт. Кстати, только тебе, никому не рассказывай.

— За что такая честь?

— Ты вне подозрений. Ты был со мной.

— Что-о? Ты Морга, что ль, подозреваешь? Или Германа?

— Никого... правда, никого, но... Морг нам дверь долго не открывал, помнишь?.. А психиатр в это время совершал моцион по бульвару.

— У него есть свидетель.

— Знаю. Да, конечно, все это невероятно!

— Невероятно. Какой убийца принесет на могилу ленту? Зачем?

— Может, не убийца, а свидетель?

— Натуральный призрак, сверхъестественная сила, о которой Гросс пишет?.. Там никого не было, кроме нас.

— Не было. Но ведь кто-то принес!

— Сумасшедший.

— Не спорю. Но кто он? Кто украл ленту, с какой целью... кто убил?.. а вдруг судебная ошибка?

— Поздно, Егор. Смерть — процесс необратимый.

— Истина не бывает ранней или поздней. Она абсолютна.

Он вышел от Романа и позвонил в соседнюю дверь с медной табличкой: «Неручев Г. П.». Нежная мелодия, серебряный перезвон колокольцев. Послышался шорох, потом щелканье японского замка новейшей системы. В разноцветных световых пятнах венецианского фонаря возник Герман Петрович. В домашнем костюме из черного

бархата и вельветовых сапожках кофейного цвета в тон рубашке (в этих одеждах доктор обычно выносил мусорное ведро, ухитряясь не казаться смешным). Шестьдесят два года, но, как всегда, бодр, свеж, подтянут («Уж не померещилось мне, как на кладбище он закрыл лицо руками?»). Не опустился после ужасной смерти близких, держит себя «в струне».

— Прощу, — хозяин сделал учтивый жест, и Егор впервые после похорон вступил на место преступления.

Квартиру, бывшую коммуналку, уже много лет занимал целиком знаменитый психиатр. В обширную прихожую выходило, не считая кухонной, три двери: кабинет Германа Петровича, комнаты жены и дочери. В противоположном от входа конце — дверь в кухню, откуда по черной лестнице можно спуститься прямо во двор (парадная же ведет в Мыльный переулок). Трехэтажный особняк был построен в середине прошлого века и на протяжении нынешнего величественно ветшал — опустившийся аристократ в кружении домов тоже старых, но попроще. Предназначался он когда-то для одной семьи, и после классового уплотнения и возведения перегородок богатые лепные украшения высоких потолков не складывались в целые картины, часть орнамента непременно оказывалась в другой комнате, а то и у соседей; навек разлученными существовали белокрылые младенцы, купидоны, Венера с Марсом, безобразный сатир со своею нимфой и тому подобное.

— Прощу, — повторил хозяин, указав на раскрытую дверь кабинета.

— Одну минутку!.. Я посижу тут в прихожей немного, ладно, Герман Петрович?

— Посижу?

— Ну да, на полу.

— Что за причуды?

— Хочу все вспомнить в деталях.

Егор сел на ковер, охватив колени руками. Вот здесь в углу лежала Соня... точнее, полулежала, прислонясь к стене. Надо думать, от ударов топором она медленно сползала на пол, стена была в крови (Герман Петрович заменил кусок обоев), на полу лужа крови, в ней тетрадка и ключ. Ковра не было, накануне кончился ремонт. На ногах у нее были итальянские кроссовки, это он помнит... и еще: сквозь

острый душок крови — сильный запах лаванды, ее французских духов. Он не глядел тогда на убитую, а сидел бесцельно и бессильно, погрузившись в абсолютный ужас. Нет, не абсолютный... что-то мешало отдаться отчаянию целиком, что-то в ее облике настораживало, раздражало (о, проклятый, бесконечный, еженощный сон!)... кровь, ошметки мяса и мозга... нет, помимо что-то цепляло сознание, не давало полностью сосредоточиться. Может быть, тогда уже подспудно, он отметил отсутствие алой ленты? Господи до того ли было!

— Так и будем сидеть? — угрюмо спросил хозяин.

Егор вошел в просторную комнату. Стены от пола до потолка уставлены книгами, аскетическая кожаная кушетка, немецкий письменный стол у окна, в углу низкий столик (на нем бутылка коньяка, две рюмки, ломтики лимона на тарелке, дымящаяся сигара в пепельнице), массивные кожаные черные кресла.

— Присаживайтесь. Что ж, за упокой души... вернее, двух душ.

Выпили, слегка расслабились, Герман Петрович взял сигару двумя пальцами, Егор закурил сигарету. В комнату заглянул, потом зашел, безразлично перебирая лапками, огромный черный кот — дюк Фердинанд, — мягко вспрыгнул на колени к хозяину и застыл в угрожающей позе, не сводя с Егора изумрудного взгляда.

— Не делайте резких движений — может броситься, — нарушил психиатр сумеречную тишину. — Итак, почему на кладбище вы спрашивали про Сонечкину ленту?

— Вдруг вспомнил, что на убитой ее не было.

— Не было, — подтвердил Герман Петрович. — Мне бы отдали после вскрытия вместе с остальной одеждой. Я сейчас осмотрел ее вещи: ленты нет. Удивительно. Если ленту — непонятно зачем — украл преступник, то при обыске у Ворожейкиных ее бы нашли. Руки официанта были в крови, соответственно запачкалась бы и лента. Страшная улика... — Он помолчал. — Еще одна загадка.

— Еще одна?

— Официальная версия стройна и убедительна, признаю. Так, микроскопические мелочи. Например, Ада ушла в прачечную, не заперев кухонную дверь. Подобная забывчивость совершенно не характерна для моей жены, одержимой порядком. Совершенно не характерна.

— А если Антон соврал, если она уже вернулась и сама ему открыла?

— Ему открыла бы. Незнакомому — никогда.

— Но к ней, должно быть, ходили гадать?

— Только свои, ее так называемое гаданье — блажь, чудачество.

— Как Аде пришло в голову этим заняться?

— При всем ее блеске в ней была некоторая ущербность, нервность, перепады настроения, в общем, она жаждала тайны. Так вот, она открыла бы соседу, да, но и дала бы ему денег — несомненно. Или ваш друг был одержим страстью к драгоценностям?

— Никогда не замечал.

— Да, кстати, вторая загадка. В шкафчике в шкатулке обитали и другие украшения, не менее ценные. Однако похищен только черный крест. Я подарил его Аде пятнадцать лет назад...

— Позвольте, — перебил Егор, — она же получила его в наследство, это фамильная дворянская драгоценность.

— Это легенда. Так же как и фамильный склеп — слышали про склеп? Ее родня похоронена за той оградкой, где мы сегодня встретились. Каждый забавляется чем может: Ада обладала своеобразным «черным юмором». Таинственная гадалка — в глазах окружающих. Помните, на помолвке она сказала: «Пропадет крест — быть беде»? Дворянский талисман, приобретенный мною в антикварном на Арбате.

— Ее фразу я помню.

— Все это манерно, конечно, отдает мелодрамой... ну, как если в индийском фильме, к примеру, мелькнет сиротка — будьте уверены, она окажется дочерью раджи, на худой конец, миллионера. В отечественном варианте — князя. Бульварный роман — так выразился следовательно, когда я доложил ему про талисман. И я с ним полностью согласен. Однако так ведь оно и случилось.

— Вы действительно верите, что Ада обладала каким-то мистическим даром?

— Да ну! Человеческую природу она знала превосходно — вот ее дар.

— То есть в отношении жены у вас не было никаких иллюзий?

— Ну как же. И были, и есть. Все эти «чары» — женское очарование, сильное и опасное, особенно для мужчин. Но всерьез

поверить в талисманы, склепы и индийские гробницы способен только неврастеник, с психикой обостренной, надломленной.

— Вы хотите сказать, — Егор пытался уловить самую суть, — что драгоценность украл человек, поверивший в ее фразу: «Пропадет крест — быть беде»? То есть желающий Аде зла?

— Мы знаем, кто его украл. Подходит ваш официант-картежник под такую категорию: восторженный, мстительный, экзальтированный, верящий в чудеса и проклятия?

— Нет, не подходит. Антон был прост, уравновешен, вполне земной. А покер — так, от скуки ради.

— Так я и думал. Крест украден просто как вещь, первая попавшаяся под руку.

— А вы как будто нарисовали портрет женщины.

— Да, похоже.

— Но ведь женщине, наверное, не под силу нанести такие удары?

— Не сказал бы. Во-первых, смотря какая женщина, я имею в виду — физически. Во-вторых, при сильнейшем нервном возбуждении все жизненные силы собираются в единую силу.

— Герман Петрович, вы первый отметили, что преступление совершено с исключительной жестокостью.

— Да, да, да. Что это значит? Или убийца внезапно охвачен бешенством — безумием, или ненавидит свою жертву такой ненавистью, которая переходит также в своего рода безумие. Помните мысль Достоевского, что преступление — это болезнь? Впрочем, патология характеризует именно убийство Сонечки, он наносил удары уже по мертвой. Ада убита, если можно так выразиться, обычно, с одного удара, хотя ограблена именно она, а Соня — всего лишь свидетель. Послушайте, — психиатр проницательно посмотрел на Егора — серые, ледяные, лишенные чувства глаза, — почему именно сегодня вы заинтересовались алой лентой?

— Вдруг вспомнил Соню в окне, ее странный крик. Слишком много загадок, хотелось бы разобраться.

— Зачем?

— Не могу объяснить. Подсознательное стремление.

— Понятно: таким образом у вас постепенно пробуждается воля к жизни. Но я не советую. Решительно не советую, Георгий, вступать в

этот круг. Переключитесь на что-то... жизнерадостное. Женитесь, например, и успокойтесь.

— Не могу.

— Что ж, вольному воля, а спасенному рай. Как правило, человек выбирает волю, не веря в рай.

— Герман Петрович, — начал Егор, поколебавшись, — за три дня до случившегося вы бросили жену, съехали с квартиры...

— Бросил — слишком сильно сказано, — перебил психиатр. — Таких женщин, как Ада, не бросают. Мы просто поссорились.

— Простите, я спрашиваю не из любопытства, я должен разобраться... Из-за чего?

— Не знаю. Не из-за чего. Я вернулся с работы, она разговаривала по телефону. «Я на все готова! — кричала она. — На все!»

— На все готова?

— Не удивляйтесь. Зная ее страстность... например, я на все готова ради «Шанель № 5» — вполне в ее духе. Увидела меня, бросила трубку, я поинтересовался чисто машинально из простой любезности, ради кого она на все... Вдруг начался скандал. Она набросилась на меня и оскорбила... как только женщина может оскорбить мужчину, то есть смертельно. Я собрал кое-какую одежду и ушел. К старому приятелю, он как раз уезжал за границу, жилплощадь освободилась.

— Это ведь неподалеку от Мыльного?

— Неподалеку.

— И не вернулись бы?

— Вернулся бы. Если б позвала. Вы не поверите: мы прожили с Адой девятнадцать лет, ни разу не поссорившись. Она женщина вспыльчивая, но всегда умела держать себя в руках.

Егор готовился к следующему вопросу, он сегодня уже нарушил свой запрет — и все же тошно, невыносимо, мучительно в этом копаться.

— Герман Петрович, экспертиза установила, что Соня была женщиной. Вы знали об этом?

— А вы знали? — угрюмо откликнулся отец. — Этот вопрос я должен был бы задать вам.

— Я тут ни при чем.

— Следовательно вы заявили обратное.

— Заявил. Но обстоятельства переменились: мне нужна правда.

— Вы уверены в том, что утверждаете?

— Господи, да чего бы мне скрывать это теперь!

— Вы меня поразили, — признался Герман Петрович с отвращением. — Чтобы впредь не возвращаться к этой теме, скажу, что Соня была чистой девочкой, как это ни старомодно нынче звучит, доверчивой и простодушной. Больше я ничего не знаю.

— Спасибо, Герман Петрович, за вечер и за разговор. Что ж, вы так вот и живете — совсем один?

— Да. Серафима Ивановна приходит убираться. Ничего не поделаешь, — он улыбнулся угрюмо, — за все приходится платить. Ну да это теории. На самом деле, как и вам, — все скучно и неинтересно.

Егор поднялся, заждавшийся Фердинанд очнулся от дремы, пушистым комком обрушился вниз, вцепился в джинсы гостя и сладострастно зашипел.

— Милейший зверь, — заметил Егор, отдирая разъяренного кота от вожаемой добычи — своей собственной ноги, — вышел за дверь, начал спускаться вниз, остановился... всегдашний укол в сердце на лестнице перед площадкой, где она стояла, облокотясь о перила, и сверху, из слухового оконца, на ее рыжую голову падал одинокий луч с порхающими золотыми пылинками.

Это случилось год назад, двадцать второго мая, во вторник. Он сидел у Романа, только что вернувшегося из командировки в литературную провинцию. Ромка, Антоша и Егор — друзья старинные, чуть не с рождения, из одного двора, дома, класса. После школы каждый пошел своим путем, но близость осталась. Например, ребят не шокировало, что, окончив истфак, Егор валяется на казенном диване в качестве сторожа, — значит, так надо, чего приставать к человеку? Антоша из бедных, Рома из богатых (с точки зрения обывателей Мыльного переулка), Егор — ни то ни се, интеллигенция: отца нет (ранний развод), зато мама — профессор искусствовед. В качестве покорного сына своей матери он пытался пройти унылый благовоспитанный круг детства и юности: музыкалка, худкружок («Жора, заниматься!» — «Сейчас доиграем!»), медаль, институт, аспирантура, в ближайшей перспективе диссертация (церковный раскол). Смерть матери потрясла тоской и бессмыслицей, благопристойная жизнь окончилась, он сказал: «Хватит» — и зажил

как хотел. Ромка делал журналистскую карьеру, Антоша зарабатывал чаевые для семьи и поигрывал в покер, Егор лежал на диване, почти притерпевшись к тоске, как вдруг из обломовского состояния его вырвала — всего на несколько дней — любовь.

Итак, они сидели у Сориных (обширная квартира находилась в полном распоряжении Ромы, чьи «старики» трудились за границей), болтали, конечно, о проблемах глобальных, о судьбах нации: братья-славянофилы, рассуждал Рома, всегда следящий за новейшими веяниями... памятники преступно разрушаются... вот напишу разгромную статью... Егор слушал вполуха, не выспался на дежурстве... Потом он пошел к себе. «Пойти к себе» — значит спуститься с третьего этажа на второй.

Дубовая парадная лестница с отполированными за столетие поручнями и резными столбиками перил, истертыми пологими ступенями, нишами (вместительными углублениями для канувших в вечность статуй и фонарей) на каждой площадке была также и лестницей социальной, иерархической. На третьем этаже, «наверху», обитали граждане счастливы, не считавшие каждую копейку, Сорины и Неручевы. На втором — пожиже, помельче: сторож с дипломом Георгий Елизаров и Моргунковы (муж, жена, ребенок — клоун, акробатка, мальчонка уже помогал папе) — Морги, вносившие в особнячок элементы карнавала. На первом — в одной квартире ютились Демины (токарь, уборщица, Аленушка, процветающая в парфюмерном отделе универмага) и Серафима Ивановна Свечина, бывшая машинистка, и сейчас иногда подрабатывающая на монументальном «Ундервуде». И наконец — семейство Ворожейкиных: родители-пенсионеры, Антон с Катериной, двое ребятишек. Из традиционной экономии, ведущей начало из «военного коммунизма», эта прекрасная старая лестница — передний подъезд (как, впрочем, и черный кухонный) — была почти всегда темна; густую, застоявшуюся ночь чуть рассеивал зыбкий свет из восьмигранного маленького слухового оконца (единственного, еще два были заколочены фанерой).

На площадке, между вторым и третьим этажами, стояла Соня Неручева, привычно не замечаемый соседский ребенок. Егор вдруг остановился. Игра света, лучей, тьмы и теней, грозное сиянье черных глаз, милый отблеск волос, бирюзовая майка без рукавов, голые тонкие

руки, поддерживающие лицо, — ослепительная картинка, бессмертные детали, вырванные из мрака. Это — Соня? Неужели? Юная, белая, рыжая, она задумчиво глядела на него снизу вверх. Егор спросил:

— Что ты тут стоишь?

— Дома скандал, — отвечала она небрежно. — Сумасшедшие все какие-то. Жду, когда кончат.

— Всегда считал брак добровольным несчастьем, — пробормотал он, и внезапно стало стыдно за эту жалкую пошлость неудачников. — Впрочем, ничего я не знаю.

— Совсем ничего? — спросила она серьезно, без улыбки.

— Совсем. — Он спустился по ступенькам, остановился рядом, уже отлично зная, что стоять вот так, ощущать едва уловимый чистый запах духов, глядеть на нее и слушать — счастье. — Соня, ты не хочешь стать моей женой?

Спросил словно против воли и сам удивился безмерно.

— Ты правду говоришь?

— Правду, — подтвердил он и действительно почувствовал, что говорит истинную правду; удивительно, но слова будто опережали чувство.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Люблю, — опять с восторгом подтвердил он.

— И давно?

— Что давно?

— Давно любишь?

— Только что, сию минуту. Вот вышел на лестницу, увидел — и вдруг...

— Только что? — прошептала она в каком-то отчаянии. — Что же это за любовь?

— Не знаю. Я люблю тебя.

— И я. Только я по-настоящему, давно, с детства.

— Сонечка! Не придумывай.

— Я никогда не придумываю! — воскликнула она вспыхливо. — Вот тебе доказательство: я пошла на твой истфак.

— Ну ладно, ладно, пусть так, допустим на минуточку...

— Почему на минутку? Я принимаю твое предложение.

— Какое предложение?

— Уже забыл?

— Все на свете позабыл...

В черной нише на площадке метнулась тень, они вздрогнули, раздался сладострастный шип.

— Ах, это наш дючка-злючка, дюк Фердинанд.

Она взяла кота на руки, засмеялась, прижала мохнатую мордочку к лицу, потерлась щекой о лоснящуюся шерстку; а он любил ее все больше — хотя куда уж, кажется, — весь этот год с каждым невыносимым днем, с каждой бессонной ночью он любил ее все больше, как это ни безнадежно, как это ни безумно: любовь после смерти.

Он тоже погладил кота у нее на руках, еще не смея прикоснуться к ней, Фердинанд мгновенно зарычал, наверху хлопнула дверь, Герман Петрович быстро спускался по лестнице с большой дорожной сумкой, вот миновал их, гневно бросив на ходу:

— Иди домой!

— А ты куда? — спросила Соня рассеянно.

— Куда надо. Я тебе позвоню.

Два дня, среду и четверг, они почти не расставались (у нее наступила сессия, он сторожил через ночь), неутолимо ходили по Москве куда глаза глядят (глаза глядят в глаза) и говорили. В пятницу он дождался ее утром на лестнице (ни одна душа ни о чем не догадывалась, разве что дюк Фердинанд), они сходили в загс, заполнили анкеты и пошли бродить по звонким улицам, где бензиновый чад, весна, суeta и сирень. Под вечер вернулись в Мыльный переулок. Предстояло объяснение.

Дверь открыла Ада, проговорив рассеянно:

— Ну где ты ходишь, Соня?.. Привет, Егор. Все, ремонт окончен.

Переступая через какие-то тряпки и ящики, они прошли на кухню. Ада — впереди. Внезапно она обернулась, окинула взглядом их лица и спросила:

— Что случилось?

— Мама, я выхожу замуж за Егора.

— Глупости! — отмахнулась Ада. — Егор, ты-то, надеюсь, с ума не сошел?

— Сошел, Ада, прости, ради бога.

— А, делайте что хотите, не до вас!.. Нет, это невозможно. Отец знает?

— Я звонила, пригласила отпраздновать. Он так рад.
— Не ври. Что он сказал?
— Рассвирепел. Но придет.
— Куда?
— Сюда. Ведь мы устраиваем помолвку!.. Представляешь, какое счастье: Егор наконец обратил на меня внимание.
— Я тебе этого, Егорушка, никогда не прощу.
— Чем он так плох?
— А чем он хорош?
— Всем! Всем, понимаешь? Егор, я не могу без тебя жить и не буду.
— Я тоже. Ну, убей меня, Ада, ничего не могу поделать. Ну нет во мне ничего хорошего, сам знаю, — он вдруг испугался. — Сонечка, а ведь это правда. Ты еще как ребенок...
— Ты от меня отказываешься? — перебила она и заплакала.
— Господи, никогда!
— Ну и все. Кончили. Все. Я так испугалась. — Она бросилась к матери, обняла: — Ты молчи! А то Егор передумает.
— Нет, я умру! — Ада засмеялась, гнев и растроганность боролись в ней, поцеловала дочь. — Он передумает! Дождись. Когда вы решили... сочетаться?
— Через два месяца — так положено.
— Два месяца... — протянула Ада задумчиво и стукнула кулаком по столу; звякнули, подпрыгнув, гвозди. — Безнадежно! Егор, смотри! Она ведь серьезно, куда ты на диване лежал и крутился со своими... ведь сколько женщин у тебя было!
— Да какие женщины!
— Всекие.
— Да я не помню ничего, никого...
— Главное, как не вовремя. — Ада потерла ладонью лоб. — На редкость не вовремя... Ладно, что надо? Шампанское у нас есть, так?
— Я сбегая. За вином и за цветами.
— Деньги есть, жених?
— Есть!

Кто попался под руку, про кого вспомнил, тех он пригласил по дороге — Морга, Антошу, Алену, Романа. Собрались в комнате Ады за

овальным столом драгоценного красного дерева. Ада в чем-то прозрачно-лимонном («Женщина моей мечты!» — высказался Морг) собирала на стол, профессионал Антоша и Алена помогали. Незаметно появился Герман Петрович (значит, открыл замок с японским кодом своим ключом), наконец, сели, Ада воскликнула:

— Мой крест!

Вскочила, подошла к резному шкафчику в углу, поколдовала над замочком, выдвинула верхний ящик (крошечный ключ обычно хранился в тумбочке, как выяснилось впоследствии; преступник же воспользовался гвоздодером — фомкой из инструментов, сложенных на кухне в связи с окончанием ремонта; там же дожидался своего часа топор).

— Ненавижу беспорядок, — сообщила хозяйка, — не выношу. Ты завтра с утра заниматься?

Соня кивнула.

— Ну а на мне уборка, прачечная... — Черный крест замерцал на белоснежной коже, она пояснила с едва заметной усмешкой: — Фамильная драгоценность. Черный крест — чувствуете символику? Черный. Пропадет крест — быть беде.

— Внимание! — объявил Антоша, виртуозно открывающий шампанское. — Залп!

Раздался тихий выстрел, бокалы наполнились, клоун — лысый, маленький, но с мощной мускулатурой, с хищным обаянием, душа компании — провозгласил:

— За любовь! Жизнь есть любовь!

Нежно зазвенел хрусталь, Ада заметила с иронией:

— Это у них в цирке так условились. А в сумасшедшем доме, а, Гера? Что там думают про любовь?

— А ты что думаешь?

— Мы живем на кладбище. Хороним и сами ждем. Кажется, чем скорее, тем...

— Нет, нет! — перебила Соня испуганно. — Ты же так не думаешь, ты очень добрая и любишь людей.

— Каких людей? — поинтересовался Герман Петрович в пространство.

— Людей. Она отдала столько вещей бедным, мои платья и...

— Ты теперь бесприданница, что ль? — вставила Алена.

— Да нет, купили взамен, не в этом дело! Вы никто ее не знаете по-настоящему.

— Сонечка, что за чушь! — Ада засмеялась. — Не разрушай образ колдуньи, а то и вправду подумают, что я добрая.

— Терпеть не могу кладбищ, — заявила Алена и закурила. — Тоска.

— Нет, я люблю. — Ада тоже закурила. — В юности одно время я постоянно ходила на кладбище...

— В свой склеп, — пояснил Герман Петрович и отпил из бокала. — В свое дворянское гнездо.

— Не иронизируй. — Ада задумалась, пробормотав рассеянно: — Дворянское гнездо — это бывшая усадьба. — Вдруг оживилась; она то оживлялась, то сникала. — Господи, если б можно было все вернуть.

— Усадьбу вернуть?

— Молодость.

— Ада Алексеевна, расскажите про склеп, — попросила Алена.

— Этим скептикам рассказывать... Ну ладно. Представь, весна, деревья распускаются — и так тихо, так хорошо. От дворянского гнезда надо пройти по старой улице, свернуть налево — видны липы за оградой, — войти в узкую калитку, справа церковь, слева звонница, маленькие колокола к обедне звонят. А прямо возле церкви похоронен герой Отечественной войны... ну, этот...

— Василий Теркин? — подсказал психиатр.

— Нет, дорогой мой, — ответила Ада с ледяным терпением. — Знакомый Пушкина, к нему Пушкин заезжал... в общем, неважно. Дальше липовые аллеи, темные, влажные. Однажды иду, вижу — склеп...

Муж вздохнул и выпил из бокала.

— ...навес, весь заржавленный, из кованого железа с узорами, — продолжала Ада, не обратив внимания на вздох; говорила она с глубокой грустью, а лицо действительно помолодело. — Вошла. Под ногами на плите наша фамилия: Захарьины. Представляете? Я даже не знаю, почему это меня так поразило. Мой прадед женился на цыганке, оттого у нас у всех глаза и брови черные, а волосы рыжие, гадать умеем. — Она помолчала и заключила неожиданно: — Именно там мне хотелось бы лежать. А что, сигареты кончились?

— Я сбегаяю, Ада Алексеевна, у меня дома есть, — вызвалась Алена и выскочила из комнаты.

— Замок на предохранителе, — пояснила Ада вслед, а Морг проворчал:

— Косточкам все равно, где лежать.

— Твоим все равно, а моим...

В прихожей зазвонил телефон, она осеклась, Герман Петрович вышел, проговорил что-то невнятное, вернулся, сел на свое место.

— Кто звонил? — спросила Ада.

— Похоже, кто-то из моих пациенток... или из твоих клиентов. Нечто бредовое.

Вошла Алена с сигаретами.

— Наши ряды редеют, — констатировал Рома весело. — Мне, что ль, жениться? — Красавец Ромка и официально и неофициально женат бывал.

— Есть кандидатура? — поинтересовалась Алена.

— А как же! Егор меня восхищает, настоящий мужчина, Георгий победоносный: пришел, увидел, победил. Ада, Герман Петрович, поздравляю с зятем!

— Да, нам чертовски повезло, — кратко подтвердил Неручев.

Соня улыбнулась жениху так нежно, смягчая сарказм отца, так пылко, что он тотчас забыл обо всем и на какое-то время из общего круга выпал. Хороша она была невыразимо в будущем своем смертном наряде, в американском платье чистейшего небесного цвета с кармашками, погончиками, нашивками; тяжелые длинные волосы распущены и повязаны низко у лба алой атласной лентой; тонкие пальцы с продолговатыми розовыми ногтями тербят ветку сирени; черные глаза сияют ярче материнского жемчуга. «Господи, за что?» — в который раз со счастливым страхом подумал Егор, к нему потянулись чокаться, он очнулся.

— ...счастья и радости!

— А я и не сомневаюсь, — заговорил Морг. — Это Герман Петрович почему-то хмур и сер... О доктор, что это у вас торчит из кармашка?.. Вон, из пиджачного! Никак черный крест? Глядите, ха-ха!

— Ты эти штучки брось, — хмуро заметила Ада, застегивая на шее цепочку. — Фокусник несчастный.

— Это он сейчас к балкону подходил. Ада Алексеевна, а вы нагнулись.

— Продолжаю, — клоун поднял бокал, — и уверен, что молодые наши будут редкостно счастливы...

— Не надо, — перебил Егор, а Алена воскликнула:

— Ой, это легко узнать! Ада Алексеевна, разложите карты.

— Ну, ну, это не шутки, это дело серьезное, требует определенной атмосферы.

— Ада Алексеевна, покажите им класс. Все сбудется!

— Ладно, вы этого хотели. — Ада достала из тумбочки колоду карт — пестрые роковые фигурки, разноцветные пятна на черном фоне — перетасовала. — Антон. Крестовый туз.

— Крестовый туз, — повторил Антоша с тревожным недоумением в голубых глазах; голубоглазый, светло-русый добрый молодец. — Казенный дом.

— Тюрьма, что ли? — поинтересовался клоун.

— Любой казенный дом, — пояснила гадалка. — Например, Антош, у тебя хлопоты в твоём ресторане. Кто следующий?

— Я! — вызвалась Алена нетерпеливо.

— Предстоит нечаянный интерес.

— Как интересно!

— Гера...

Герман Петрович вздрогнул.

— У тебя пиковый валет — пустота.

— В каком плане?

— Во всех. Пусто. Роман... дама пик.

— Ведьма! — закричал Рома в упоении. — Ну, спасибо, Ада, женюсь!

— На этой не советую — злоба. Ну, Морг, не веришь — держись... Странно, семерка — к слезам. Не подозревала, что ты такой чувствительный.

— Говорю же, вранье. По роду профессии я рыжий, лысый, добрый и веселый человек.

— Да ну? Однако гнусная карта идет — сплошь пики. Молодым не буду.

— Ну мам! — воскликнула Соня в азарте.

— Сонечка, не надо, — быстро сказал Егор.

— Давай рискнем, а? — Она беспечно улыбнулась, готовая к счастью.

— Хорошо, рискнем.

— Напрасно потекаешь, — заметила Ада недовольно. — Вот видишь, я на нее загадала: девятка пик — больная постель. Будем надеяться: простуда... Ну, Егор, ты единственный из всех счастливец — червонная любовь. — Ада вытянула еще одну карту, взглянула, пробормотав: «Я сегодня в ударе», — и резким движением прекрасных белых рук сгребла разбросанные по столешнице картонки. — Все правильно.

— Мама, что у тебя?

— Что положено.

— А что?

— Счастье, — пояснил клоун. — Дочь пристроена удачно, ремонт окончен. Где только люди таких мастеров находят! Потолок, взгляните, идеальной райской белизны.

Все поглядели вверх.

— Правда, у вас лепнины немного. У меня, к примеру, нимфа смеется и маленькие такие дьяволята за нею, за нею...

Ада вдруг рассмеялась:

— Антон, налей шампанского. Все ужасно, мне все не нравится.

— Да что ты, в самом деле! — воскликнула Соня.

— Не нравится! — Ада залпом осушила бокал. — Не хочу пить за счастье, потому что его нет и не будет.

— Будет!

Соня тоже вспыхнула гневным румянцем; какие у обеих черные очи — глубокие, цыганские... «Она не ребенок!» — подумал Егор с восторгом и страхом; все молчали.

— Не смей так говорить!

— Счастье бывает только на минутку, ты не понимаешь, за все надо платить.

— Заплачу! Пусть минутка — но моя.

— Как вы мне все надоели. Не позволю.

— Ада, что с тобой? — холодно заговорил Герман Петрович. — Что ты не позволишь?

— Ничего не позволю, пока я жива.

Муж пожал плечами, все переглянулись, и тут, к своему собственному изумлению, Егор пошутил (идиотская шуточка эта потом вспоминалась и мучила):

— Что ж, Ада, тогда мне придется тебя убить.

А что касается гаданья, прав оказался Морг. Ничего толком не сбылось, так, незначительные мелочи, вполне согласующиеся с теорией вероятности: у Аленушки нечаянных интересов было более чем достаточно; психиатр заглушил семейную пустоту обширной практикой; однако ведьма не потревожила жизнь журналиста, и никто как будто не видел даже скаредной мужской слезы у клоуна; Антошу и Соню ожидала смерть, а любовь... любовь не ушла — но разве золотоносной, медовой, червонной оказалась она? Свою же карту цыганка никому не показала.

Ночью после помолвки (попросив накануне напарника подежурить за него до двенадцати) Егор сторожил маленький дворец в центре Москвы, в котором вальяжно располагался научно-исследовательский институт уголовного профиля (дворец правосудия, как называл его сам сторож). Ночь полубессонная, в полудреме мелькали красно-черные карточные пятна, стояло ее лицо, беспорядочные голоса звенели, мешались в ушах... Он вернулся домой утром, не лежалось, не сиделось, так не хватало Сони. «Что же это? — спрашивал он себя. — Наверное, я любил ее всегда, но не осознавал». Он знал, что она отправилась к сокурснице заниматься — в понедельник экзамен; Ада приводила в порядок квартиру после ремонта; несчастный муж продолжал пребывать в бегах, может быть, он и рассчитывал, что Ада предложит остаться, но она не предложила.

Егор послонялся по комнатам, сел на диван — и вдруг провалился в сон, как в яму. Так же внезапно проснулся — без двадцати одиннадцать, — бесцельно спустился во двор, он ждал. На лавке под сиренью вязала Серафима Ивановна. Вскоре появился Морг в оранжевой майке и широченных клоунских шароварах в голубую клетку, за ним — Алена в сарафане, собравшаяся позагорать. Они подошли к голубятне, Егор оглянулся, увидел входящего под арку гулкого тоннельчика Рому со всегдашней фирменной сумкой — ремешок через плечо, окликнул, и вчетвером, запрокидывая головы,

они встретили стремительный взлет освобожденных из клетки белосизых, лазоревых, розоватых птиц.

— Жара, — Рома вытер ладонью мокрый лоб. — Сил нет.

— Ой, ребята, давайте в Серебряный бор махнем, я уже в купальнике. Соня когда придет?

— Жду.

— Ну, ты вчера выдал. — Морг гикнул, ухнул, свистнул поразбойничьи. — «Придется убить!» С Адой такие штучки не пройдут. Эта баба, пардон, дама...

Пышное позлащенное облако (единственное в нежнейшем, прозрачнейшем эфире) вдруг покрыло солнце, потемнело, и страшный крик раздался откуда-то сверху, с неба, нет, словно сразу отовсюду, отражаясь от каменных стен. Соня в оконном проеме во вчерашнем платье, лента в волосах, лицо искажено нестерпимой мукой. Всплеснула руками. Кричит: «Надо мною ангел смеется...» Глаза их встречаются, пауза в доли секунды, она кричит: «Убийца!» — и исчезает.

Во всем этом есть нечто противоестественное: в тот миг ни отчаяния не почувствовал он, ни опасности, которая ей угрожала... один ужас, непостижимый — от ее взгляда, от ее последнего слова, звучавшего как обвинение... но почему она не назвала имя? Побоялась Антона, который находился где-то там, за ее спиной?.. Это сейчас можно вспоминать (да и то невозможно!), анализировать, а тогда... Какое-то время они, все четверо, стояли как камни.

Наконец Морг взревел:

— Ребята, бегите через парадное! — и понесся к черному ходу.

Они с Ромой пробежали затхлый тоннельчик на улицу (необходимо отметить что улица в обозримом пространстве была абсолютно пуста, спрятаться негде, и главное — нет времени!), пять шагов — прыжков — за угол (и переулок пуст), мрак парадной лестницы, один пролет, второй, третий... вот ниша (почему-то я обратил на нее внимание, так, скользнул взглядом — та самая ниша, из которой зашипел на нас дюк Фердинанд, когда луч падал на рыжую голову)... истертые ступени, дверь с медной табличкой, стук, крик, рев, свет, кровь...

Официальная версия действительно стройна и логична (даже слишком, арифметически логична — кажется мне теперь, в свете

новых фактов... факт? лента на могиле — факт? безумие! Неужели кто-то на Антоше затянул удавку?). Во двор, небольшой, тенистый и уединенный, выходит только один подъезд, черный ход из нашего особнячка; два других дома окружают двор глухими стенами. Маляры, накануне закончившие ремонт у Неручевых, обладают стопроцентным алиби. Соседи. Пошли снизу. Ворожейкины: старики на даче (в этом году уже не снимают — не на что), детей Катерина привезла искупать, они играли в песочнице, а сама отправилась на рынок. Серафима Ивановна сидела во дворе. Демины: Николай Михайлович на заводе — «черная» суббота, Настасья Никитична мыла полы в школе. Именно она по дороге на работу встретила Аду с бельем, та пожаловалась, что прачечная закрыта. Марина Моргункова была на репетиции в цирке, психиатр прогуливался по бульвару. И наконец, мы четверо — те, что стояли возле голубятни. Четверка с совершенным алиби.

Итак, рано утром Соня уходит заниматься; одержимая порядком и энергией, Ада моет, чистит, прибирает (остаются отпечатки пальцев самой хозяйки — повсюду; Сони — в ее комнате на личных вещах, гребень, склянка с духами и т. д.; Антоши и Морга — на кухне и в прихожей; в прихожей, кроме того, «наследили» и мы с Ромой; взломанный ящик резного шкафчика, шкатулка и брошенная тут же фомка тщательно протерты, или преступник действовал в перчатках; мешочек с драгоценностью запачкан в крови, но на ткани идентифицировать отпечатки пальцев невозможно; на самом кресте установлены отпечатки, так сказать, вчерашние: Ады, Германа Петровича и Морга, проделавшего фокус; наконец, главная улика — на топорище след большого пальца Антона; в общем, эти данные работают на ту же логичную, стройную версию).

Ада собирает белье и идет в прачечную. Последняя суббота месяца — санитарный день. Возвращается, поднимается по парадной лестнице, открывает дверь своим ключом и сталкивается с Антошей, проникшим через кухонную дверь, которую хозяйка вроде бы забыла запретить. Убийство. Неожиданное появление Сони. Бросается к окну, кричит в невменяемом состоянии; очевидно, Антон преграждает ей выход из кухни в дворовый подъезд, она бежит в прихожую, где он и настигает ее. Вытирает топор полотенцем, спускается к себе (встретив Морга), прячет в плащ мешочек с драгоценностью, замывает следы.

Единственная версия, единственный мотив, единственный преступник. После казни (крики из зала: «Смерть! Смерть убийце!»), после очерка с претенциозным названием «Черный крест» — в реальный, застывший мир врывается, нет, осторожно проникает нечто... «Ну да, нечто сверхъестественное! — Егор усмехнулся во тьме, выйдя от Германа Петровича. — Натуральный призрак, что чудился Антоше на месте преступления... и труп шевельнулся...» Егор начал спускаться к площадке, где давным-давно золотой луч... вдруг показалось, будто в нише метнулась тень. Тогда был дюк Фердинанд, и Соня взяла его на руки. Егор остановился как вкопанный. Воображение разыгралось или действительно вспомнилось: когда они бежали с Ромой навстречу убийству, какое-то движение, шевеление почувствовалось в нише, уловилось боковым зрением?... Да ну, это сейчас, задним числом, нагнетаются страсти. Егор подошел к нише — удивительное ощущение, будто он входит в тайну. На крюке — последняя деталь, оставшаяся от старинного фонаря, — висело, покачиваясь, поблескивая, что-то... и слышались осторожные шаги... ниже, ниже... негромко хлопнула парадная дверь. Он протянул руку, прикоснулся — что это? Как будто сумка? — сдернул с крюка и помчался вниз по лестнице, выскочил в Мыльный переулок. Тихо, пустынно, полная луна. Никого. Померещилось? Но вот же в руке — лаковая дамская сумочка. Пустая.

Егор одним духом взлетел на третий этаж, позвонил, хозяин возник на пороге мгновенно, словно стоял за дверью.

— Герман Петрович, взгляните, это не ваших сумка — Ады или Сони?

Психиатр взял сумочку, отступил в разноцветный круг венецианского фонаря, взгляделся.

— Совершенно не в их стиле. Нет, нет, исключено. Что внутри?

— Ничего. Пустая.

— Откуда она у вас?

— Сейчас в подъезде нашел.

— В подъезде?... А почему, собственно, вы решили, что она могла принадлежать моей жене или дочери?

— Не знаю. Так... одно к одному.

— Молодой человек, — заключил психиатр, возвращая сумочку, — вы можете плохо кончить.

— То, что ты рассказываешь, Егор, совершенно неправдоподобно.

Они сидели с Серафимой Ивановной на дворовой лавочке, отгороженной от остального мира сквозной шелестящей сиреневой массой, томительным горчайшим духом. Худые руки со спицами праздно лежали на коленях, рядом на лавке черная сумочка.

— Неправдоподобно, — подтвердил он. — И все-таки это правда.

— Выходит, во всем этом мы не понимаем главного.

— Может быть, нам трудно понять логику сумасшедшего?

— Может быть. Только учти: по твоим словам, лента на могиле очутилась через год, день в день, когда, по обычаю, навещают покойных.

— Но какое извращенное воображение, предельный цинизм — трогать покой мертвых.

— Кто-то хотел, чтоб ленту увидели, подал знак.

— Какой знак? О чем? — воскликнул Егор в тоске. — Все умерли. Все!

— Значит, не все.

— Но почему через год? Почему целый год молчания?

— Газета... — произнесла Серафима Ивановна, словно ловя ускользящую мысль. — Сразу после газеты, на другой день.

— Я уже думал об этом. Но в очерке нет ни одного нового факта. Все, о чем пишет Гросс, выяснилось на ранней стадии следствия.

— А «приговор приведен в исполнение»?

— Так ведь еще в марте приведен, всем известно. Нет, это безумие! Свидетеля не было, физически не могло быть.

— Кто-то украл ленту, — напомнила Серафима Ивановна. — И Антоша кого-то почуял в квартире.

— Натуральное привидение, — пробормотал Егор. — Ночью увидел в нише сумку — и по ассоциации вообразилось, что когда мы с Неручевым бежали, я подсознательно засек какое-то движение в нише. Сегодня попробовал там спрятаться — не помещаюсь, ниша глубокая, но узкая, и крюк мешает... Антоша почуял, я почуял... игра воображения, нервы.

— Ты высокий, — заметила старуха. — А я, должно быть, помещусь.

— Серафима Ивановна, какой сверхъестественный ловкач стоял и смотрел, как женщин убивают? Допустил казнь невинного? Не объявился на следствии, на суде? А сейчас старается запугать меня?

— Его надо найти, — твердо сказала Серафима Ивановна. — Это опасно. Все больше укрепляюсь в мысли, что Антоша не мог убить Сонечку и Аду.

— А черный крест в его плаще?

— Да не пролил бы он кровь из-за драгоценности. Возможно — вон и следователь ему подсказывал, в очерке напечатано, — преступник обронил мешочек на кухне, Антон нашел, а признаться побоялся.

— Он здоровый человек, уравновешенный. Унести такую улику с места убийства, возле трупа подобрать... и спрятать почти на виду? Бред!

— Бред, — тихим эхом откликнулась старуха.

— Серафима Ивановна, кто мог ненавидеть Аду?

— Что ж, она была женщина необычная.

— Герман Петрович пришел вчера к оригинальному выводу: кто желал Аде зла — тот украл ее талисман.

— Да, помню, она говорила: пропадет крест — быть беде. Да это все слова, ведьму из себя разыгрывала.

— Вот именно. Она врала, сочинила фамильную дворянскую драгоценность, а крест ей просто муж подарил.

— Ох, в ней было всего понамешано.

— Какая же она была?

— Девочка была как девочка, только очень хороша, редкостно. Представь Сонечку, но более отчаянную, жадную к жизни. Школу окончила, в институт не прошла, ну, там-сям поработала, тут мать — жива еще была, медсестра из психиатрической больницы — ее к себе устроила. Мужчин она с ума сводила, а встречалась с Васькой...

— С Моргом?

— С Моргом. Удивляешься? Он привык шута горохового корчить, но что-то в нем есть... мужское, хищное, понимаешь? Вот если б тогда убийство произошло — я бы не удивилась.

— То есть она его бросила?

— Бросила. Васька рвал и метал, Ада сбежала, у родственников пожила, покуда он не уехал в Сибирь по распределению, училище

кончил.

— Это все из-за Германа Петровича?

— Ну да. Он у себя в лечебнице царь и бог. Влюбился в красотку — так она и стала дворянкой, цыганкой, колдуньей, упокой, господь, ее душу.

— А Морг?

— Там, в Сибири, женился на своей циркачке — на Марине. Так все и кончилось.

— А может, не кончилось?

— Морг занимался голубями у нас на глазах, — ответила на это Серафима Ивановна, как всегда поняв собеседника с полуслова. — Во двор он вышел сразу после тебя по черному ходу.

Залитый солнцем двор, разноцветно-серебристые птицы в небесной вышине, комичная фигура «рыжего», майка, обтягивающая могучие мускулы, необъятные шаровары, — свистит, беснуется, подпрыгивает с шестом в руках... небеса потемнели. «Ребята, бегите через парадное!» И исчезает в подъезде. «А ведь это я его под расстрел подвел».

— Удивительно, — сказал Егор, — убийство произошло у всех у нас почти на глазах — и сколько в нем тайны. О, Морг к голубям отправился. Ну да, понедельник, в цирке выходной.

Морг, в шароварах и майке, шел по двору, посвистывая, поднялся по лесенке к клетке на невысоких столбах, раскрыл дверцу — птицы с ликующим гамом вылетели на волю — и сел на перекладину, глядя в небо.

— Пойду пообщаюсь.

Егор подошел к голубятне, клоун сразу поинтересовался:

— Слушай, про какую сумку ты у Марины спрашивал?

— Дамская сумочка, черная, лаковая. Сегодня ночью в нашем парадном нашел.

— С деньгами?

— Пустая.

— Черная, лаковая, без денег? Не наша. Хороши турманы, а?

— Я наш двор без твоей голубятни не представляю.

— Ну, я, еще когда в цирковом учился, увлекся.

— Когда с Адой встречался?

— Неужели ты помнишь? — удивился Морг.

— Смутно.

— Отчаянная девочка была, прелесть! «Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим». Тут Герман встрял — я уступил.

— Поэтому она к родственникам до свадьбы сбежала?

— А, ты в курсе. Правильно она сбежала — я был готов на все. — Морг помолчал, потом добавил с пафосом: — Они убили моего ребенка.

— Какого... ты что!

— А я ведь собирался жениться, благородно. Я человек благородный, не замечал? Хотя и не дворянин, склепа не имею. — Клоун засмеялся тихонько. — Никогда не прощу.

— Так она аборт, что ли, сделала?

— Ну. Ради старика...

— Ты думаешь, она за Германа Петровича по расчету пошла?

— А то нет! Он же на двадцать три года старше, развалина.

— Ну, уж развалина...

— Мерзкий старик, за деньги купил, — клоун хохотнул. — Любит девочек-пионерочек.

— Положим, Ада совершеннолетней-то была.

— Девятнадцать стукнуло. Как раз в феврале они закрутили и убили моего ребенка (рожать в августе собиралась), так в июне они уже поженились, в природе не существовало ребенка, а меня сослали в Сибирь. Славно все получилось, правда? Помнишь, вечером перед смертью она сказала, что за все платить надо? Вот и заплатила.

— В каком смысле?

— Ну не в буквальном — в широком, философском. Что и справедливо в конце-то концов!

— Справедливо? Неужели тебе ее не жаль?

— Нет. Соню жалко... Но Антошка-то как озверел — бить по мертвой... Эх, жизнь-тоска!

— А как ты думаешь, Ада с Германом хорошо жили? — Сам Егор жил настолько отъединенно, что про ближайших-то своих соседей ничего не знал.

— Великолепно — потому он и ушел, а? — Клоун подмигнул. — Или его выгнали?

— Выгнали?

— Ну, не знаю, что там у них стряслось, только семейка распалась. Ку-ку!

Поднявшись к себе, Егор долго стоял у окна, рассеянно глядя на голубятника, старую даму, гроздь сирени... Может, прав психиатр и не стоит вступать в этот круг патологии и ненависти? Страшно. Прошел к стеллажам — мамино наследство, — взял словарь, нашел слово «инцест» — кровосмешение, половая связь между ближайшими родственниками... «Любит девочек-пионерочек». «Герман и Соня? Я с ума сошел! Мерзость, грязь, ангел смеется... Как я целовал ее волосы, и она сказала, что ни разу к ней не прикоснулся мужчина...»

Егор швырнул словарь на пол.

— Любимая моя! — сказал он вслух. — Какая б ты ни была, что б ты ни скрыла от меня — я все равно тебя люблю.

Ночь прошла в привычной бессоннице во дворце правосудия. Вот уже год его мучили бессонницы, но он боялся и засыпать: всегда один и тот же невыносимый сон. Впрочем, сейчас не до этого. Главная загадка (он отдавал себе отчет, что в ней ключ ко всему); почему преследуют именно его? «Я не свидетель, не преступник — почему такое внимание? Что хотят внушить мне? Просто испугать? Зачем? Угрожают? Но ведь я не представляю ни малейшей опасности ни для кого — я ничего не знаю: только то, что напечатал Евгений Гросс. А между тем чувствую, как суживаются круги — в этой тьме, на многолюдной улице, в зеленом дворике, — идет незримая охота.

Вернувшись с дежурства домой, Егор быстро осмотрел все комнаты: мамину, свою и кухню (в силу социальной справедливости после смерти мамы его полагалось уплотнить, но, по слухам, особнячок обрекался на снос). Кажется, никто не навещал его ночью, никаких знаков, намеков... оставалось только ждать, хотя нервная энергия, жизненная сила требовала выхода.

До вечера он провалялся с книжкой на диване, и Смутное время в «Истории государства Российского» не казалось таким уж смутным в нынешних «сумерках богов». В сумерках прибыл Роман — прямо из редакции, продуманно небрежно одетый (эта «небрежность» стоит недешево), столичный журналист-проныра. Так хотелось бы выглядеть Роману (американский идеал) — и так он выглядел, хотя за внешним лоском «настоящего мужчины» (занимаюсь восточной борьбой),

«своего парня» (пью водку с мужиками на равных) скрываются, Егор знал, мягкость, нежность и безволие, что так пленяют женщин, уставших от мужского самоутверждения. Ромка совершенно по-детски обожал своих друзей, бился в истерику при известии о казни Антона и в целом определялся одним словом: «Счастливчик!»

— Егор, — заговорил он оживленно, опустившись в дряхлое кресло у письменного стола, — возникла сплетня, будто ты нашел какую-то таинственную сумочку в парадном.

— Открой верхний ящик стола... видишь?

— Тут и лента!.. А что в ней?

— Ничего. Знакома тебе эта сумка?

— Откуда?

— У какой-нибудь твоей дамы...

— Мои дамы фирменные, а тут ширпотреб.

— Сумка висела на крюке в нише.

— В нише? В какой нише?

— Между вторым и третьим. А внизу слышались шаги. Одновременно, понимаешь? Увидел сумку и услышал... Да, вспомни, Ромочка, когда мы бежали на Сонин крик, ты ничего в этой нише не заметил?

— В каком смысле?

— Как будто шевеление в глубине.

— Не заметил. — Рома явно затрепетал. — Ты считаешь, там убийца переждал, пока мы...

— Мужчина в нишу не поместится, ну, если очень маленький и тоненький.

— Ага, злобный карлик или нежная фея.

— Ром, ты близок к Неручевым...

— Боже упаси!

— Самый близкий сосед — через стенку. Вот на твой взгляд, что это была за семья?

— С большими странностями семейка. Все трое. Про цыганку сам знаешь, ее весь Мыльный боялся. И муж все это терпел — крупный ученый, международного класса — все терпел. Это не странно? Да и сам он... всегда появляется вдруг, бесшумно, замечал? Глаза ледяные, пустые. Ну, если всю жизнь общаться с пациентами... — Рома замолчал в раздумье.

— Ты сказал: «все трое», — напомнил Егор.

— Разве? Оговорился. Соня... впрочем, я на нее и внимания-то особого не обращал. Красавица, конечно, но не в моем вкусе, детсадом отдает, прости, слишком наивна, слишком ребенок.

Егор жадно вслушивался в его интонацию, ранодушную, даже добродушную. Друг детства, Счастливчик. Теоретически больше всех годится на роль...

— Ребенок? — переспросил он. — У нее был мужчина.

— Не знаю, что у вас с ней было...

— Того, о чем ты думаешь, не было.

— Серьезно? Так какого ж ты... а, понятно, сохранил репутацию.

— Не сохранил, как видишь. Противно. Самому на себя. Но меня это очень волнует.

— Жорка, ты — «рыцарь бедный», честное слово! Кого теперь волнует потеря девственности.

— Меня волнует убийство.

— Ты считаешь, есть какая-то связь...

— Не исключено.

— Намек понял. — Рома улыбнулся милой своей мягкой улыбкой. — Я ведь слабак, Жорка, не спорь, только тебе признаюсь. Меня волнуют женщины эмансипированные, не школьницы. А Соня — как будто сама невинность... что ж, я ошибался, она была дочерью своей матери.

— Ты помнишь ее глаза?

— Еще бы. Они черные. Говорю же — ведьма, дочь своей матери. В Аде чувствовался огонь, и очень сильный.

— Герман Петрович утверждает, что за девятнадцать лет они ни разу не поссорились.

— Не знаю, не подслушивал.

— Ну, невольно, мог что-нибудь засечь... стены у нас не капитальные.

— Скандалов не помню, мата не помню. А сейчас вообще тишина, как в склепе. Тебя интересуют отношения Германа с Адой?

— Да. А также его отношения с дочерью.

— Ну, старик и поздний ребенок... оберегал, дрожал над ней, ясно. А вот с Адой... рассуждая теоретически: где страсть, эротика, деньги — там может быть все что угодно, вплоть до преступления.

— Герман Петрович гулял по Петровскому бульвару, — сказал Егор задумчиво. — И у него ключи от квартиры.

— Он мог по-тихому войти, но никак не мог выйти, — возразил Рома. — Он отнюдь не карлик.

Стало совсем темно, лишь уличный фонарь распространял слабый рассеянный свет сквозь листву, и зеленовато мерцала первая звезда — одинокая Венера. Егор сказал глухо:

— Кто-то предупреждает меня. О чем? Если расстреляли невинного, то где-то существует убийца. Как он существует? Как он вообще может существовать? Руки в крови, ты понимаешь, кровь кричит...

— Егор! — закричал Рома. — Успокойся!

— Я спокоен. Я найду его. И не буду связываться с так называемым правосудием. Своими собственными руками...

Протяжно заскрипела дверь черного хода, шаги, силуэт на пороге. Рома грохнулся на пол. Послышался голос:

— Егор, ты дома? Что в потемках сидишь?

— Дома, — он протянул руку, включил ночник.

Серафима Ивановна стояла в дверях, журналист лежал навзничь, неподвижно возле стола.

— Что это с ним?

— Ожидал натурального призрака. Я и сам струхнул... Ром, вставай, перед дамой не позорься.

— Да он в обмороке!

— Как бы не так! — Рома сел, прислонясь к креслу. — Здорово разыграл?

— Разыграл! — проворчала старуха. — Мужчины называются. Верите, ни разу не пожалела, что замуж не пошла. Так вот, у наших подъездных дам алиби нет ни у кого.

— Чем обязан? — поинтересовался психиатр учтиво, придерживая, однако, сильной рукой входную дверь.

— Герман Петрович, можно с вами поговорить? — Хозяин поморщился, Егор добавил: — Только вам, знатоку человеческих душ, под силу разрешить загадку.

— На лесть вы меня не возьмете. Проходите.

Они сидели в холодных кожаных креслах, потягивали коньяк.

— О какой загадке вы говорите?

— Убийство. Герман Петрович, вы знали, что в юности Ада была близка с Моргом?

— Разумеется. Как бы она могла скрыть что-то от меня. К сожалению, я узнал об этом после женитьбы.

— То есть вы не женились бы, если б знали...

— Что за пустяки! — отмахнулся Герман Петрович. — Что за хилая любовь, которая не одолеет такое препятствие? Я взял бы ее любую, но не позволил бы избавиться от ребенка. Это мерзость. Это они придумали с матерью.

— Вы усыновили бы чужого ребенка?

— Не чужого, а ее. Я замечал кое-какие странности, но не до того мне было.

— Какие странности?

— Когда я увидел Аду — такой, знаете, непорочный ангел в белых одеждах — некоторым женщинам удивительно идет больничный наряд милосердия, — я сразу понял, что жизнь моя переменится. Отказа я не получил и в тот же день уволил ее из сумасшедшего дома — так она называла мою клинику. Тут бы заняться ею вплотную, но на мне висел бракоразводный процесс...

— Вы были женаты?

— Да. Ведь мне было уже сорок два. И хотя я сразу отказался от всего — имею в виду материальные дрязги, — дело требовало нервов и времени. Варвара Дмитриевна, будущая теща, — женщина ловкая, умница, я был к ней искренне привязан, — настояла, из каких-то преувеличенных приличий, не видаться с невестой до развода — как выяснилось впоследствии, Ада дожидалась отъезда клоуна, боясь скандала. Разумеется, я пошел на все, а они скрыли концы в воду. Ну, непорочного ангела я не получил, но я не мелочен. Месяца через три после женитьбы — пришлось переехать в Мыльный — я стал невольным свидетелем разговора жены с циркачом — тот приезжал на несколько дней в Москву — разговора, который подтвердил мои подозрения.

— То есть вы поняли, что она любит Морга и что...

— Ничего подобного. Вас тянет на житейские схемы: старик муж, молодой любовник, коварная красавица. Нет. По заданию тещи я вышел с мусорным ведром, начал спускаться по черной лестнице,

слыша ее голос снизу, из тьмы, и переживая минуту удивительную. Это было объяснение в любви: я безумно люблю мужа, не могу без него жить, мне не нужен никто, никто и так далее. А клоун твердил как попка: ты убила моего ребенка, ты убила моего ребенка... «Да, я пошла на все, — отвечала она, — я боялась, он от меня откажется». То есть мы с ней пошли на все навстречу друг другу. Все разрешилось банально: Морг женился, а Ада прожила еще почти девятнадцать лет.

— Герман Петрович, извините, я как будто выражаю сомнение, но... вы говорили, что никогда не ссорились, — и вдруг бросили все и ушли.

— Повторяю: она меня оскорбила — и я до сих пор не понимаю, из-за чего. Может быть, ее расстроил тот телефонный звонок, не знаю.

— А помните, на помолвке, тоже кто-то позвонил, вы сказали так странно: ваша пациентка.

— Я пошутил. Нечто забавное... или зловещее. Вероятно, ошиблись номером.

— А что сказали?

— Сейчас вспомню буквально... «Надо мною ангел смеется, догадалась?»

— Ангел! — закричал Егор. — Не может быть!

— Отчего же? — возразил психиатр невозмутимо. — Так и было. Вам это о чем-нибудь говорит? Мне лично нет.

— Герман Петрович, разве следователь не говорил вам о последних словах Сони?

— Что такое? — Психиатр нахмурился. — Ну да, бессвязный набор слов, она находилась в шоковом состоянии.

— Может быть, и в шоковом, но она крикнула: «Надо мною ангел смеется... убийца!»

— Что все это значит, черт возьми, — пробормотал психиатр машинально.

— Аде звонил убийца, — зашептал Егор, — по поводу тайны, связанной с этим, который смеялся. О нем узнала Соня и тоже погибла. Они обе убиты, потому что...

— Но позвольте! — Герман Петрович вышел из оцепенения. — Какой убийца? Звонила женщина.

— Ах да, пациентка... Вы уверены?

— Знаете, я еще не совсем в маразме...

— Голос незнакомый?

— Как будто незнакомый. Вообще я был взвинчен тогда... и с Адой и с Соней — все вместе. Постараюсь сосредоточиться. — Психиатр полузакрыв глаза. — Довольно молодой, несколько пронзительный голос, никаких дефектов, характерных особенностей, а вот интонация... вопросительная, эмоционально насыщена. Если можно так выразиться, вкрадчивая ненависть: «Надо мною ангел смеется, — пауза, — догадалась?» Ненависть и насмешка. В сочетании с красивым тембром и бессмысленным текстом произвело впечатление болезненное. И еще: звонили откуда-то рядом, словно из соседней комнаты.

— То есть из нашего дома?

— Не буду этого утверждать, но — рядом. Было слышно даже дыхание, слегка прерывистое.

— Алена сидела с нами за столом, — сказал Егор. — Остаются Катерина и циркачка... Да ведь Алена выходила! Помните? За сигаретами?

— Да, помню.

— Герман Петрович, вы бы узнали голоса этих трех?

— Наверное. Впрочем, повторяю, я был взвинчен, да и с соседками почти не общаюсь.

— Давайте проверим! Пожалуйста.

Они прошли в прихожую, Герман Петрович кратко побеседовал с каждой из «подозреваемых» о подписях против сноса особняка.

— Кажется, не они. Но утверждать не могу. Не голос мне запомнился — интонация, необычный текст, а тут... приличный светский разговор, никаких таких страстей.

Вновь наступило воскресенье, всего неделя прошла, как жизнь настигла его, солнце, отцветающая сирень, дети, лавочка, белое кружево и праздные спицы на коленях; они говорили вполголоса («натуральный призрак» не давал о себе знать, но мир вокруг неуловимо изменился).

— Все началось с телефонного звонка, — говорил Егор, пытаясь восстановить связь событий. — Ада кричала: «Я на все готова! На все!» — бросила трубку, и ни с того ни с сего они поссорились — впервые за девятнадцать лет. Может быть, Герман Петрович врет...

— Они вроде хорошо жили, — вставила Серафима Ивановна.

— ...но второй звонок, на помолвке. Кому предназначалась странная фраза — глагол «догадалась» женского рода — Аде или Соне? Мне кажется. Аде. Во-первых, фраза звучит как продолжение недавнего разговора, а Соня с утра была со мной. Во-вторых, Ада нервно спросила у мужа: «Кто звонил?» Вообще она страшно нервничала, особенно в конце вечера, после гаданья, и не сказала, какую карту вытянула для себя.

— Думаешь, шантаж?

— Похоже на то. Она умела держать себя в руках, но после звонков была на грани истерики и сорвалась оба раза: оскорбив мужа и поссорившись при посторонних с дочерью. Ангела упоминает Соня перед смертью, и «нечто забавное», как выразился психиатр, получает неожиданно страшный, ускользающий смысл.

— Ангелы не смеются, — пробормотала Серафима Ивановна, — они над нами плачут.

— Значит, здесь какой-то особенный. Женский голос спросил: «Догадалась?» А Соня как бы отвечает на другой день: «Убийца».

— Но если она догадалась, кто этот ангел-убийца, то почему не назвала имя?

— Я все время думал об этом. Выходит, убийца был ей незнаком, то есть она не знала его имени, а предупредила нас как смогла — этой странной фразой.

— Незнаком, — повторила Серафима Ивановна. — В дворовый подъезд никто чужой не входил: я сидела на лавке с восьми утра до момента убийства. Остается парадное.

— У Неручевых японский замок с кодом, — отозвался Егор задумчиво. — Следов взлома не обнаружено, все три ключа нашлись сразу: Сонечкин в луже крови возле убитой, второй — в хозяйственной сумке Ады с бельем, третий — у Германа Петровича. Правда, были открыты балконные двери, проветривалась квартира после ремонта.

— Ну, Егор! Поздним субботним утром на глазах у прохожих вскарабкаться на третий этаж по совершенно гладкой стене...

— Да, исключено. Дверь могли открыть только хозяева, и, по словам Германа Петровича, Ада не открыла бы постороннему. Ей, во всяком случае, преступник был знаком.

— Знаком-то знаком, — проворчала Серафима Ивановна. — Куда он потом делся — вот загадка. Или он — женщина, которая спряталась в нише, когда вы с Ромой бежали по лестнице.

— Как-то трудно представить женщину, способную на такое зверство, хотя примеры в истории имеются... и женский голос по телефону чуть не из нашего дома — ненависть, насмешка... Но женщина, которая смогла бы поместиться в нише, то есть очень тонкая и маленькая, вряд ли способна нанести такие удары.

— Не скажи. Циркачка наша мала и тонка — а мускулы? Каждый день тренируется.

— Вообще цирковой парой стоит заняться, — согласился Егор. — Но ведь у Марины алиби?

— В цирке была на репетиции.

— С сыном?

— Нет, он тут во дворе с ребятами играл. Катерина ходила на рынок, да она в нишу не поместится, очень крупная. Алена с вами у голубятни стояла.

— Разберемся с нами — с нашей четверкой у голубятни. У нас примерно одинаковые ситуации: каждый был у себя, потом вышел во двор. У троих есть алиби.

— У троих?

— Судите сами. Соня кричит в окно. Алена остается на месте. Мы с Ромой бежим, через парадное к запертой двери. То есть мы трое не имели возможности убить Соню.

— Ты намекаешь, что Морг совершил преступление в два приема?

— Маловероятно — и все же реально. На нем были старые клоунские шаровары, наверняка с потайными карманами. На помолвке он видит, где Ада хранит черный крест, и на следующий день около одиннадцати поднимается к Неручевым. Или Ада действительно забыла запереть кухонную дверь, или, уже вернувшись из прачечной, открывает соседу — не столь уж важно. Он убивает ее, крадет мешочек с драгоценностью (подготовившись заранее, действует в перчатках), кладет крест и перчатки в шаровары, затем спускается во двор, может быть, рассчитывая в голубятне спрятать драгоценность. Но тут подходим мы, и его настигает Сонин крик. Он-то понимает значение ее слов. Морг направляет нас с Ромой в парадное, сам бежит по черному ходу, зная, что кухонная дверь у Неручевых открыта.

Встречает перепуганного Антошу и незаметно — фокусник! — засовывает ему мешочек, скажем, в карман брюк. Антон, замывая одежду, обнаруживает опасную находку и впопыхах прячет в старый плащ. Морг врывается на кухню к Неручевым. Допустим, Соня узнала про «ангела» накануне от матери, она выдает себя, бежит от него в прихожую. Мы с Ромой колотим в дверь, слышим какие-то крики, клоун довольно долго не открывает, затем появляется перед нами весь в крови.

— А перед этим во дворе ты на нем пятен не заметил?

— Вроде нет. Но ведь Ада убита одним ударом, и кровь из раны натекла на пол позже, когда она упала. Упала навзничь, удар был нанесен спереди — так же как и Соне. Последнее, что они видели в жизни — это лицо садиста.

Егор шел по Страстному бульвару, сквозь июньские светотени, вечерний звон и гам, миновал «Россию», фонтан, Пушкина, спустился в подземелье — вокруг отпускная остервенелая толкучка, он ничего не видел — поднялся на белый свет, перешел на Тверской, побрел по пестро-желтой дорожке, остановился, оглянулся. Странное ожидание, когда чувствуешь чей-то упорный взгляд и должен убедиться... Нет, все тот же мир в древесных сумерках, ничего примечательного. Но ожидание не проходило.

Он поднялся во дворец по чудесным каменным ступеням, перебрался словами с уходящим вахтером, прошел в свою каморку-сторожку, лег на диван, закинул руки за голову на жесткий круглый валик, рассеяно глядя в окно. Как дома: диван — только обитый черной прохладной кожей; окно — только забранное стальной решеткой... что должен чувствовать смертник в настоящей камере? Скорей бы!.. Нет, нет, остановись, мгновенье, какое б ты ни было!

«Опять меня заносит, а я должен разработать версию Германа». Герман! Забавно. «Три карты, три карты, три карты», — и дама пик, и сумасшедший дом. Психологически (психически) он более подходящий претендент, чем Морг. Более глубокие, потаенные страсти. Итак, Ада узнает об отношениях мужа и дочери. «Однако я вправду с ума сошел — ведь быть не может!» Итак, она узнает, бурное объяснение, смертельное оскорбление... А мы с Сонечкой в это время стоим на лестнице в золотом луче. Муж переезжает на другую

квартиру. Через три дня — нечаянный удар: дочь сообщила, что выходит замуж. Психиатр (сексуальный маньяк) задумывает убийство.

Утром в субботу по парадному ходу он поднимается на третий этаж, отпирает дверь своим ключом (Соня у сокурсницы, Ада в прачечной). Зная, разумеется, где хранится ключ от шкафчика, он имитирует кражу со взломом, чтобы отвести подозрение от себя (возможно, действует в перчатках). Приход Ады. Ужасная сцена. Он убивает жену, в это время появляется Соня, кричит в окно (ангел-убийца? дьявол! она не смогла выдать отца), он настигает ее в прихожей, наносит удары, озверев, опьянев от крови, срывает алую ленту... хочет уйти — вдруг с протяжным скрипом открывается дверь черного хода, на пороге кухни возникает Антоша. Он не видит Германа в темной прихожей, но подсознательно отмечает некое движение, шевеление в темноте — «возникло жуткое ощущение чьего-то невидимого, неслышимого присутствия».

Два момента в этой версии остаются для Егора загадкой. Как пришло в голову Антону забрать с места преступления оброненный, видимо, черный крест — страшную улику? И каким образом Герман Петрович скрылся из дома (в нише он не поместится — высокий рост)? Если поведение Антоши еще можно объяснить полной растерянностью, невменяемостью, то исчезновение Германа сверхъестественно... а значит, от этой версии придется отказаться?.. Егор вздрогнул. Открытая балконная дверь! Все произошло с молниеносной быстротой. Соня закричала в окно, была убита, Антоша в ужасе побежал к себе, встретив на дороге Морга. Убийца чувствует приближение людей и выходит на балкон. Пока мечутся и кричат в прихожей, он перемещается к Сориным (что под силу даже инвалиду: перила не выше метра, балконы почти примыкают друг к другу и скрыты в густой тополиной листве от глаз прохожих). Затем из квартиры Сориных (замок английский, дверь изнутри можно открыть без ключа и захлопнуть за собой) проникает в парадный подъезд (вопрос: куда он дел окровавленную одежду? Например, прихватил из шкафа чистую и у Сориных надел прямо на запачканную, там же умылся). Далее: Мыльный переулок, трамвай. Петровский бульвар (где его действительно видел завсегдатай-пенсионер), квартира заграничного друга (обыск там не делали, вещички сожжены... нет, хлопотно... гниют, должно быть, где-то в сырой земле), звонок клоуна:

убиты жена и дочь (Морг разыскал номер телефона, записанный Соней, в блокноте на подзеркальнике).

Таким образом, остается уточнить: была ли открыта у Романа балконная дверь? Если это обстоятельство подтвердится в пользу версии Егора — поиск можно считать законченным.

Егор набрал номер телефона — длинные гудки, дома нет. Ну, конечно, «фирменные дамы»...

Могла ли им увлечься Соня?.. «Как выяснилось, я очень мало знаю о ней, да, я поверил ей сразу и навсегда». «Не в моем вкусе, — сказал Рома, — слишком ребенок». А перед этим что он сказал? «Заворожила, околдовала — не его, меня — ведьма». Дама пик на помолвке. «Женюсь!» Как будто бы тончайшая, прерывистая связь слов и событий, но где тонко, там и рвется». (Егор, с цветами и шампанским в сумке, позвонил в дверь к Сорину, они стояли, разделенные порогом. Весть о предстоящей женитьбе Роман воспринял вполне жизнерадостно: «Ты и Соня? Забавно, старик, отлично! Прелесть девочка! Когда это ты успел? — Нервное возбуждение прорывалось в голосе, глазах, жесте, тонкие пальцы сжали руку друга. — Ну, я рад!» Радостное возбуждение, возможно, в пылу творчества. «Приходи сейчас к Неручевым, будет что-то вроде помолвки». — «Эх, черт, срочная работа — к завтраму... обидно». — «О братьях-славянофилах?» — «В точку! Не обижайся, Егор, ладно?» — «Да ладно». — «Не обижаешься?» — «Да нет, нет») «Однако он пришел (дружба — дело святое), и, по-моему, они с Соней не обращали друг на друга особого внимания. И он не имел возможности убить ее — вот главное. Так с кем же она провела ночь перед смертью?..»

Наконец в двенадцатом часу журналист отозвался:

— Слушаю.

— Привет. В то утро, когда убили Аду с Соней, у тебя была открыта балконная дверь?

— Дверь? Какая дверь?

— На балконе.

— На балконе?.. Не помню. А что?

— Мне пришло в голову, что убийца мог сбежать от Неручевых через твою квартиру... Алло! Что молчишь?

— Вспоминаю.

— Ты вспомни, как Алена предложила поехать в Серебряный бор.

— При чем тут бор?

— Было жарко.

— А-а... да, да, духота. Открывал, точно, в своем кабинете, когда работал.

— Кабинет граничит с комнатой Ады?

— Ну да. Егор, поздравляю. Потрясающе! И... кто, по-твоему?

— Наверное, не дальний, так сказать, а близкий: должен знать про смежные балконы, твою квартиру, замок... может быть, увидел из окна тебя с нами во дворе и сообразил, что путь свободен.

— Герман?

— Возможно. Спокойной ночи.

Мир за оконной решеткой темнел и сгущался — без просверка, без промелька — смертный мир, в который мы заброшены бог знает зачем. Зазвонил телефон, и знакомый женский голос сказал:

— Если бы ты знал, как мне тяжело.

Такой безысходный, душераздирающий голос, что Егора буквально затрясло от страха.

— Кто это?

— Не узнаешь? Не можешь решиться?

— На что решиться?

— Умереть. Ведь Антон умер.

— Ради бога! — закричал он. — Не вешайте трубку! Кто убил Соню?

Где-то там, далеко, засмеялись, потом ударили тупые, короткие гудки.

ЧАСТЬ II

Надо пройти под каменной аркой ворот, прямая кленовая аллея ведет к церкви, справа и слева теснятся кресты и надгробья, свернуть, поворот, еще поворот... Егор вошел в оградку, сел на лавочку, встретился взглядом с Соней — невинное, почти детское лицо, — заставил себя посмотреть на плиту: увядшие цветы, розы, нарциссы, тюльпаны, больше ничего, никаких знаков и намеков. Он пришел сюда прямо с дежурства, после ночного звонка и бессонницы.

Версии рушились, нет, усложнялись, Герман Петрович не выдумал женский голос: он был, он есть. Знакомый голос — пронзительный, искаженный полусшепот, но что-то сопротивляется в душе, не дает признать... Во всяком случае, ясно одно: ему предлагают умереть. «Ведь Антон умер» — любопытная мотивировка. Что означает тогда лента на могиле — приглашение последовать за убитой? Какая-то загробная история, следы которой ведут на кладбище (или в сумасшедший дом, — может быть, меня преследует пациентка Германа Петровича... откуда она знает мой рабочий телефон... и я ее знаю, несомненно!).

И здесь, где вечный покой, покоя нет. Бедная Ада мечтала лежать в дворянском склепе — грустная и нелепая выдумка, — и с каким чувством она рассказывала об этом. Все ложь. Егор вдруг заволновался. Все не соответствовало действительности, а между тем детали убедительны и реальны. Как она говорила?.. пройти в узкую калитку (калитки нет), справа церковь (церковь прямо против ворот), слева звонница (нет звонницы), липовые аллеи (клёны и дубы)... Бесцельная ложь. Или она говорила о другом кладбище? Впрочем, легко проверить: возле церкви якобы похоронен герой Отечественной войны, знакомый Пушкина. Денис Давыдов?

Егор подошел к храму, доносилось тихое пение, какой-то служитель — юноша в черном облачении — спускался по ступеням.

— Простите, — обратился к нему Егор, — вы не знаете, возле этой церкви похоронен герой войны с Наполеоном?

— Знаю, — отвечал юноша учтиво. — Не похоронен.

— Благодарю.

— Не за что.

«Историк! — упрекнул себя Егор. — Не знаешь, где могила Дениса Давыдова... Всё — обман, выдумка...»

Егор вышел за ворота как в другую действительность, с облегчением вдыхая автомобильный смрад, успел вскочить в трамвай, выскочил на своей остановке, впереди... да, Марина. Очевидно, ехала в соседнем вагоне. Откуда ехала?.. Егор пошел следом. Темноволосая женщина лет сорока, со стрижкой, под мальчика, маленькая, гибкая, очень привлекательная. Она пересекла мостовую, завернула за угол. Мыльный переулок, парадный подъезд, рассеянный мрак, легкие осторожные шаги, на площадке она вдруг обернулась (Егор прижался к стенке), скользнула на третий этаж, коротко позвонила и скрылась за дверью психиатра.

Егор перевел дух. Скорбящий вдовец и прелестная циркачка. Бедный Морг — во второй раз. А может быть, отношения у них не любовные, а деловые? Что их связывает? И почему они эту связь скрывают? Да, скрывают: Герман Петрович говорил, что с соседками не общается. Егор прождал десять минут... двадцать... потом пошел к себе, привычно заглянул во все комнаты, на кухне пожевал кильки в томате, подошел к окну. Серафимы Ивановны на лавке нет, зато Алена в сиреневом купальнике дремлет на раскладушке в кустах. Видимо, почувствовав его взгляд, открыла глаза, потянулась изнеженно и крикнула:

— Привет! Какое солнце сегодня — блеск!

Егор напряженно вслушивался в голос. Вроде не похож... Во дворе показалась Катерина в трауре (момента мори — помни о смерти — в сияющий полдень, в цветущей молодости, в горячке поиска) и исчезла под аркой тоннеля. Егор вышел на черную лестницу, постучался к Моргам (никого — значит, Марина все еще у психиатра, суббота, в сумасшедшем доме выходной), спустился во двор, подошел, сел на край раскладушки, прошептал:

— Катерина устроилась на работу, не знаешь?

— Чего это ты шепчешь? — спросила Алена с удивлением, но тоже шепотом. — Ее Серафима Ивановна устраивает.

И шепот вроде не похож, хотя полной уверенности нет.

— Алена, ты хорошо помнишь нашу с Соней помолвку?

— Век бы ее не помнить. — Улыбка погасла, Алена села, поджав под себя ноги.

- Что так?
- Хочу забыть весь этот кошмар.
- Да как забыть?
- Все еще интересуешься, с кем Сонька крутила?
- Интересуюсь.

Нет, в роли сыщика, в этих выпытываниях и подвохах, есть нечто отвратительное.

— Она тебя любила: запомни и угомонись. Ни за что не призналась бы, но ведь заметно было. Вот сидим у нее, делаем уроки на кухне, чтоб двор видеть, тут ты появляешься. И я уже знаю, что скоро она непременно скажет: ах, надоело, пойдем пройдемся... то есть во дворе на лавке будем сидеть и на тебя глядеть. Однажды идешь ты с женщиной...

- Ладно, Алена, не мучай.
- Какие мужчины чувствительные, прям на вас дивлюсь.
- Помнишь, на помолвке сигареты кончились и ты ходила за своими?

- Я все время бегала, на стол накрывала.
- Нет, мы уже сидели, и Ада как раз про склеп рассказывала.
- Конечно, помню. В этом-то весь и ужас.
- Что ты имеешь в виду?
- Она же сказала, что там хотела бы лежать, — и наутро умерла!

Просто удивляюсь, как Герман Петрович ее последнюю волю не исполнил.

- Он не мог. Склеп — выдумка.
- А ты, однако, циник. Такими вещами не шутят.
- Я все кладбище сегодня облазил — нету.
- Ты — все кладбище?.. Зачем?
- Нужно.
- Да, все кругом с ума посходили, честное слово...
- Кто — все?
- Вообще. Ну, снесли этот склеп, все сносят.
- И героя войны с Наполеоном снесли? Нет его могилы возле церкви. Она все придумала.
- Зачем?
- Ну, должно быть, ей нравилось воображать себя тургеневской женщиной из дворянского гнезда. Дворяне вновь входят в моду —

сейчас их гораздо больше, чем было в Российской империи.

— Я читала, — сообщила Алена с усмешкой. — Красиво жили, красивые чувства, красивый интерьер. «Дворянское гнездо» шло по внеклассному чтению, но литераторша наша сочинение заставила писать.

— Пришлось одолеть?

— Знаешь, до сих пор помню: усадьба Калитиных в Орле — дворянское гнездо.

— Да все разрушено. Ада такая же дворянка, как мы с тобой.

— Ну и пусть. Зато гадала она здорово — все сбылось.

— Что сбылось-то?

— Все. У Антошеньки-садиста — казенный дом, тюрьма. Так? Герман Петрович в пустоте.

— Ты уверена?

«Интересно, рассталась уже циркачка с психиатром?»

— Но ведь один живет? У Сони страшная карта — больная постель, умерла в муках. У меня — нечаянный интерес. Все точно.

— Если не секрет — какой?

— Тебе скажу. Мы с Романом скоро поженимся.

— А, так ты и есть его ведьма? По картам?

— Ну, не знаю, похожа ли я на ведьму... — Алена улыбнулась польщенно и загадочно.

— Смотри, Ада сказала тогда: дама пик — злоба.

— Рома так не считает. Он называет меня сестрой милосердия.

— Странное прозвище для невесты.

— А мне нравится.

— Поздравляю, Алена, с первого этажа ты сразу махнешь на третий. Но учти: Ромку нетрудно завоевать, но трудно удержать, недаром он — Счастливчик.

— Никуда не денется. — Алена рассмеялась. — Дальше, Фома неверующий. Пиковая семерка — слезы Морга.

— Это нереально.

— Да? Когда я поднялась к Неручевым, ты сидел на полу рядом с Соней, Рома и Морг орали на Антошу, и лицо клоуна было в слезах.

— В крови.

— В крови и слезах. Настолько необычно, что я даже в такой момент запомнила. Ну, — она улыбнулась, — Роману ведьма. И

наконец, тебе выпала единственная червонная карта — любовь. — Алена близко заглянула ему в глаза. — В это ты веришь?

— Верю.

— Ну вот. А какая карта досталась Аде?

— Этого никто не знает.

— А я знаю. Она взглянула на нее и пробормотала: «Я сегодня в ударе». Что это значит, по-твоему?

— Подходящий настрой для гадания?

— Нет. Пиковый туз — нечаянный удар, что и подтвердилось на другой день. Убедился?

— Ален, — Егор глядел на нее в упор, — когда ты ушла за сигаретами, раздался телефонный звонок и женский голос сказал: «Надо мною ангел смеется, догадалась?»

— О чем я должна догадаться... — пробормотала она ошеломленно. — Я не понимаю... ведь Соня это крикнула в окно, ты слышал?

— Слышал. Так чьи слова она повторила?

— Ты думаешь... это я звонила? С ума сошел!

— Тебе известен мой рабочий телефон?

— Нет! Откуда?.. А что? — Алена придвинулась вплотную, схватила его за руку. — Что, Егор?

— Мне звонили ночью.

— Тот самый женский голос?

— Да.

— И что сказали?

— Предложили умереть.

— Кошмар!.. Чей голос? Ты узнал?

— Я боюсь, — вдруг сказал он.

— Умереть?

— Нет, сойти с ума.

Он высвободил руку, встал, побрел к дому, в подъезде, обернулся — Алена глядит вслед расширенными от любопытства или от ужаса глазами, — на третьем этаже хлопнула дверь, он устремился вверх и на общей площадке рядом с помойным ведром столкнулся с циркачкой.

— Добрый день, Марина.

— Здравствуйте. — Она проскользнула к своей двери, держа наготове ключ.

— Простите, вы случайно не от Германа Петровича? Он дома?

— Почему вы решили, что я от психиатра?

— Наверху хлопнула дверь, и я просто подумал...

— Странное любопытство. У кого я была — это мое дело.

— Прошу прощения.

Она вдруг рассмеялась:

— Нет, это я прошу. На меня иногда находит. Он дома. Я поднималась на минутку по поводу сноса нашего особняка. Надо же собирать подписи.

— Это было бы ужасно, — подхватил Егор, но Марина уже скрылась за дверью.

Он лежал на диване и думал. «Помолвка кончилась на истеричной ноте («Ничего не позволю, пока я жива». — «Что ж, Ада, тогда мне придется тебя убить», — чертовски остроумно пошутил я), гости начали расходиться. Первым ушел Роман кончать статью о братьях-славянофилах (об Аксаковых, что ли?). Затем Морг, Алена и Антоша — шумно переговариваясь. Герман Петрович докурил сигару, медлил чего-то ждал, пока мы втроем (Ада, Соня и я) убрали со стола. Нет, Ада не обижалась на мою кретинскую шуточку, она вообще ни на кого не обращала внимания — ни на нас, ни на мужа. «Егор, — сказала Соня на кухне, — пойдем бродить всю ночь?» — «Обязательно. Только не сегодня. Я напарника до двенадцати попросил за меня подежурить. Завтра, ладно?» — «А мне сегодня хочется. Я вообще не буду спать». — «Что ж ты будешь делать, девочка моя?» — «Думать». И она засмеялась, вероятно, над доверчивым дурачком, который действительно не будет спать, а ночь напролет думать о ней.

Мы вышли втроем, спустились по парадной лестнице, остановились на ступеньках подъезда. Соня привычным, детским каким-то, движением обняла отца, поцеловала в щеку со словами: «Папа, как хорошо!» Он погладил ее по голове, пробормотав: «Не задерживайся, мать беспокоится», — и ушел. Шаги его долго и гулко раздавались в ночи. А мы никак не могли расстаться. Она порывалась проводить меня, я не позволял, было невыносимо хорошо. Господи, как хорошо мне было с этой девочкой, в такие минуты ощущаешь, что смерти нет, не может быть. Наконец я оторвался от нее и побежал к метро на последнюю электричку. А куда пошла она? Непостижимое

соединение (раздвоение) ребенка и шлюхи — вот соблазн, который я не разгадал в ней. Никто не разгадал. Даже подружка, ловко устрояющая свою судьбу (Алена — сестра милосердия! — видать Роман такой же лопух, как и я). Так куда же она пошла той ночью — к отцу? Герман Петрович подозрителен во всех отношениях, но зачем он рассказал мне про женский голос по телефону? «Надо мною ангел смеется, догадалась?» Если звонила его сообщница (Марина?), он должен был это скрыть. Или они сообща хотят запугать меня и довести...

Я боюсь, поэтому лучше отдохнуть душой, отдаться созерцанию простодушному, прелестному: две школьницы делают уроки, например, пишут сочинение по внеклассному «Дворянскому гнезду». Красивые чувства, красивый интерьер (этим словечком можно убить любого классика... впрочем, они-то бессмертны) — «интерьер», который, видимо, завораживал и Аду. «Дворянское гнездо — это бывшая усадьба, — сказала она. — Господи, если б можно было все вернуть». Дальше про склеп. Бедные фантазии. Погоди... она как-то интересно употребила этот поэтический оборот: от дворянского гнезда надо пройти по улице и свернуть к кладбищу, где похоронен... А почему, собственно, Денис Давыдов? Разве не было других знакомых у Пушкина, к которым поэт заезжал... Куда заезжал?» Егор включил ночник, бросился к книжной полке. Третий том. «Путешествие в Арзрум». Начало: «... Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом двести верст лишних; зато увидела Ермолова. Он живет в Орле, подле коего находится его деревня». Совершенно верно: Ермолов был сослан в Орел, кажется, там и умер. Егор снял с полки старинный фолиант — биографии полководцев войны 1812 года. Ермолов... да, Троицкое кладбище в Орле.

Ну и что? При чем тут Ада с ее фантазиями? Но зачем она вплела в них такие реальные детали?

На троллейбусной остановке в переулке возле привокзальной площади первый же орловец с позабытой в Москве готовностью, охотно и подробно объяснил, как проехать на «дворянку» — «дворянское гнездо» — место, оказывается, в городе знаменитое. Разумеется, никакого «гнезда», остатков, останков усадьбы в природе уже не существовало, но название осталось. Егор постоял, покурил,

облокотясь о перила, в самом сердце русской классики, потом пошел по улице Октябрьской мимо дома Лескова («от дворянского гнезда» надо пройти по улице, свернуть налево — видны липы за оградой»), дошел до угла, огляделся (ничего похожего!), дошел до следующего (ничего! эх, Ада, Ада!), прошел еще квартал — и глазам своим не поверил. Улица, перпендикулярная Октябрьской, одним концом упиралась в каменную ограду, над которой зеленели пышные вековые «бунинские» липы.

Егор ускорил шаг, почти побежал — пятиэтажки, кафе, какой-то сад, — пересек шоссе: узкая, старинной кладки калитка, ряд могил со старыми оградками, справа церковь, слева звонница.... Ему казалось, будто он вспоминает давно прошедшее, будто он уже был здесь, настолько все сбывалось, сбывались слова Ады... Обошел кругом церковь — так и есть! В церковной стене ниша, сверху выбито «1812», под датой доска: лепные атрибуты воинской славы — лавровая ветвь, стволы орудий, знамя окружают барельеф — лицо в профиль. На каменной доске строки: «Герой Отечественной войны 1812 г. Генерал от артиллерии Ермолов 1777–1861». Чуть ниже цифр — черный чугунный венок. К нише примыкает ограда с могилой, отделанной белым камнем.

«В юности одно время я постоянно ходила на кладбище...» — «В свой склеп», — пояснил Герман Петрович с усмешкой. Егор огляделся: в тенистом влажном сумраке, в зеленоватой сквозной древесной глубине ощущается тайна, беспорядочно теснятся стародавние кресты и памятники, несколько уцелевших каменных и железных сводов... один — совсем недалеко от храма — покореженный навес на витых столбах из кованого железа. Егор пробрался меж могилами к склепу, дверцы нет, поднялся по трем ступенькам, ржавое кружево, пыль и паутина тления, высохшие листья, птичий помет... нагнулся, смахнул рукой сор забвения, Захаріины — явственно проступили выбитые на центральной плите буквы. А прямо посередине возвышается маленькая ребристая колонна с летящим грязно-белым ангелом из мрамора. Ангел не смеется, нет, детское лицо его кротко и печально, а два крыла за спиной устремлены ввысь — оттого и кажется, будто он летит.

Неподалеку белоголовый старичок поливал цветы за аккуратной оградкой. Егор попросил у него веник — «голик», как выразился

старичок, — тщательно вымел, выскреб плиты жесткими березовыми прутьями, погребальный текст проступил в полном объеме: здесь, в подполе, покоилось пятеро Захарьиных, последний — «отрок Савелий» — похоронен в 1918 году. «Приими, Господи, раба Твоего». Давно заброшенное место (таких тысячи тысяч на Руси); и какое все это — летящий ангел, отрок Савелий, старинный шрифт на плите — какое все это имеет отношение к зверскому убийству в Мыльном переулке?

Егор пошел отдавать голик, старичок спросил с интересом:

— Родственников нашли? Смотрю, прибираетесь.

— Не родственников, а... — Егор замялся. — Знакомых. То есть их предков. Не слыхали о таких — Захарьины?

— Нет, не слыхал. На Троицком давно не хоронят.

— Тут, я вижу, генерал Ермолов.

— Тут, тут. Это его уже в советское время к церкви перенесли. Кампания патриотизма. Вы не находите, — старичок смотрел на Егора выцветшими от старости, но очень живыми глазами, — что никак покойникам не дают покоя? Только и слышишь: прах такого-то перенесли туда-то. Правда, домик его уцелел.

— Чей домик?

— Ермолова. Сносят и сносят. Да я бы вам мог назвать... например, братьев Киреевских — за что?

— Снесли братьев?

— Особнячок ихний. А Грановский уцелел. Он какой-то прогрессивный был, да?

— Западник. Скажите, пожалуйста, а с какого времени на Троицком не хоронят?

— Хоронят — по знакомству. А официально... в начале семидесятых уже не разрешали, точно. А насчет склепа... затрудняюсь сказать. По логике вещей, при социализме дворянские усыпальницы должны были быть упразднены.

— Значит, Захарьины не могли уже пользоваться своим склепом?

— Мне кажется, нет. Потому как и для покойников требовалось равенство. Вот вы говорите: предок ваших знакомых похоронен в восемнадцатом, так? Что ж, с восемнадцатого никто из них не умирал?

— Но может быть, они просто уехали из Орла?

— Может быть? — удивился старичок. — Так вы спросите у своих знакомых, что случилось с их родственниками.

— Не у кого спросить: мои знакомые убиты, — ляпнул в задумчивости Егор.

— Убиты? — повторил как-то обреченно старичок.

Жуткая история, произошедшая в Мыльном переулке, потрясла старичка.

— Вы рассказываете кошмарные вещи... Кажется, в мои годы меня трудно удивить, и все равно каждый раз удивляюсь... Давайте-ка я осмотрю склеп. — Старичок отворил дверцу в ограде, вышел. — Позвольте вам заметить, что юная девица вряд ли будет прогуливаться в столь скорбном месте просто так, без причины. Значит, юность ее прошла в Орле?

— Нет! В том-то и дело. — Егор пропустил старичка под ржавый навес, сам остался на ступеньках.

— И про ангела она говорила? — Старичок вынул из кармана тряпочку и осторожно протер фигурку — мраморное лицо словно засветилось. — Надо же уцелел.

— Нет. Про ангела крикнула моя невеста — за секунды до смерти.

— Невероятная история. Ангел-убийца — здесь подмена понятий, образ древний, потаенный. Но этот ангел не смеется, он печалится. — Смотрите-ка! — Старичок указал на что-то за склепом. — Кажется, написано: Захарьина... ну-ка, у вас глаза молодые.

Егор быстро обогнул ржавое сооружение, осевший, заброшенный (да нет, анютины глазки высажены чьей-то заботливой рукой) холмик в розовых кустах, простой железный крест, на поперечной планке надпись посеревшей «серебрянкой»: «Екатерина Николаевна Захарьина. 1882–1965 гг.».

— 65-й! — воскликнул Егор. — Двадцать лет назад!

— Вот видите, как все просто объяснилось, — проговорил старичок, впрочем, с сомнением. — В юности Ада приезжала на похороны своей родственницы, может быть, бабушки. И наше кладбище, а уж тем более фамильный склеп, навсегда поразило ее воображение.

— Похоже, что так, — сказал Егор медленно. — Одно непонятно: почему она все это скрывала?

— Знаете что, — ответил на это старичок решительно, — дайте мне свой адрес. Попытаюсь что-нибудь раскопать про Захарьиных. Судя по всему, род богатый, именитый — не мог же он исчезнуть бесследно. Меня зовут Петр Васильевич.

Возвращаясь в Москву, ночью в поезде Егор вдруг проснулся, как от толчка, и не сразу сообразил, где он и что с ним. Интересный материал для психиатра — как работает подсознание. Разговор со старичком. Какой-то факт насторожил меня и сейчас всплыл во сне... надо немедленно уловить, покуда не заспалось, не перебилось сном еженощным. Домик Ермолова не уцелел... нет, не то. Дальше, дословно: «...например, братьев Киреевских — за что?» — «Снесли братьев?» — «Особнячок ихний. А Грановский уцелел. Он какой-то прогрессивный был, да?» — «Западник».

В восьмом часу утра Егор появился в родном Мыльном переулке, вошел в парадный подъезд, поднялся на третий этаж, позвонил.

— Здравствуй, Рома.

Этим утром Егор имел три многозначительных, чреватых последствиями разговора: с Романом, психиатром и циркачом.

— Здравствуй, Рома.

— А, проходи. Кофе будешь?

— Ничего не надо. Тебе же на работу.

— Есть еще время.

— У меня нет. Рома, вспомни: в прошлом году перед гибелью Ады и Сони ты писал статью о братьях-славянофилах — о Киреевских?

— И о них тоже. Вообще о разрушенных мемориальных памятниках. Тебе интересно?

— Очень.

— Так у меня сохранился экземпляр журнала. Проходи, я сейчас...

— Некогда. Перед этим ты ездил в Орел?

— Конечно. Я ж тебе рассказывал, когда вернулся. Забыл?

— Забыл. Тут меня закрутило. Ада знала о твоей поездке?

— С какой стати!

— Может, в разговоре упомянул?

— По-моему, нет. А что?

— На Троицком кладбище был?

— Где Ермолов похоронен? Да. А откуда тебе про Троицкое...

— Я сейчас оттуда.

— Ты? Что происходит?

— И на «дворянское гнездо» ходил?

— Ходил... А при чем тут Ада? Егор!

— Я нашел ее склеп.

— Какой склеп?.. А! — Роман, как всегда в минуту волнения (привычка балованного ребенка), схватил друга за руку. — Так она не врала?

— Нет.

— И ты его вскрыл?

— Это склеп, Ромочка, а не сейф, не путай.

— Доброе утро, Герман Петрович. Вы на работу?

— Меня машина ждет. А вы неважно выглядите, типичное нервное истощение. Бессонница мучает?

— Да. Но еще больше один и тот же сон.

— Сейчас мне некогда, советую...

— Герман Петрович, скажите, пожалуйста, у каких родственников скрывалась Ада перед вашей свадьбой?

— Понятия не имею. Ни с какими родственниками, кроме ее матери, я не общался.

— А вы не помните, они не ездили на похороны в Орел?

— Куда?

— Вы когда-нибудь слышали от жены про этот город?

— Никогда.

— Там находится склеп Захарьиных. Вы, кажется, не удивлены?

— Нет. В ходе нашей последней беседы, Георгий, я убедился, что у моей жены была тайна.

— Она не врала, я проверил. В какое время она жила у родственников?

— Апрель-май.

— Все сходится. Помните, она говорила: весна, деревья распускаются...

— Да, да, я не верил. Про какие похороны вы упомянули?

— Какая-то Екатерина Николаевна Захарьина, скончалась в 65-м году. Я видел могилу на кладбище.

— В том самом году. Надеюсь, вы не подозреваете Аду в убийстве ее родственницы?

— Екатерина Николаевна умерла в восемьдесят три года.

— Так. Что ж, по-вашему, делала моя жена в этом самом Орле? Догадываюсь, в каком направлении работают ваши мысли. Так вот: аборт делать было уже поздно, рожать рано.

— Она гуляла возле склепа.

— Оригинально. Но самое оригинальное, что она все это скрывает от меня.

— Со стороны мне трудно судить о ваших взаимоотношениях, Герман Петрович.

— Вы как будто на что-то намекаете.

— В какое время вас видел пенсионер на Петровском бульваре?

— Георгий, вы идете по ложному пути. Моя, так сказать, версия тщательно проработана следователем.

— У меня есть другая, версия, Герман Петрович.

— В которой мне отводится главная роль?

— Да.

— Морг, привет. У меня к тебе несколько вопросов.

— На репетицию опаздываю.

— Я тебя до метро провожу. Когда именно Ада убила твоего ребенка?

— Но, но... шуточки!

— Прости. Я только повторил тебя. Так когда же?

— В феврале. Сразу как с Германом познакомилась.

— А не позже — в апреле или мае?

— Мне ль не знать!

— Чем ты ее так напугал, что она скрывалась в Орле?

— В каком Орле? — Клоун резко остановился. — Ты что-то раскопал?

— Не стал копать. Но склеп Захарьиных нашел.

— Тебе по ночам кошмары не снятся, Егорушка?

— А тебе, Васенька? Так чем ты ее запугал?

— Натурально, смертоубийством, — Морг засмеялся. — Молодой был, горячий.

— А про Орел знал?

— Кабы знал — убил бы! — Морг захохотал. — Ты считаешь меня графом Монте-Кристо? Даже лестно, отомстить через девятнадцать лет. И рад бы тебе услужить — так ведь у меня алиби. Стопроцентное! Ты же и подтвердишь.

— Не подтверждаю. Потому, что алиби у тебя, Морг, нету.

— И ты не решился трогать захоронение, — заключила Серафима Ивановна, выслушав целый рассказ о событиях последних двух суток.

— Зачем? Жертву замуровывают в склеп только в романах ужасов. А Ада любила там гулять, ей было там хорошо. Тут что-то другое.

— Другое? Я этих романов не читала, — заметила старуха, — но что касается ужасов, то у нас...

— Да, да, все запуталось, перепуталось безнадежно. Меня поразило, что накануне убийства Рома ездил в Орел. Что за совпадение!

— А как он туда попал?

— Самым естественным образом: командировка от редакции. Пробыл три дня. Он мне рассказывал тогда же, как вернулся. Я запомнил что-то о братьях-славянофилах.

— Он был в Троицком?

— Был.

— Видел склеп с ангелом?

— Нет. Очень удивился, когда узнал от меня, что это не выдумка.

— А вдруг он упомянул при Аде об Орле и тем самым вызвал ее на воспоминания?

— Утверждает, что не говорил. Они с Аленой собираются пожениться.

— Я знаю, — Серафима Ивановна помолчала. — Странная пара.

— А циркачка с Германом — не странная? У меня голова кругом идет.

— У меня тоже. Надо идти от голоса, Егор. Женский голос — вот главная загадка. Если б ты мог вспомнить!

— Не могу, боюсь. Не угрозы, не опасности, а... сам не знаю чего. Бессознательный, инстинктивный какой-то страх. И Герман Петрович не смог вспомнить.

— Может, не захотел? Если звонила его сообщница... нет, — перебила сама себя старуха. — Тогда б он тебе вообще об этом не

рассказал. Ну, давай рассуждать логически. Он говорит, что звонили из нашего дома — раз. Голос молодой — два. Только три женщины у нас...

— Их голоса не вызывают во мне ни малейшего волнения. Зато стоит вспомнить этот ночной полусшепот...

— Ты был соответственно настроен, Егор.

— Наверное. Этот голос вызывает ассоциации ужасные... нет, не то слово... чудесные, сверхъестественные. А вот факты. Эта женщина звонила Аде, потом во время помолвки, продолжая прерванный разговор про ангела. «Догадалась?» Вы представляете? Она преследовала Аду, Антон чувствовал чье-то присутствие на месте преступления. Я — какое-то движение в нише. И теперь она занялась мною: лента, сумка... иду на работу — мерещится чей-то упорный взгляд. И наконец — мне предлагают умереть.

— Повтори дословно.

— «Если б ты знал, как мне тяжело», — сказала она. Я спросил: «Кто это?» — «Не узнаешь? Не можешь решиться?» — «На что решиться?» — «Умереть. Ведь Антон умер».

— Боже мой, — прошептала Серафима Ивановна. — Сонечку и Аду убила сумасшедшая.

— Не знаю я никаких сумасшедших! — закричал Егор. — А голос мне знаком, знаком!

— Но ведь она засмеялась, когда ты спросил, кто убил Соню. Засмеялась!

— Серафима Ивановна, — взмолился Егор, — давайте о чем-нибудь другом, что-то мне нехорошо. — И добавил после паузы: — Сегодня я объявил Герману Петровичу и Моргу, что у меня есть основания подозревать их в убийстве.

— И как они это восприняли?

— Клоун посмеялся; психиатр заявил, что готов принять меня без очереди, на дому.

— Все это не так забавно, как кажется, Егор. Ты раскрылся — и теперь должен ожидать всего.

На другой день, после дежурства во дворце правосудия, Егор с часок погулял по утреннему центру, наблюдая, как целеустремленные граждане спешат к своим местам под солнцем. Потом он спустился в

метро, уже полупустой электрический вагон помчал его сквозь подземную тьму. Обширная площадь со скульптурной группой борцов против царизма, стеклянный вестибюль, оживленный коридор. Егор потолкался среди газетчиков и жалобщиков, наконец ему указали на упитанного человека неопределенного возраста, задумчиво стоявшего с дымящейся сигаретой возле урны.

— Здравствуйте. Вы — Евгений Гросс?

— Здравствуйте. Он самый.

— Вы не могли бы уделить мне немного времени?

— По какому вопросу?

— Убийство в Мыльном переулке.

Гросс вздрогнул и уронил сигарету в урну.

— Ага! — и тотчас закурил новую. — Узнаю, видел на суде. Вы — жених.

— Да. Вас удивило мое появление?

— Не очень. Не вы первый — не вы, может быть, и последний.

— А что, к вам уже обращались по поводу прошлых событий?

— Обращались.

— Простите, кто?

— Некто.

— Евгений Ильич, если вы сейчас постараетесь и назовете имя этого человека, разговор наш станет образцом содержательности и законченности.

Гросс улыбнулся снисходительно.

— Потому что, — настойчиво продолжал Егор, — это имя, возможно, наведет нас на след убийцы.

Гросс перестал улыбаться, заметив меланхолично:

— Убийца уже в мирах иных.

— У меня другое мнение. А этот таинственный человек объяснил вам, почему через год интересуется подробностями преступления?

— Объяснил — и вполне удовлетворительно.

— Что ж, тогда поговорим о вашем творчестве? После опубликования очерка «Черный крест» в этом мире стали происходить интересные события.

— О моем творчестве — с удовольствием. Всегда. Но не сейчас. На выходе в шесть.

Евгений Гросс имел вкус к жизни, и уже около семи они сидели в полутемном, мрачно-уютном подвальчике, о существовании которого Егор до сих пор не подозревал.

— Итак. С кем пью пиво?

— Георгий Николаевич Елизаров. Сторож.

— Понятно. Вы — диссидент.

— О господи!.. Просто работаю сторожем. Евгений Ильич, ваша аналогия с «Преступлением и наказанием»...

— Чисто внешняя, — перебил Гросс. — Я подчеркнул. Некоторые детали совпадают. Процентщица — гадалка. Лизавета — Соня: убиты как свидетельницы. Топором. Украденная драгоценность в мешочке. Даже фигурировали невинные маляры, делавшие ремонт. Как у Достоевского.

— И камень, под которым, может быть, окровавленная одежда лежит, — процедил Егор.

— Ваш Антоша одежду замыл. Я не ошибся, сказав «ваш»? Он был вашим другом?

— Да.

— Но ваш Антоша не годится в Раскольниковы. Данный случай на роман не тянет. Так, на очерк. Хотите пари на ящик пива?

— Да я не собираюсь ничего писать!

— Тогда зачем вы собираете материал? Сторожа-интеллигенты все пишут.

Егор с любопытством взгляделся в поблескивающие в полутьме глазки.

— Вы считаете нормальным заработать на гибели близких?

— А да, вы жених. Забыл. И что вы хотите?

— В показаниях Антона, приведенных в очерке, есть неясный момент. Как я понял, вы с ним разговаривали лично?

— И до и после вынесения приговора. Знали б вы, чего мне стоило этого добиться! Использовал все связи, надеялся расколоть убийцу, выслушать исповедь.

— Исповеди не было?

— Не было.

— Евгений Ильич, отвлекитесь от официальной версии. Вот перед вами человек. Вы знаете, что его ожидает скорая смерть. Как он вел

себя? Что говорил?

— Знаете, — после некоторого раздумья сказал Гросс, — если отвлечься от пошлого мотива преступления — карточный должок... пожалуй, я готов признать, что ваш Антоша — личность незаурядная.

— В чем это выражалось?

— В упрямстве. До самого конца не сломался, не признал себя виновным, что при таких уликах нелепо, безрассудно... но нельзя отказать в своеобразном мужестве.

— Евгений Ильич, вы не могли бы повторить то, что вам рассказывал Антон?

— Я все могу, я профессионал. Но — все изложено в очерке. — Он помолчал. — Разве что одна деталь... слишком сюрреалистическая для газетного жанра.

— Натуральное привидение?

— Оно самое. У вашего друга это был какой-то пункт.

— Вы можете описать подробно его ощущение?

— Сказано же: я профессионал. Дословно: где-то в глубине мелькнуло, пролетело что-то голубое. Ну, как вам нравится?

— Тихий ангел пролетел, — шепотом сказал Егор. — Евгений Ильич, вы помните, что крикнула в окно Соня Неручева?

— Только давайте без мистики. У девочки случился психический срыв, а мы здоровые люди и пьем пиво. Я предупреждал — еще до приговора: придумайте правдоподобную версию. Еще лучше — покаяние. Со слезой, с надрывом. Отказался. — Гросс осушил полкружки. — Впрочем, не спасло бы. Зверское убийство. Вышка обеспечена.

— Обеспечена, — повторил Егор. — А убийца на свободе.

— Голубой ангел, — проворчал Гросс. — Что, у вас тоже пунктик?

— Мания преследования, думаете? Так глядите же: кто-то к вам ведь приходил и расспрашивал. История никак не кончится.

— Жуткая история. Жут-ка-я.

— Евгений Ильич, что вам сказал Антон на прощанье?

— «Передайте Катерине, что я умираю за кого-то другого».

— Вы передали?

— Передал.

— И после этого написали свой очерк?

— А почему я должен был ему верить?

В глубоких сумерках Егор был уже дома на своем диване. События развиваются с катастрофической быстротой, кто-то отчаянно, судорожно (ритм судорог: пауза — вспышка) спешит к цели. К какой цели? Убийца, надо думать, достиг ее, подставив под расстрел невинного. Так кому же нужна эта круговерть? Кто затеял игру? Свидетельница, молчавшая год? Вряд ли. Сообщница, не вынесшая тяжести преступления? «Эта женщина безумна, — с грустью думал Егор. — Она засмеялась, когда я ее спросил о Соне, — ужасный смех! Она меня как будто ненавидит — и все-таки ведет игру. Если Герман держит ее в своей лечебнице, то как она сбегает оттуда... Ну позвони! — умолял он незнамо кого. — Позвони, ведьма ты или ангел, назови имя!» Он уже приходил к Евгению Гроссу и расспрашивал и просил молчать о своем визите. Журналист не принадлежит к разряду людей, неспособных нарушить слово. Гросс — способен. Хотя бы в обмен на Егорову информацию (он был заинтригован — и очень). «Так что же его сдержало? Почему он не «заложил» человека, в сущности, ему постороннего? Очевидно, ему дали или пообещали дать нечто большее, чем могу предложить ему я. Ну и, разумеется, Гросс уверен, что к нему приходил не преступник: с уголовщиной такой тертый орешек связываться не станет. «Он вне подозрений», — сказал Гросс. Как бы не так! Своими намеками и прямым обвинением («У меня другая версия, Герман Петрович», «Потому что алиби у тебя, Морг, нету») я встревожил убийцу. Значит, он существует — до сих пор я сомневался? все-таки сомневался в Антоне? Ни разу не взглянул ему в лицо на суде!

Я пытаюсь удержаться, так сказать, на реальной почве. Но что, если к Гроссу действительно приходил человек «вне подозрений»? Ну просто кому-то из «наших» («из свидетелей, выступавших на суде») неймется, любопытство, сомнение: вдруг судебная ошибка? Остается мистика, сюрреализм.

Серафима Ивановна права: в этой истории мы не понимаем главного. Хладнокровно, осмотрительно, не торопясь, пойдем сначала. Непорочный ангел (этот жуткий образ меня преследует) в белых одеждах, некоторым женщинам удивительно идет больничный наряд милосердия (Алена — сестра милосердия, все-таки странное прозвище

для невесты). Она убила моего ребенка. Это мерзость, это они придумали с матерью. Зачем Ада ездила в Орел? Скрываться от Морга или избавиться от ребенка? И что значит в наше время «избавиться от ребенка»? Не в склеп же его замуровывать — сдать в энергичные руки государства (о чем мечтали еще классики марксизма). Допустим, насчет сроков она Моргу соврала или сама ошиблась и родила в Орле. И вот через девятнадцать лет звонит ребенок-мститель... Тьфу, какая ерунда! Во-первых, звонили из нашего дома, во-вторых, голос мне знаком. Стало быть, Орел отпадает? Но почему она его скрывала? Заколдованный, проклятый круг (Катерина: «Будьте вы все прокляты!»).

Известно одно: на следующий день после звонков той женщины Ада и Соня убиты.

Весь этот год мне снится один и тот же сон: я сижу возле мертвого тела в прихожей, вокруг кровь и пахнет лавандой. Но не это ужасает меня во сне (и наяву), а чувство отчужденности к моей любимой. И в этом чувстве — будто бы самая последняя, самая страшная тайна. Умом я понимаю, что все это, должно быть, наложилось позднее, когда я услышал, что в ней действительно была тайна греха, и, узнав ее, я узнаю все. Мне представляется слипшийся от крови клубок, из которого я вытягиваю отдельные нити, а клубок еще больше запутывается. Нити — версии Морга и психиатра, загадка женского голоса, Троицкого кладбища, посещение его Ромой перед убийством...»

Кто-то негромко постучался с черного хода. Он вскочил, бросился на кухню, включил на ходу свет, толкнул рукой дверь, едва не сбив с ног... из тьмы выступила циркачка, сказав с досадой:

— Как вы меня напугали. Можно войти?

— Да, конечно.

Они прошли в его комнату, Марина села в кресло у стола, он на диван. В красновато-тусклом свете ночника она вдруг показалась девочкой — маленькой, изящной, в голубых джинсах и мужской рубашке в голубую клетку (ее обычная одежда). Егор с жадностью вглядывался в некрасивое, но прелестное лицо.

— Жизнь артиста, — сказала она, — просто убийственна. Вы меня понимаете?

— Не... совсем. Морга что-то убивает?

— Почему Морга? — Она удивилась. — Я говорю о себе. Я постоянно должна быть в форме. Вот мне хочется кофе...

— Кофе нет, — вставил Егор. — Если чаю?

— Я к примеру. Все равно не смогу себе позволить на ночь, у меня кошмарный сон.

— И давно у вас кошмары?

— Сколько себя помню. Впрочем, — испуг мелькнул в темных глазах, — я, конечно, преувеличиваю, по женской привычке. Просто заурядная бессонница.

— У меня тоже.

— Я знаю. Всегда ваше окно светится. Вы у нас бывали в цирке?

— В детстве.

— Осенью повезем в Швецию новую программу. Любимчики уже отобраны.

— А вы?

— Мы под вопросом.

Пауза; он напряженно ждал (не о бессоннице пришла она поговорить в одиннадцать ночи!); Марина продолжала светским тоном:

— А вы так и не нашли владелицу той лаковой сумочки, помните, вы меня спрашивали?

— Не нашел. — Егор говорил медленно, стараясь уловить неуловимый взгляд. — Сумка висела на крюке в нише между вторым и третьим этажами. Там может поместиться разве что дюк Фердинанд или маленькая женщина вроде вас.

— Где? — прошептала Марина; темный испуг уже всюду полыхал в ее глазах.

— В нише.

— Как странно вы говорите.

— Со мной случались и более странные вещи. Хотите я вам доверю тайну? Морг не знает.

— Что? — выдохнула она.

— В тот день, как найти сумочку, я был на кладбище. Представьте себе, на могиле Сони оказалась ее алая лента. Хотите взглянуть?

— Я, пожалуй, пойду, — заявила Марина вдруг.

— Нет, давайте поговорим, пожалуйста, надоело одиночество. Расскажите о своей работе. Вы выступаете в группе?

— Нас трое.
— И репетируете всегда втроем?
— Как правило.
— А могли бы вы, например, отлучиться с репетиции незаметно?
— Куда отлучиться?
— В дом номер семь по Мыльному переулку.
— Хотите, я вам дам совет? — Холодно отозвалась Марина. — Бросьте вы это дело.
— Какое дело? Убийство?
— Убийство? — переспросила она. — Я совсем не имела в виду... да, вы одержимы. Это опасно, поверьте мне.
— Вам? Или Герману Петровичу?
— Великолепный человек. Сильный и умный.
— Имеет власть над душами, правда? — подхватил Егор. — Во всяком случае Ада предпочла его вашему мужу.
— Жуткая история, — Марина передернула плечами, словно вздрогнула.
— Юношескую любовь вы называете жуткой?
— Я говорю про убийство.
— Ну, у вас ведь алиби.
— К счастью. Мне не пришлось давать показания и видеть этого несчастного вурдалака.
— Вурдалак, — повторил Егор задумчиво. — Оборотень. Выходит из могилы попить кровушки... — Он потер рукой лоб. — Однако вы своеобразно выражаетесь.
— Антон и есть оборотень. Никогда бы на него не подумала.
— А на кого бы вы подумали?
— Из вас троих на эту роль больше всего подходите вы.
— А вы действительно своеобразная женщина. («Она выбрала нападение — лучший способ защиты».) Во мне чувствуется садист?
— Нет. Но страсть, безрассудство от вас просто волнами исходят, заражают.
— Опять повторяете слова психиатра?
— Ничего подобного! Вспоминаю. Вы были, как теперь говорят, лидером. Придумывали игры и играли в них главные роли.
— Я давно уже не способен ничего придумать.

— Помню трех мальчиков во дворе... нет, подростков, вам уже по двенадцать-тринадцать было.

Вдруг вспомнилось: бессрочные каникулы, бездонное небо, птицы — серебряные стрелы в лазури — и вся жизнь впереди. Один расстрелян, другой в очередной раз женится, третий разыскивает убийцу.

— Морг задушил голубя, — внезапно сказал он, иллюзия детского рая разрушилась.

— Приблудный вожак, мог увести стаю, — пояснила Марина.

— Как же я забыл! Ваш муж...

— Это не он. Он нашел его уже задушенным, голова была оторвана.

— Не врите! Я вспомнил. Морг повторял: «Этого голубчика надобно придушить!»

— Мне он говорил...

— Еще б он сознался! В Морге есть жестокость.

— Не более, чем в каждом.

— Ада сбежала от него в Орел, она его боялась. И сейчас он признался, что не может простить, что ему не жалко...

— Мало ли что он буровит, он большой болтун. Но вы-то чего нервничаете?

— Вечером перед убийством клоун продемонстрировал нам свои таланты. Фокусник.

— Вы его в чем-то обвиняете?

— Он один из претендентов. Вас не интересует, кто первый?

— Кто? — выпалила циркачка.

— Ваш тайный друг психиатр. Претенденту — назовем его так — в преступлении помогала женщина. Вы следите за ходом моей версии?

— Егор, не надо. Это может плохо кончиться.

— Вы мне угрожаете? Так вот. Какая-то почти сверхъестественная женщина, она не оставила абсолютно никаких следов. Тем не менее она существует...

— У вас было слишком большое потрясение, я понимаю.

— Только не надо делать из меня сумасшедшего. У меня есть доказательства ее существования — вполне материальные. — Егор поднялся, она вскочила, метнулась к двери, но остановилась; он

подошел к письменному столу, рванул на себя верхний ящик. — Смотрите!

Ящик был пуст. То есть лежали там старые тетрадки, письма, однако лента и сумочка...

— Она их взяла, — пробормотал он оторопело, роясь в ящике; ворох бумаг с тихим шелестом просыпался на пол. — Вы их взяли?

— Егор! Опомнитесь!

— Зачем вы приходили?

— Я хотела попросить вас...

— Ну, ну?

— Ни о чем никому не рассказывать.

— О вас с Германом не рассказывать?

— Да.

— Чего вы боитесь? Что вас с ним связывает, черт возьми!

— Я его пациентка.

— Так я и думал! «Надо мною ангел смеется, догадалась?» Это вы положили Сонину ленту на могилу!

— Господи, какой кошмар! — закричала циркачка и исчезла.

Егор кинулся следом, голубой силуэт впереди проскользнул бесшумно и скрылся во тьме черного хода.

«Многоуважаемый Георгий Николаевич!

На другой день после нашего разговора в склепе я отправился к заутрене в Троицкую церковь с целью порасспрашивать прихожан по интересующему вас вопросу. И представьте себе, довольно скоро мне удалось (с помощью женщины, торгующей в храме свечками) познакомиться с некоей Марфой Михайловной — старушкой древней, но обладающей, как ни странно, памятью. Марфа Михайловна некогда была соседкой Екатерины Николаевны Захарьиной, умершей летом (точная дата не установлена) 1965 года.

Сообщаю сведения. Московские Захарьины (мать с дочерью) отношений с Екатериной Николаевной почти не поддерживали, ограничиваясь поздравлениями по праздникам. Как

вдруг в шестьдесят пятом (Марфа Михайловна помнит точно, поскольку именно в тот год похоронила соседку), весной, кажется, в апреле, они обе явились в Орел. Причем мать (насчет имени тут у старушки провал — вроде бы Варвара) сразу уехала обратно. А Ада, молоденькая красавица, беременная (хотя с виду и незаметно; бабушка ее говорила Марфе Михайловне: в захарьинскую породу — рыжая, белокожая, глаза черные), Ада осталась рожать.

Меж обитателями домика на Октябрьской все дебатировался вопрос: куда девать будущего малютку? Естественно, Ада в Орел приехала, чтобы подбросить дитя государству, но старорежимные старухи восставали против этого со страшной силой. Ото всей этой нервозности красавица наша с утра уходила как будто в одиночестве — куда? Вы, конечно, уже догадались, Георгий Николаевич: на Троицкое кладбище. Марфа Михайловна вспоминает, что Ада, барышня с волей и характером, была в непрерывном трепете и волнении, что в ее положении, впрочем, понятно. И в результате произошло событие печальное, которое, однако, развязало все и всех (а может быть, и наоборот — связало и отозвалось через много лет): в начале июня Ада родила семимесячную девочку, тут же и скончавшуюся.

Похоронили ее вроде бы (говорю «вроде бы»: старушки на погребении не присутствовали, выносили гроб прямо из морга при роддоме, всё уладила срочно приехавшая мать), так вот, лежит она вроде бы на том же Троицком, но точное место неизвестно. Сегодня утром я туда наведалься, могилку, разумеется, не нашел.

Вот что запомнила Марфа Михайловна. Ада почувствовала сильное недомогание, и бабушка дала в Москву телеграмму. Мать приехала в тот же

день под вечер, наняла такси и увезла дочь в роддом. Вернулись они обе наутро с известием о смерти. Ада была в очень тяжелом состоянии, слегла и бредила, молоко у нее пропало. Оставлять ее одну было нельзя, поэтому старушки дежурили у постели (интересно, что визитов доктора Марфа Михайловна не запомнила). Мать быстро управилась с похоронами, Екатерина Николаевна просила показать могилку, и та обещалась, но, поскольку бабушка едва таскала ноги, договорились, что пойдут на кладбище, когда невестка приедет в Орел устанавливать младенцу памятник. Но этому не суждено было сбыться.

Через несколько дней после отъезда московских Захарьиных (на прощанье Ада заявила, что ноги ее больше в Орле не будет) Екатерина Николаевна скончалась от астмы и, по хлопотам соседки, нашла успокоение возле старинного склепа.

Вот все, уважаемый Георгий Николаевич, что мне удалось узнать. Итак, жду, от Вас ответного письма. Дай Вам бог успехов.

Петр Васильевич Пушечников».

«Уважаемый Петр Васильевич!

Ваши изыскания удачливы и ценны, умозаключения проницательны. Особенно вот это высказывание: о печальном событии, которое развязало все и всех, а может быть, наоборот, — связало и отозвалось через много лет. Прекрасно понимаю, что у вас легче вскрыть склеп, чем навести нужные справки, — и все же большая просьба. Постарайтесь, пожалуйста, узнать в роддоме (или в месте, где располагается его архив) следующие сведения. Находилась ли там в начале июня 1965 года Ада Алексеевна Захарина?

Действительно родила она ребенка и ребенок этот умер? А если остался жив — то какова его дальнейшая судьба, то есть отражение ее в документах?

Если моя просьба окажется слишком затруднительной, приеду по первому Вашему зову. Пока же привязан к Мыльному переулку, где, вероятно, проживает убийца и происходят события странные.

Заранее благодарен. Всего Вам доброго.

Егор Елизаров».

Он вышел из дома опустить письмо в почтовый ящик на углу, наискосок от дома номер семь. В гаснущем свете июньской зари провизжал пустой багряно-красный трамвай. Электрический визг полоснул по сердцу. Поздно. Егор постоял на углу — все мерещился троцкий склеп в зелени — и медленно двинулся к подъезду.

Выходя с письмом, он включил электричество — выключатель внизу, в тесном тамбуре между уличной и внутренней дверьми, — сейчас на лестнице было темно. Значит, кто-то из соседей успел навести экономию. В глубокой тьме Егор начал подниматься — и вдруг остановился. Возникло ощущение чьего-то невидимого, неслышимого присутствия (как у Антона там, среди мертвых, мелькнула мысль), что-то мягкое, летучее коснулось ноги, он спросил хрипло: «Кто тут?» Молчание. «Кто тут?» В ответ — крик, исступленный, нечленораздельный, гибельным гулом пронзивший парадные покои, старый особняк, испуганную душу.

Он так и остался стоять столбом посреди лестницы. Здешний, земной шум — скрип двери, смутные голоса, шаги — заполнил пространство. Вспыхнул свет. Действующие лица застыли на ступеньках, на истертых плитах, словно застигнутые врасплох. В тамбуре возле выключателя — Серафима Ивановна, Алена в розовой пижаме у начала лестницы, Катерина (и ночью в трауре — помни о смерти) стояла на своем пороге. Эксцентрическая пара: циркачка в джинсах — ближе всех к Егору, за ней замер клоун, сощулив острые глазки, руки в складках шаровар. Повыше: невозмутимый Герман

Петрович в черном домашнем бархате и небрежно-элегантный Рома. А в нише между вторым и третьим этажами кружился на месте и нежно пел дюк Фердинанд.

— Кто кричал? — угрюмо спросил психиатр.

После паузы все заговорили бессвязно и разом — разноголосый звук, ничего не напоминающий давешний потусторонний крик.

— Кто? — повторил Егор, наконец встряхнувшись. — Кто выключил свет?.. Что же вы молчите? Я только что выходил, включил... потом темно. И кто-то пролетел, коснулся... — Взгляд упал на свирепого кота психиатра, продолжающего уютно урчать. — Может дюк Фердинанд...

— Стало быть, это мой кот кричал?

— Герман Петрович, — сказала Серафима Ивановна, — творится что-то странное.

— Не могу не согласиться. С тех пор как этот молодой человек вообразил себя сыщиком, жизнь стала невыносима.

— И чертовски разнообразна, — подхватил Морг. — Разве вы не слышали последней новости? Убийца-то не Антон, а я.

Катерина мгновенно исчезла, громко хлопнув дверью.

— Слушайте, вы, оба! — Егор перевел взгляд с клоуна на Германа Петровича. — Против моей воли я был втянут в тайну.

— Кем втянуты? — холодно поинтересовался Герман Петрович.

— Двадцать шестого мая кто-то принес на могилу Сони ее алую ленту и перевязал мой прошлогодний букет.

— Не может быть, — крикнула Алена, клоун ухватился за перила, словно боясь упасть, его жена озиралась с жадным любопытством.

— Покажите ленту, — сказал смертельно побледневший Неручев.

— Ее у меня украли.

— Кто сейчас кричал в парадном? — прошептал психиатр.

— Вы тоже улавливаете связь между... — начал Егор напряженно, как вдруг Марина заявила:

— Мне страшно, — определив тем самым всеобщий настрой: страх иррациональный, бессознательный, который иногда всплывает во сне. В жидком свете просматривался тамбур, лестница, ниши без фонарей и статуй. Никого — кроме семерых свидетелей.

Психиатр заговорил властно:

— Вы скрыли от меня ленту на кладбище.

— Я боялся, что нас там кто-то слышит или видит, а потом...

— Вы смеете подозревать меня?

— Герман Петрович, — вмешалась Серафима Ивановна, — успокойтесь.

— Я абсолютно спокоен.

— Давайте отложим на завтра.

— Нет! Карты на стол.

— Так кто убийца-то? — пробормотал Морг. — Я или Герман?

— Замолчи! — воскликнула его жена, а Неручев заключил, барственно растягивая слова:

— Кого происходящее интересует и касается, прошу подняться ко мне.

И все без исключения медленно пошли вверх.

Приглашенные прошли в комнату Ады и расселись за овальным столом драгоценного красного дерева, на котором не благоухали ландыши, персидская сирень, и гиацинты, не сверкал хрусталь и не притягивали глаз роковые карточные фигурки и пятна.

Герман Петрович открыл балконную дверь (она была открыта в день убийства, и кто-то, может быть, воспользовался... «Не суетись!» — приказал себе Егор, едва сдерживая лихорадку следствия), в комнату вошла ночная, утомленная гигантским городом свежесть.

— Можете курить, — хозяин положил на полированную столешницу, отражавшую искаженные лица, пачку «Золотого руна» и спички, поставил пепельницу, закурил, сел напротив Егора и произнес: — Вечером накануне убийства мы сидели за этим столом. Зазвонил телефон, женский голос сказал злорадно: «Надо мною ангел смеется, догадалась?»

— Ангел! — Морг вскочил и опять сел. — Про него Соня крикнула перед смертью в окне, я отлично помню! Егор, ты же был во дворе!

— Мы все помним. Герман Петрович, после звонка вы сказали, что это ваша пациентка.

— Я неудачно пошутил.

— Вы набросали в разговоре со мной ее психологический портрет: мстительная, экзальтированная, надломленная, верящая в чудеса и проклятия.

— Принести на кладбище ленту мертвой... — произнес Неручев ледяным тоном. — Психоз, навязчивая идея... или предельный цинизм, вандализм — тоже, знаете, отклонение не из легких.

— Может быть третье объяснение: мне подан знак. Именно через год, когда навещают умерших.

— Кем подан? — тихонько спросил Морг. — Умершей?

— Или вы ведете себя пристойно — или я вас удалю, — заявил хозяин с неожиданно прорвавшейся холодной яростью.

Клоун отвечал добродушно, но глазки блеснули ответным чувством:

— Я рыжий и нужный, я подозреваемый, черт возьми!

— Вась, угомонись, —插入了 Серафима Ивановна. — Егор, ты догадался, что означает этот знак?

— Кажется, догадался. Она хочет призвать убийцу к покаянию и смерти.

— Убийцу? — переспросил психиатр. — Кого именно?

— Меня.

Присутствующие остолбенели, клоун пробормотал, упорно поддерживая репутацию весельчака:

— Ага, третий проклянулся. «Что ж, Ада, тогда мне придется тебя убить», — хорошая шуточка! Надеюсь, ты этому призраку веришь и оставляешь нас с доктором в покое?

— Я ручаюсь за каждый свой шаг, но... Тогда на дежурстве я почти не спал и, когда вернулся домой, провалился в сон, как в яму... почти до одиннадцати. Вот этот двухчасовой провал...

— Егор! — воззвал Рома. — Мы ж вместе бежали на Сонин крик, у нас взаимное алиби!

— Да, мы бежали, а кто-то стоял в той нише.

Циркачка вздрогнула, заявив:

— Опять начинается этот бред. Я сегодня не засну.

— Да поймите же! — закричал Егор. — Меня преследует женщина, которая звонила на помолвке по телефону... и недавно ночью дала понять, что я убийца. Она была на месте преступления. В нише кто-то прятался... не кот. Я уловил движение на уровне человеческих рук, плеч, я вспомнил... Дальше: как к ней попала лента с головы убитой? И наконец — показания Антона: невидимое,

неслышимое присутствие. И уточнение: где-то в глубине мелькнуло, пролетело что-то голубое. Сейчас в прихожей...

— Этого нет в очерке, — испуганно перебил Рома (настоящая «трепетная лань», самозабвенно поддающаяся чужим эмоциям). — Где ты разговаривал с Антоном?

— Эта деталь не попала в публикацию из-за своей мистической окраски. Мне о ней сообщил сам автор Евгений Гросс. Кстати, не мне первому: кто-то из вас приходил к нему и расспрашивал.

— Кто? — выпалил Рома.

— Он не выдал, — Егор оглядел взбудораженные лица; их отражения в столешнице кривлялись и дергались. — Предлагаю признаться и объяснить, чтоб, по крайней мере, покончить с этим обстоятельством.

Внезапная, все углубляющаяся пауза.

— Молчите?.. Вы понимаете, что означает это молчание?.. Среди нас — убийца.

Напряжение взорвалось междометиями, он спросил:

— Герман Петрович, можно мне пройти на кухню?

— А, идите куда хотите.

Егор прошел через прихожую в кухню, включил свет, отворил дверь на черный ход. Антон вошел, увидел убитую Аду, бросился к ней, по дороге задел лежащий на столе топор... К сожалению, в чистом виде эксперимент провести не удастся из-за другого освещения. А дело именно в освещении. Допустим, утренний луч падает из комнаты Ады в прихожую, отражается, играет в зеркале, еще более оттеняя, подчеркивая черноту пространства за ним. Егор встал у стола, слегка нагнулся (вот он будто вытирает окровавленный, с прилипшими к обуху волосами топор) и крикнул: «Марина!» Легкий шум, в прихожей мелькнуло что-то голубое, циркачка появилась на пороге.

— В чем дело?

— Вы помогли мне проверить одно умозаключение. — Их встретили нетерпеливые взгляды. Он сел и сказал: — В основе преступления лежит не бред, а реальность, голубой ангел — тоже реальность. Отражение отражений. Кто-то, стоявший во тьме возле двери, отразился на миг в створке трельяжа. Она, в свою очередь,

отражается в створке напротив, видной из кухни. Антоша почувствовал кого-то. В голубой одежде.

— Я была в цирке, — отмахнулась Марина.

Алена заявила:

— А я, слава богу, во дворе. — Помолчала и добавила: — Катерина теперь всегда в черном, а ведь прошлым летом она носила голубое платье в белый горошек. Серафима Ивановна, вы не помните, кажется, в том платье она пришла с рынка?

— Не трогайте вы ее.

— Од-на-ко! — протянул Морг. — Она могла найти ленточку у себя в квартире, куда муж принес черный крест.

Егор перебил:

— Вот последние слова Антона журналисту: «Передайте Катерине, что я умираю за кого-то другого».

Рома вцепился сильными пальцами в руки Егора (они сидели рядом) и застонал, задыхаясь:

— Друг мой! Антоша! Мой друг! Везде кровь, все в крови!

Алена подлетела к жениху, прижала его голову к груди, поглаживая густые каштановые волосы, приговаривая, как ребенку: «Ну, Ромочка, ну, успокойся, ты же не виноват... вспомни Серебряный бор...» Егор пытался освободиться от цепких пальцев, психиатр резко обернулся, уставившись на журналиста с профессиональным интересом.

— Спо-кой-но! — Ледяные глаза расширились, негромкий голос, но какая в нем сила! — Всем расслабиться! Всем хорошо... очень хорошо... хорошо... У вас, Роман, на редкость сильная внушаемость.

— Цепкие пальцы разжались, Рома сказал слабеющим голосом:

— Когда он замывал одежду, а я тащил его наверх...

— Спокойно, Рома. Вы испытываете комплекс вины...

— Вины? Я не виноват!

— Разумеется. Комплекс — в данном случае иллюзия. Мы, здесь собравшиеся, невольно способствовали его гибели. И потому испытываем это чувство...

— А я нет! — вставил клоун.

— ...в большей или меньшей степени, конечно. Вы — в большей. Вам такие стрессы не под силу.

— А вам под силу, Герман Петрович? — Егор внимательно наблюдал за статной фигурой в бархате в ночном проеме.

— Опять, Георгий?

— Не обижайтесь, ради бога. Мне нужна истина. Вы могли скрыться с места преступления через соседский открытый балкон и квартиру Ромы.

— Это — истина? — Психиатр едко улыбнулся. — Что еще?

— Что вас связывает с Мариной?

— Это профессиональная тайна.

— Что-что? — С клоуна вмиг спала дурацкая маска. — Какая тайна?

— Однако, Егор, вы не джентльмен, — бросила Марина безразлично, а муж пообещал:

— С тобой мы дома разберемся. — И обратился к Егору. — Ты хочешь связать ее с убийцей?

— То есть со мной, — уточнил Герман Петрович задумчиво. — Георгий, назовите мотив преступления.

Егор молчал: он не мог выговорить слово «инцест».

— Это мотив начался двадцать лет назад, — заявил Морг, — с убийства моего ребенка.

Алена ахнула, Серафима Ивановна заметила укоризненно:

— Вась, ты хоть выбирай выражения.

— Не желаю! Как же я не сообразил? Балконы были открыты, помню, я в комнаты заглядывал. Он смылся, пока мы обличали несчастного Антошу. Все ясно!

— Не все, — перебил Егор, — Как попал в плащ Антона черный крест?

— Ну, с пола подобрал. Какое это имеет значение!

— Очень большое. Или мы верим Антону до конца — или не верим вовсе. Почему именно в этом, безобидном в сравнении с убийством, пункте он солгал? Так вот: если он не лгал, крест ему подсунули.

— Кто?

— Подумай.

— Ты на что намекаешь?

— На фокус с крестом вот в этой комнате, помнишь? А наутро ты столкнулся с Антошей на лестнице.

— Ты... ты... ты... — забормотал Морг, но Егор продолжал, не слушая:

— Марина вроде была в цирке. А ты что делал до того, как спуститься к своим голубям?

— Чай пил.

— Миру провалиться, а мне чай пить, — Егор усмехнулся, — так, кажется, классик выразился? Раскольников среди нас нет — согласен с Гроссом. Антон умер за кого-то другого. За кого, а? — Егор взгляделся в застывшие лица и спросил с трудом, шепотом: — С кем из вас моя невеста провела свою последнюю ночь? Ну?.. Она лежала в углу у стенки... — Он говорил, как во сне, чувствуя, что где-то рядом истина, что невыносимые, жгучие детали и подробности вот-вот сложатся в картину потрясающую... — Запах лаванды, — внезапно сказал он. — Вы не чувствовали тогда в прихожей сильного запаха...

— Помню! — перебила Алена испуганно. — Ее духи. Французские.

— Да при чем тут... — начал психиатр с откровенным ужасом.

— Сейчас. Не могу сосредоточиться, — пожаловался Егор. — Сейчас... — реальность вернулась к нему, но пропало чувство озарения. — Нет, не могу. Словно подошел к какому-то пределу и испугался. Попробуем разобраться, ладно? Соня душилась чуть-чуть, слегка — так, скорее намек на аромат. А когда я сидел возле мертвой, она прямо благоухала лавандой.

После жутковатой паузы циркачка заметила глухо:

— Значит, перед этим надушилась.

— Перед чем? Она появилась в разгар такой сцены.

— Почему вы так уверены? — заговорил Герман Петрович медленно. — Она могла прийти чуть раньше. Или когда Ада была с этим «другим» на кухне. Соня могла пройти сразу к себе и надушиться.

— Герман Петрович, тетрадка по истории лежала в крови возле убитой. И ключ. Когда Соня кричала в окно, то всплеснула руками, я помню ее руки... — он вдруг сбился, — ее руки...

— Ну, руки! — Психиатр потерял обычную невозмутимость. — Дальше что?

— Все произошло внезапно. Мне представляется: она вошла, увидела или услышала что-то, выронила тетрадь с ключом, побежала

на кухню, крикнула в окно, назад в прихожую, где он настиг ее. Тетрадь пропиталась кровью. Нет, ей было не до лаванды.

— Но ведь это нонсенс! — крикнул Неручев. — Кто-то вылил на мертвую души, снял ленту... кто собрал нас сегодня в парадном?

— Не знаю. Ничего не знаю. Кстати, флакон с духами никто, кроме Сони, не трогал: на стекле ее отпечатки пальцев — и больше никаких следов.

Егор взял сигарету из пачки, закурил, отметив, как дрожат руки. Откинул голову на спинку стула, стараясь успокоиться. На белоснежном после прошлогоднего ремонта потолке в сплетенье лепных гирлянд недвижно летел младенец с устремленными ввысь крыльями.

— Смотрите, над нами ангел. Только он не смеется.

ЧАСТЬ III

«Впервые за этот год она приснилась мне живая. Она что-то говорила всплывчиво, блестя черными глазами, вдруг рассмеялась — и как только сердце не разорвалось от восторга, от нежности и жалости? Проснулся в слезах, однако надо было зачем-то жить.

После сна и связанного с ним потрясения размышлять, с кем Соня спала перед смертью, казалось противоестественным. И все же: она могла уйти с отцом (если он ждал ее в полночном переплетенье переулочков), подняться к Роману (да, он любит искушенных женщин, но может быть, он ее сделал искушенной?), встретиться в подъезде или во дворе с Моргом... нет, с Моргом, человеком семейным, не так-то просто... вот, кстати, мотив: циркачка застает мужа с соседской девочкой... Господи, как все это пошло и убого, как не соответствует бессонному свету в душе».

Он встал, натянул джинсы и футболку, бесцельно прошелся по комнатам, вышел в парадное. Свет не уходил, он сконцентрировался в золотом луче, падающем из восьмигранного оконца на площадку между вторым и третьим этажами, где она стояла (в момент убийства единственное в небе позлащенное облако затмило солнце, тьма залила парадное и поглотила кого-то в нише). Итак, давным-давно она стояла, облокотясь о перила, и бессмертные детали в золотом луче ослепили его. Удивительно, но он помнил их диалог наизусть, каждое слово, движение лица и рук. Но не вспоминал, отгонял, спасаясь от боли.

Господи, почему же так страшно? Но он уже знал почему, однако сопротивлялся этому знанию как мог и даже себе не посмел бы признаться. Внезапно обессилев в неравной борьбе, сел на ступеньку, прислонился к перилам.

Он не помнил, сколько просидел во тьме, пронзенный одиноким лучом. Человек разумный не может долго находиться в таком состоянии (это удел душевнобольных). Разум ищет лазейки, трещинки, щели в стене страха — и обычно находит. Вот вспомнилось, как они ребятишками играли здесь в шпионы и сыщики (существование в доме двух лестниц, парадной и кухонной, создавало неоценимые удобства для игры). «Должно быть, и для убийцы, — всплыла трезвая,

отчетливая мысль. — Пока я тут впадаю в детство, близко рядом бродит зло, и можно догадаться, кого выберут в этот раз!»

Егор вскочил, помчался по лестнице вверх, всматриваясь в потаенные уголки детства... вниз, в тамбур, в переулок, в тоннель, во двор, опять на улицу... наконец, взял себя в руки; в душе, вопреки всему, восстановился давешний утренний свет. Не торопясь, оглядываясь, вглядываясь в лица, обошел близлежащие улицы и переулки — никогда никого он так страстно не искал! — прошелся по Тверскому, где в зеленых сумерках однажды ему померещилась слежка, миновал свой маленький дворец правосудия, вернулся в Мыльный и отправился на кладбище.

Каменная кладка сразу отрезала звон, гам, суету и жар живых. В зыбкой лиственной полупрохладе аллея, поворот, еще поворот, оградка, лавочка, никаких безумных знаков и намеков, черные глаза глядят с веселым любопытством. «Неужели я вправду отгадал твою тайну? Не отгадал, нет, всего лишь прикоснулся, вошел в твой минувший мир и вспомнил». Егор легко поднялся и ушел не оглянувшись.

Он соскочил с трамвайной подножки возле метро, выстоял очередь в Мосгорсправку, получил бумажку с адресом, нырнул под землю, вынырнул на другом конце Москвы, сориентировался... Каменная ограда, раза в два выше кладбищенской, ворота, турникет, проходная, вывеска «Психоневрологическая больница». Самого дома почти не видать из-за безнадежно-желтой ограды: от сумасшедших мы отгораживаемся еще плотнее, чем от мертвых. В стеклянной будке пожилой вахтер читал газету, за турникетом покуривали два амбала санитаря, по двору медленно прошла женщина в белом. Вахтер оторвался от газеты, амбалы от беседы, все трое уставились на Егора, тот медленно двинулся вдоль стены: прочная, надежная крепость, в которой, по выражению Серафимы Ивановны, наш доктор царь и бог.

Она вязала себе бесконечное белое кружево в уютном, устоявшемся мире игр и забав, куда хотелось бы вернуться навсегда, но он уже повидал и ощутил миры иные. Сел рядом на лавку и сказал:

— Здравствуйте, Серафима Ивановна.

— Что с тобой?

— А что?

— Какой-то ты... не такой.

— Серафима Ивановна, у меня такое ощущение, что надо спешить.

— Куда?

Он неожиданно рассмеялся:

— Снимать покровы с тайн.

— Ты знаешь, кто убил Соню?

— Понятие не имею. Разве что похитить Гросса? Перед пытками он не устоит.

— Да что с тобой?

— Молчу. — И тут же заговорил: — Вы мне не поверите, я сам себе не верю. У меня ничего нет — ни мотива, ни следов, ни улик. На чем ловить? На новом убийстве? — Он наконец выговорил вслух мучившую его мысль: — Вот пока мы тут с вами сидим... Где Морг?

— Успокойся, вернулся с репетиции, сейчас к голубям выйдет. Циркачка в цирке пока. Герман Петрович в клинике, с утра отбыл, Рома сидит у себя, статью печатает. Катерина тоже печатает на моей машинке учится. Алена в своем универмаге. Доволен?

— Ну, Серафима Ивановна, вы прямо «красный следопыт»!

— Приходится... на старости лет. — По лицу ее прошла тень. — Не могу забыть ночной крик. А ты еще все козыри перед ними выложил.

— Карты на стол! — подтвердил Егор и словно наяву увидел на полированной столешнице разноцветные картонки... точнее, одну из них. Ада нагадала!

— Всех сумел напугать, и меня в том числе, — продолжала Серафима Ивановна. — А улик действительно нет. Как Рома-то кричал; везде кровь, все в крови. Убийца был залит кровью.

— Морг и был залит, когда нам открыл.

— А до этого, как к голубям спустился? Сам говорил: ни единого пятнышка. А Герман Петрович на бульвар отправился с пенсионером общаться. Что-то тут не то.

— И тот и другой успели бы переодеться. — Егор помолчал, вдруг сказал машинально: — И камень, под которым окровавленная одежда лежит... кому это я говорил?.. Ах да. Гроссу. Вот великолепная улика, а?

— Возможно, где-то и лежит, — согласилась Серафима Ивановна. — Сжигать в наших условиях слишком хлопотно.

С черного хода появился Морг и направился к голубятне.

— На ловца и зверь бежит.

— Бестолковый я ловец... и, как назло, сегодня дежурю! Ладно, попытаюсь отвести опасность. Особняк оставляю на вас, Серафима Ивановна.

Дверца клетки распахнулась, нетерпеливая воркотня и хлопанье крыльев вырвалось на свободу. Морг гикнул, свистнул, уселся на перекладину лестницы и запрокинул круглую лысую голову в небесные сферы с редкими, безобидными еще тучками. Самое время для душевного разговора: в голубином гоне нрав клоуна несколько размягчается и можно вообразить — при наличии воображения, — что перед тобой добродушный шут.

— Здравствуй, Морг.

— Вот ты врешь, — начал Морг сварливо вместо приветствия, — будто я засунул Антоше мешочек с крестом. Ты ведь на это ночью намекал?

— На это.

— Я — профессионал высокого класса, будьте уверены! Но ты врешь.

— Докажи.

— Логика, батенька ты мой недоразвитый. Ло-ги-ка. Рассмотрим проблему с нравственной точки зрения. Если, по твоим словам, верить Антоше до конца — почему же он не признался, что нашел крест в кармане собственных брюк и перепрятал в плащ, а?

— Почему? — Вопрос Морга ударил в самую точку, как в солнечное сплетение.

Егор опустил на нижнюю перекладину лесенки; клоун нависал над ним, затмив полнеба с птицами.

— Ну, побоялся, что в такую фантастику никто не поверит, — пробормотал Егор, сам себе не веря.

— Ладно. Далее, Ты забыл, что обнаруженный в плаще мешочек был запачкан кровью. Когда я спустился к голубям, кто-нибудь видел на мне хоть пятнышко? На руках или на одежде?

Да, клоуна голыми руками не возьмешь, он как будто подслушал их разговор с Серафимой Ивановной: и камень, под которым окровавленная одежда лежит.

— Морг, а ведь ты теперь ходишь в других шароварах.

— Нет, ты не увиливай, видел кровь?

— Не видел. Я как-то не обращал внимания... у тебя были шаровары в голубую клетку, да? А эти зеленые.

— Я те выбросил. Старье.

— И майку выбросил?

— И майку, — ответил клоун с усмешкой. — И парусиновые туфли. Все пропиталось кровью, я ведь в лужу крови упал, забыл?

— Куда выбросил?

— В землю закопал и камнем придавил, чтоб скрыть следы, которые вы все видели! — огрызнулся Морг. — В мусорку — куда ж еще? Вон, полюбуйся!

По двору неторопливым шагом шел психиатр в бархатном пиджаке с пластмассовым ведром (что-то он сегодня рано покинул свой сумасшедший дом... катастрофа надвигается, дальновидные действующие лица концентрируются в Мыльном переулке, соблюдая античный принцип единства места, времени и действия, а я должен идти на дежурство), поклонился, сказал: «Георгий, зайдите ко мне, пожалуйста, когда освободитесь», — скрылся в тоннеле, где стоит бак для мусора, вновь возник и удалился в подъезд.

— Зачем он тебя зовет?

— Не знаю.

Морг размышлял, наморщил сократовский лоб.

— Будь с ним поосторожнее, жутковатый тип. Я б скорее скончался, чем доверился такому врачу. Ладно, черт с ним. Так я тебя убедил?

— В чем?

— В своей непричастности.

— То есть в причастности Антона? — уточнил Егор.

— А ты вдумайся в его прощальную фразу: «Передайте Катерине, что я умираю за кого-то другого». За кого, а?

— Ну?

— За нее.

— Морг, ты ведь не в цирке.

— Да погоди ты! Мы загипнотизированы образом вдовы в черном — моменте мори, так сказать, — а в тот день она была в голубом. Алиби у нее, в сущности, нет: какое может быть алиби на базаре? Все несообразности в поведении и показаниях Антоши объясняются тем, что он покрывал жену. Именно она отражалась в зеркале в прихожей, пряталась на лестнице, а теперь...

— Ерунда! Как она могла поместиться в нишу, она крупная, высокая...

— Женщина все может, женишься — узнаешь. Съежилась, скукожилась... не в этом суть. Главное, она до сих пор не в себе, спроси у Серафимы Ивановны, спроси! Помешалась она еще тогда, на месте преступления... лента, духи (кстати, мертвая, благоухающая лавандой, — сильный образ) — так вот, женский антураж, женский почерк — разве не ясно? Ты ее видел в тот день, как на могиле ленту нашел?

— Да, она ко мне приходила.

— До или после кладбища?

— До.

— Ну, одно к одному! И что сказала?

— «Будьте вы все прокляты!»

Клоун засипел Егору прямо на ухо:

— После этого пассажа в нервном порыве она едет на кладбище, перевязывает твой букет лентой... ты согласен, что на такие штучки способна только ненормальная?

— Не смей называть ее ненормальной! — сорвался Егор.

— Тихо, тихо, голубь, видишь, окно у Ворожейкиных открыто? После могилы она звонит тебе и намекает, что ты убийца. Может, даже искренне, поскольку, — клоун покрутил пальцами у виска, — все смешалось в доме Облонских. Все, Егор, прикрывай лавочку: не в милицию ж ее сдавать? Действовали супруги в сговоре или так уж совпало — не столь важно. Они между собой разберутся на том свете, адскими угольками поделятся. — Морг засмеялся злорадно.

Егор внимательно вглядывался в бегающие глазки. Спросил тихо:

— Так кто приходил к Евгению Гроссу?

— Это я могу сказать тебе точно. — Клоун выдержал эффектную паузу: — Герман.

— И зачем бы его туда понесло?

— Егор, у тебя неверный подход к этому моменту. Я сам сегодня ночью, когда мы под ангелом Ады сидели, тоже на него подумал. Он и приходил к журналисту, но не в качестве убийцы, а как психиатр. Если можно так выразиться, с научной точки зрения приходил. Знаешь, что его интересует? Изменение психики в экстремальных условиях. Так-то вот.

— Почему ж он не признался?

— Неудобно. Он — холодное чудовище, однако понимает: неудобно наживаться на смерти близких. Даже во имя научного прогресса. Негуманно.

— Морг, ты до сих пор его ненавидишь.

— Да, я в своих чувствах постоянен, — подтвердил клоун без гримас и кривлянья.

И Егор ему поверил, и холодок — озноб — охватил душу, как в приближении к тому пределу, к которому лучше не приближаться, за которым — зло.

— Ладно, пока. Пошел к психиатру.

Узкая черная лестница с крутыми поворотами на каждой крошечной площадке, где стоят ведра с отбросами для каких-то мифических свиней (призыв жэка: пищевые отходы — на подъем сельского хозяйства!), едва освещалась слабым рассеянным светом. Как там Гросс писал? Черная лестница, зыбкая вонючая тьма... негромкий стук, протяжный скрип... приговор приведен в исполнение!

Егор поднялся по разноголосым ступенькам, прошел к себе на кухню, постоял, вспоминая... кажется, на второй полке шкафчика... отворил дверцу, достал старый охотничий нож в потертом кожаном футляре, вынул — блеснуло хладнокровным блеском лезвие, — провел пальцем по кромке. Годится. «Неужели я решусь? («Не можешь решиться?») — «На что решиться?» — «Умереть. Ведь Антон умер». — «Ради бога! Не вешайте трубку! Кто убил Соню?») Решусь!» Вложил нож в футляр, засунул потенциально опасную безделушку за ремень джинсов, в прихожей надел солдатскую куртку — память о студенческом стройотряде, — вышел в парадное, поднялся на третий этаж, остановился на площадке. За дверью слева, с медной дощечкой, ждет психиатр. Справа от Сорина доносился еле слышный стук

пишущей машинки. Сведения Серафимы Ивановны необычайно точны. Он поколебался и позвонил.

В кабинете журналиста (а ведь я год у него не был, с того дня, как он рассказывал о братьях-славянофилах) обстановка, атмосфера на должном «закордонном» уровне. Егор сел в вертящееся кресло у секретера с раскрытым бюро: телефон на кнопках, машинка с вставленным листом бумаги, кофейник, кофе в фарфоровой чашечке, пачка «Пел-Мел», стеклянная зажигалка. Одним словом, наш специальный корреспондент творит.

— Не помешал?

— Жора! Совсем меня забросил, вот уже год... — Рома исчез за дверью, вернулся с чашкой, налил Егору кофе, придвинул сигареты, сам расположился на широкой тахте, на зеленом ковре, как на лужайке. — Год не был!

— Ром, ты ведь говорил, что знаешь Евгения Гросса?

— Почти нет. Как-то в домжуре в одной компании пиво пили.

— Ах, пиво. Ну, конечно. Как ты думаешь, если на него поднажать, он выдаст ужасную тайну?

— Какую? — Рома с удивлением посмотрел на приятеля. — Ты сегодня странный. Что-то случилось?

— Да.

— Что?

— Давай не будем... пока.

— Ну хоть намекни!

— Все равно мне никто не поверит.

— Но с чем это связано?

— Червонная любовь. Помнишь, на помолвке мне выпала эта карта?

— Ничего не понимаю!

— Так как насчет Гросса?

— Черт его знает! Давай я с ним поговорю? Точно! Возьму за жабры. В общем, располагай мною во всем.

— Созрел, значит?

— Все время думаю об Антоше, — признался журналист с сильным чувством. — Смертная казнь — подлость.

— Особенно когда умираешь за кого-то другого, — заметил Егор.

— Но ведь какие улики были!

— Улики, алиби — вещь относительная, пуля — абсолютная. — Егор помолчал. — Горсть пыли в жестянке.

— Но ведь мы найдем убийцу, Егор? — спросил Рома доверчиво, как ребенок у взрослого; темно-карие глаза глядели умоляюще.

— Найдем, если он забудет про осторожность и нападет на нее.

— На кого?

— Помнишь крик в парадном?

Рома кивнул горестно, в наступившей паузе Москва отозвалась трамвайным скрежетом, детский солнечный зайчик влетел в полуоткрытую балконную дверь, заскользил по косяку, по обоям в золоченый цветочек, Егор рассеянно следил за веселым круженьем... выше, выше...

— Особняк пойдет на снос. Ведь ты у нас спец по охране памятников?

— Да ну! В прошлом году статью заказали, а так я все больше по моральным проблемам. Обличаю.

— Все на снос, — повторил Егор. — И кружевные балкончики, и лестница с нишами, и ангелы... Ангел Ада. А у Морга нимфа... смеется. Одинокая — сатир ее у меня. Наш особнячок переполнен потусторонними силами.

— Неужели после всего тебе хочется здесь жить? — спросил Рома с тоской. — Здесь мертвые и убийца. Условная кличка — Другой. — Он проницательно посмотрел на друга. — Каждый из нас должен сыграть свою роль в твоей версии.

— Нет у меня никакой версии.

— Но роли ты уже распределил. И затрудняешься насчет меня. Я знаю, о чем ты думаешь: «С кем из вас моя невеста провела свою последнюю ночь?» Тут я чист, могу поклясться своей бессмертной душой, если она есть и если она, не приведи господь, бессмертна.

— Все-таки интересно: своей ли поездкой в Орел ты навел Аду на воспоминания?

— Кажется, нет. Хоть убей, не помню.

— Но с чего бы на помолвке дочери она стала вспоминать про склеп?

— Может, вспомнила себя невестой... на кладбище... — Рома задумался. — Задание я получил внезапно: коллега заболел. Заехал в

Мыльный за зубной щеткой. Аду не видел — точно. Кстати, а как ты дошел до склепа?

— Классики помогли — Тургенев и Пушкин. Ада упомянула — зашифрованно.

— Я был там. И на «дворянском гнезде», и на Троицком, но никогда бы не связал... Знаешь, милый городок, но теперь из-за этого склепа вызывает ассоциации ужасные, как будто мимо загробной тайны прошел. Ну, вернулся, Аду, конечно, видел... вот мы курили, каждый на своем балконе... — Рома старательно вспоминал. — Говорил я или нет про командировку? Может, вскользь... А впрочем, какое это имеет значение?

— Меня интересует, вызваны ли воспоминания Ады внешним толчком — твоим путешествием, например, — или на то были более глубокие причины.

— Какие причины?

— Пока не знаю. Необходимы достоверные сведения о смерти одного ребенка.

— Смерть ребенка? — изумился Рома. — Какого ребенка?

— Не расспрашивай.

— Да что же это такое, Егор? В каком мире мы живем?

— В смертном. Здесь зло.

— Да, зло. — Рома вздрогнул, провел рукой по лицу, пожаловался: — После трупов у Неручевых, а особенно как я Антошу навверх, на смерть, тащил... у меня прямо какие-то припадки, честное слово! Видал сегодня ночью? Дикое головокруженье, будто в пропасть падаю.

— Ну, тебя спасает твоя сестра милосердия. «Вспомни Серебряный бор...»

— Она помогла мне пережить тот день. Мы встретились случайно... а может быть, нет? Может, не случайно именно в тот день... судьба!

— В день убийства?

— Ну да. Ты помнишь, как все было? Я работал, сигареты кончились, иду в киоск, смотрю, вы у голубятни. Алена говорит: поехали в Серебряный бор. Ты как-то сказал о Соне, что любил ее всегда, но ты не осознавал. Похоже, у меня так же. Я не осознавал, но Серебряный бор где-то застрял в подсознании.

— И вы с ней поехали загорать?

— Какой там, к черту, загар! Что ты делал после того, как мертвых увезли на вскрытие?

— Смутно помню, как во сне. По улицам ходил, на бульваре сидел, какая-то дама вскрикнула: «Вы в крови!» Встал, пошел куда-то. Невозможно было домой вернуться.

— Именно невозможно. Необъяснимо, непостижимо. Может быть, Егор, ты и раскроешь загадку, ты сильная личность, не спорь, но я все равно не пойму никогда: как можно убить? То есть как это происходит: только что ты был одним — и вдруг становишься другим. Ты смог бы?

— Не знаю, — он все время ощущал чужеродный предмет у левого бедра за ремнем брюк.

— Покуда не подопрет, никто, наверное, не знает, — согласился Рома. — И наш Серебряный бор — наш, Егор, вспомни! — зафиксировался в душе как последняя реальность, как надежда. Вот почему я говорю — судьба.

— Ада нагадала тебе ведьму.

Рома рассмеялся:

— Я ее прошу уйти из магазина, там есть шанс стать... Ну ладно. Я находился под впечатлением: неужели наш Антоша?.. И вообще я крови боюсь. Не замечал, куда еду. Вышел из троллейбуса на конечной, пошел бродить, кругом толпы, суббота... И тут со мной случилось странное происшествие. Я оказался вдруг на совершенно безлюдной тропе, и чей-то голос позвал: «Рома!» Ну, конец света! Я чуть не упал, голова закружилась, уселся на траву, смотрю: Алена идет в своем сарафане. «Боюсь», — говорит.

— Как она туда попала?

— Именно об этом я ее и спросил. За тобой, говорит, слежу. Ну, шутит.

— Шутит?

— Егор, ты ведь понимаешь, мы все были в шоке. Напряжение разряжалось потихоньку — у каждого по-разному. Они с Мариной...

— С Мариной? — перебил Егор. — Может, там и Морг с психиатром в кустах сидели?

— Я видел только Аленушку. Они, оказывается, за мной ехали, в следующем троллейбусе, ну, она меня разыскала. Девочка, нуждается в утешении. — Он улыбнулся мягко, нежно. — Мы друг друга утешили.

— Положим, Алена не такое уж чувствительное дитя... — Егор осекся: поосторожнее, речь идет о невесте друга, нельзя чрезмерно увлекаться ролью сыщика. — Ладно, поздравляю, будьте счастливы, а я пошел на дежурство.

— Еще рано, Егор.

— Мне надо к психиатру заглянуть.

— А потом ко мне, я провожу тебя, — Рома легко вскочил с зеленой лужайки. — По-моему, ты ночью бросил вызов нашим потусторонним силам.

— Ни в коем случае. — Егор пошел в прихожую, хозяин следом, они остановились на пороге. — Я должен быть один, иначе она может не подойти.

— Та, что звонила по телефону?

— Да.

— Может подойти другой.

— Пусть попробует.

— Но я боюсь за тебя. Мы ведь имеем дело с силой сверхъестественной. Сам же говорил о показаниях Антоши.

— На меня гипноз Германа Петровича не действует.

— А на меня действует.

— Ну, ты же отличаешься особой совестью. Все мучаешься, как Антошу наверх, на смерть, тащил?

— Мучаюсь.

— «Дворянское гнездо» и «Путешествие в Арзрум», — повторил психиатр задумчиво, — надо перечитать. Узкая специализация — считается, чем уже, тем глубже, — приводит, в сущности, к невежеству. В чем с горечью сознаюсь. Знай я получше русскую классику, может, и сам бы докопался до Орла.

Они сидели в тех же кожаных креслах в зеленовато-золотистом сумраке тополей милейшего Мыльного переулка и пили французский коньяк. Дюк Фердинанд на кушетке то ли спал, то ли подслушивал.

— А когда-нибудь раньше Ада вспоминала свою родословную?

— Всего лишь раз, давно. После смерти Варвары Дмитриевны дочери остались деньги. «От нашего дворянского гнезда», — сказала Ада с иронией. Я поинтересовался, почем нынче гнездо? Семь тыщ? Экая дешевка! Тут и всплыло какое-то поместье, дворянский склеп...

словом, прелестный женский вздор. Дворянка-цыганка. Так склеп и остался семейной шуткой. Как и фамильный черный крест.

— То есть она не захотела привести какие-то факты и доказательства?

— Не захотела. Наоборот: сама же все обратила в шутку. И как я теперь понимаю, у нее для этого были основания.

— А именно?

— Она там избавилась от ребенка. Когда вы мне сказали, что Ада скрывалась в Орле, я сразу понял: не из-за клоуна. История с клоуном вскоре стала известна, но про Орел мне не проговорились. И не аборт она поехала делать в такую даль. С этим и в Москве нет проблем, тем более если мать медик. Однако здесь они не смогли бы скрыть от меня беременность. Нашу свадьбу Варвара Дмитриевна планировала на сентябрь, а поженились мы двадцать пятого июня — очевидно, ребенок родился недоношенным. Господи, что за проклятье!

— Я ездил в Орел, кое-что удалось выяснить. Ребенок вроде бы сразу умер.

— Вроде бы?

— Могилу не нашли.

— Младенца замуровали в склеп, — Герман Петрович пожал плечами. — Индийский фильм.

— Удивительно, Герман Петрович, — заметил Егор после паузы, — в первом нашем разговоре вы упомянули про индийский фильм, про сиротку, которая непременно окажется дочерью раджи или миллионера.

— Или клоуна... — Психиатр отпил коньяк. — В нашей действительности сироток миллионы, на всех миллионеров не хватит. В общем, я не вижу связи между склепом и убийством Ады.

— Да, непонятно. Орловская история как будто обычная, житейская, отражающая наш нравственный уровень. Точнее, всеобщую безнравственность.

— Всеобщую? — переспросил психиатр с отвращением. — Вы намекаете, что ложь повторяется?

— Я не имел в виду Соню! — воскликнул Егор, и даже только звук имени — Соня, бессонница, сон, — обжег душу.

— Имеете. Аналогия напрашивается сама собой.

— Не аналогия, а... тончайшая связь событий и лиц. Надо спешить, а я могу только ждать, потому что не уверен в главном, потому что...

— В главном? — перебил Неручев. — В чем?

— Серафима Ивановна как-то сказала, что во всем этом мы не понимаем главного. И если я правильно понял его, оно настолько страшно и невероятно, что... Готовится еще одно убийство. Я не позволю — предупреждаю всех.

Ледяные глаза напротив блеснули острейшим прозрачным блеском.

— Вы знаете, кто убийца?

— Знаю. Но это не столь уж важно.

— Это не столь... — Психиатр задохнулся, произнес отдельно и с сарказмом: — Что же тогда важно, позвольте узнать.

— Разве вы не знаете?

— Я?

— Вы, вы! — Егор с жадностью вглядывался в суховатое, отчужденное лицо. — Вспомните в мельчайших подробностях, как вам позвонил Морг, как вы шли в Мыльный, вспомните прихожую в крови, мертвое тело...

— Я уже говорил вам, — отчеканил Неручев, — что предпочел бы этот момент не вспоминать.

— Почему, Герман Петрович? То есть я понимаю — тяжело. Но не примешивается ли к боли другое ощущение? Ну скажите правду! Ощущение иррациональное...

— Я не боюсь мертвых, — перебил психиатр, — по роду ли профессии или по черствости сердца... выбирайте сами. Но своих, особенно Соню, боюсь — вот вам подсознательное ощущение. Предпочитаю его не анализировать.

— Давайте попробуем?

— Что вам нужно от меня? Я до сих пор не представляю даже, из-за чего их могли убить!

— «Пропадет крест — быть беде». Кто-то услышал и исполнил.

— Да говорю же вам: крест, склеп — все это обыгрывалось давным-давно в качестве семейной шутки.

— Шутка, Герман Петрович, обернулась трагической реальностью. Все шиворот-навыворот, как в метафоре: «ангел

смеется». Вас не поражает двуликость Ады? Ее образ двоится. Ведьма — ангел.

— Ну, она стремилась так выглядеть.

— Она была такой. В ее сумасшедшей любви к вам в основе — обман, может быть, преступление. Страсть к деньгам уживается с щедростью. Вот она отдала какие-то вещи бедным...

— Вот уже это действительно легенда! — отрезал Неручев.

— Герман Петрович, ее легенды слишком часто подтверждаются. Помните, на помолвке Соня похвалилась, что мама...

— Я готов поверить даже в склеп, но только не в бедных!

— Господи боже мой! — пробормотал Егор. — Вы не верите в бедных?

— Не верю! Никакой сентиментальностью моя жена не страдала.

— Но ведь это значит... вы понимаете, что это может значить?.. — Головокружительная истина приближалась, голова кружилась, детали и события складывались в картину потрясающую...

— Что это значит?

— Нет, не скажу, — прошептал Егор суеверно. — Мне надо подумать... Герман Петрович, ведь Ада была необыкновенно аккуратна?

— Да, в ней как-то любопытно сочеталась широта натуры с женским вниманием к мелочам. Знаете, все на своих местах, ни пылинки, ни соринки. Ремонт ее угнетал.

— Ремонт ее угнетал, — повторил Егор машинально. — Она встала спозаранок и принялась наводить идеальный порядок. А вдруг она отдала вещи малярам? — спросил он с отчаянием, на что психиатр ответил наставительно:

— Эти бедняки зарабатывают больше меня и уж гораздо, гораздо больше, чем вы, Георгий.

— Но ведь у вас и частная практика, Герман Петрович. Надеюсь, это кое-что дает?

— Кое-что давало. Я потерял вкус к жизни, я старик. — Неручев усмехнулся едко. — Ада объявила мне об этом прямее и грубее.

— После того телефонного звонка? Когда вы поссорились?

— Да. Тогда она была несправедлива. Я любил ее... как юноша, как в первый день. Теперь — да, теперь мне все безразлично.

В уголке кожаной кушетки зашевелился дюк Фердинанд — черный комок на черном фоне, — потянулся, сверкнув изумрудным взором, поднапрягся и, описав изящную дугу, опустился на колени к хозяину.

— Герман Петрович, в жестокости к животным есть что-то патологическое?

— Безусловно, если пациент получает от этого наслаждение. Это показательный фактор.

В прихожей раздался серебряный перезвон колокольцев, хозяин и гость поднялись с кресел, дюк Фердинанд шипанул, Егор спросил:

— В вашей клинике режим тюремный или можно время от времени сбегать?

— Исключено.

Японский замок солидно щелкнул; в кабинет Неручева, отразившись в створках трельяжа, проскользнула циркачка, не взглянув на Егора; он шагнул на площадку, начал спускаться по лестнице, затылком чувствуя упорный взгляд. Не поддамся! Резко обернулся: психиатр стоял на пороге, отбрасывая гигантскую, до самого тамбура, гротескную тень.

Он шел в сиреновом сумраке от сгущающихся туч — охотник с охотничьим ножом в каменном фантастическом лесу, где знакомы каждая тропка, проулок, тупичок и перекресток, каждый фонарь и подземный лабиринт, — напрасная тревога прожгла на Тверском, и чей-то смех заставил его вздрогнуть возле «Художественного», прохожие тени обгоняли, отставали в шуме и шелесте шин, истертые ступени, проходная, каморка, прохладный диван, оконная стальная решетка. Он лег, закинув руки за голову, и принялся ждать.

«Все ли я сделал, что мог? Отвел удар или нет? Как я могу рассуждать хладнокровно (хладнокровия не было и в помине, каждый нерв обнажен в напряженье), как я могу рассуждать, когда в Мыльном переулке наступает ночь, в отдаленье гремит последний трамвай, между дверьми в тамбуре гаснет свет, и ниши для канувших в вечность статуй и фонарей темнее самой тьмы, и старые ступени слегка скрипят под осторожными шагами... наш особнячок переполнен потусторонними силами?»

Егор не выдержал, схватил телефонную трубку, набрал номер.

— Серафима Ивановна, что там у нас новенького?

— Пока все тихо, — отвечала старуха почти шепотом («Ах да, коммуналка, может услышать Алена!»). — Морги в цирке, Рома отправился в свой Дом журналистов («На поиски Гросса, что ли?»), Герман Петрович уже в халате, читает «Дворянское гнездо».

— Спасибо, Серафима Ивановна.

Неручев в кабинете на кушетке, в халате и с сигаретой, читает «Дворянское гнездо» — картинка из давно прошедших времен. В ногах дюк Фердинанд (Егор опять заволновался), черный кот, принадлежность ведьмы, свирепый сторож разгромленного очага. «Вот он, наверное, знает многое, — сказал психиатр, — наверное видел убийцу. Да ведь не скажет». «Однако дюк Фердинанд сказал — по-своему, как сумел, заменив слова шипеньем и мурлыканьем, — помог мне вспомнить. А если я ошибаюсь? Ведь ни разу я не признался в своей догадке даже самому себе. Не уверен? Или догадка эта слишком фантастична и безумна, отдает мистикой?..»

Июньская ночь — бедная, городская, искаженная электричеством и визгом моторов — прильнула к стеклам, к решеткам; дохнула грозovým сквозняком в форточку, грохнула натуральным небесным грохотом, на мгновение покрывшим убогие шумы цивилизации... Хорошо! «Нет, я не ошибаюсь, мгновенное озарение (золотой луч во тьме) подтверждается фактами — бесценными свидетельствами истины. Алая лента, запах лаванды (на склянке с духами только отпечатки пальцев Сони), «мы все были в шоке» — и страх... черный крест в плаще Антона (если верить ему до конца — почему же он не признался, что нашел крест в кармане собственных брюк и перепрятал в плащ?), невидимое, неслышимое присутствие — в глубине мелькнуло что-то голубое (не оставив, заметим, абсолютно никаких следов), одежда для бедных (психиатр не верит в бедных, это очень важно, это позволяет взглянуть на убийство под другим углом), открытый для проветривания квартиры после ремонта балкон в шелестящей тополиной листве... Кажется, в руках у меня все доказательства... нет, не доказательства, не настоящие, полноценные улики, а всего лишь мои догадки — вот почему я не могу его изобличить. Моя версия состоит из отдельных клочков (ниточек в слипшемся клубке), не связанных единой сквозной идеей — мотивом преступления. Двуликость Ады, раздвоение, двойник, подмена, ангел-

ведьма. Неручев: «Я до сих пор не представляю даже, из-за чего их могли убить!» Из-за черного креста. Не из-за серебра и жемчуга, имеющих определенную денежную стоимость, то есть не из-за денег. Гросс прав: кража — мотив вульгарный, в нем отсутствует тот психологический элемент, загадка, феномен, которые делают преступление произведением искусства... в своем, конечно, дьявольском роде. «Пропадет крест — быть беде», — небрежно повторяла Ада, входя в роль обольстительной гадалки; кто-то услышал и исполнил. Отомстил? За что? Орел. Тут у меня слишком мало данных, разве что фраза Морга: «Да, я постоянен в своих чувствах» — и незабываемое ощущение, что я приближаюсь к пределу, за которым — зло.

Итак, продолжим продвижение к истине. Герман Петрович набросал психологический портрет своей, как он удачно пошутил, пациентки: верящая в чудеса и проклятия. Морг, в свою очередь, тоже пошутил: женский почерк, женский антураж — духи, лента... Однако мне был подброшен еще один, как говорят в судебной практике, вещдок, что я постоянно упускаю из виду, не представляя, куда, в какой разряд элементов его поместить: дамская лаковая сумочка — отечественный ширпотреб, который никто в особнячке не принял за свое. А между тем эта сумка висела на крюке в нише, где в момент убийства (или сразу после него) кто-то прятался.

Сумка пустая. В такой обычно держат зеркальце, духи (нет, лавандой не пахло!), косметику, документы. Документы. Надо сосредоточиться, сделать усилие... без толку! Я не знаю даже имени того ребенка. Если сумка была украдена с места преступления... неправдоподобно, совершенно неправдоподобно. Какое ж хладнокровие надо иметь, чтоб в такую минуту, возле мертвых, остывающих тел рассчитывать на какие-то документы. Однако сумочка демонстративно пустая! Не обольщайся надеждами. Зачем красть, зачем сбегать и прятаться, допустить казнь Антона, обвинить в убийстве меня — зачем? Есть единственное объяснение — видение безнадежно-желтых стен и женщины в белом, медленно бредущей по двору.

И все-таки мне была подброшена пустая дамская сумочка, — упорствовал Егор, цепляясь за материальную реальность — вещдок. — Как же мне дожить до письма Петра Васильевича? Или

рвануть в Орел? Нет, Другой живет в Мыльном переулке и, вероятно, готовится к новому убийству.

Кстати, о вещественных доказательствах. Они были украдены. Еще один непонятный ход. А почему, собственно, непонятный? Я обвинил циркачку, но куда логичнее проделать это Другому — убрать чудом доставшиеся мне улики. Хотя для настоящего следствия (если бы начался пересмотр дела) эти «знаки» мало что значат — для меня, только для меня...

Три часа ночи. Гроза отбушевала и успокоилась в ровном гуле, прозрачном падении струй за окном. Скоро рассвет, молюсь и надеюсь, что в Мыльном переулке все по-прежнему, граждане спят... нет, одному, конечно, не до сна. И пора повернуться лицом к проклятой реальности и прямо ответить на прямо поставленный вопрос: что мне с ним делать?

«Я найду его, — похвастался я однажды. — И не буду связываться с так называемым правосудием. Своими собственными руками...» Я не сумел тогда окончить, не умею и теперь. Ответить на удар — да! Поддаться инстинкту «око за око, зуб за зуб» — нет. И все же: не честнее ли, не мужественнее совершить мгновенный суд самому, чем отдавать несчастного оборотня в руки правосудия на куда более медленную казнь? Господи, что за смертный мир, в котором кроткий зов Серафимы Ивановны: «Убийством на убийство отвечать нельзя. Не вы дали — не вам и отнимать» — заглушается криками из зала: «Смерть! Смерть убийце!»

— Однако! — Егор задумался. — Какое-то подсознательное ощущение возникло у меня, когда я вспомнил... да, украденные из стола лента и сумочка... я обвинил циркачку... они с Аленой ездили в Серебряный бор в день убийства. Я хожу вокруг да около, боюсь — да, боюсь! — назвать вещи, события и лица своими именами.

Итак, я пройду вокруг да около. Вокруг прудов с утиными стайками и разноцветными лодками, заблужусь в трех соснах, выйду на безлюдную тропку, найду поляну. Я бы нашел поляну меж соснами, поросшую кустарником (дурацкий Гросс с его дурацкими аналогиями!). И все же: что бы я сделал, живя в центре столицы, в каменном лесу, где из-за многолюдья нельзя приткнуться для

совершения дела необычного (кровь, все в крови!) и где по пятам, возможно, идет охота? Я бы нашел настоящий лес».

Утро встало прохладное и пасмурное, вверху столпотворение разодранных в клочья туч, на земле — невыспавшихся чиновников и секретарш. Егор шел по площади, где борцы с царизмом взмывали мощные кулаки к взметенным небесам, вошел в стеклянный вестибюль, потолкался, оттягивая неизбежное, по коридорам. Евгений Гросс, как в прошлый раз, стоял задумчиво с дымящимся окурком.

— Доброе утро, Евгений Ильич. Вы меня узнаете?

— Георгий Николаевич Елизаров. Сторож-диссидент. Ну как, нашли убийцу?

— Нашел.

Гросс заволновался и прикурил от окурка новую сигарету.

— Сдали в органы?

— Нет. У меня улики нет, только подозрения.

— Детский лепет, — отрезал специальный корреспондент. — Дело закрыто, понятно? И заводить новую волюнку возьмутся только в случае чистосердечнейшего признания преступника. И то если чистосердечие будет подкреплено железными уликами и вещественными доказательствами. Кто убил-то?

— Тот, кто приходил к вам за сведениями. Так тянет материал на роман, Евгений Ильич?

— Ну-ну... — разочарованно протянул Гросс. — А я было вправду поверил, что вы Георгий победоносный, так сказать, «рыцарь бедный», мстящий за свою невесту.

— Она была не моей невестой.

Гросс отличался сообразительностью и с готовностью подхватил:

— Понимаю. Понимаю: показания экспертизы. Но я думал, она с вами...

— Не со мной.

— Ага, вы полагаете: с тем, кто приходил ко мне... Стало быть, по-вашему, мотив убийства — любовь?

— Наверное. Адская любовь.

— Сильно сказано. — Журналист помолчал. — Почему же вы не называете имя того, кто приходил за сведениями? Или хотите взять меня на понт?

— У меня есть сомнения, — признался Егор. — Ну, сотые, тысячные какие-то доли... а все-таки есть. Мне кажется, я назову, произнесу вслух — и эти доли улетучатся.

— Произносите хоть сто раз — ничего не изменится. Потому что вы ошибаетесь. Элементарно, так сказать, арифметически... психоз на почве ревности. Ну, валяйте! Я подтверждаю. Ведь вы за этим пришли?

— За этим. Вы уже подтвердили.

Они поглядели друг другу в глаза сквозь голубой летучий дымок, сомнения улетучивались.

— Нет! — воскликнул Гросс.

— Да, — сказал Егор угрюмо и пошел прочь по коридору между дверьми, за которыми в словах, словах, словах формировался сегодняшний газетный миф.

Надо было спешить — куда? Он сошел с трамвая — наискосок через мостовую дворовый тоннель с мусоркой, — перешел на противоположный тротуар, миновал два квартала. Приторный парфюмерный аромат проник в ноздри (даже свежий душок крови не смог заглушить то предсмертное благоухание). Подошел к прилавку, сказал рассеянно:

— А французская лаванда продается?

— Ты что, пьяный? — зашипела Алена — пышная фея в розовом, бесчисленные Алены отражались в зеркалах. — Напугал до смерти, черт бы тебя взял!

— Прости.

— Что надо?

— Расскажи, чем вы с циркачкой занимались в день убийства?

— Тише ты!

За соседним прилавком оживились, переглянулись еще две феи.

— Чем мы занимались... ничем!

— А Серебряный бор?

— Откуда тебе... Ромка, что ль, донес?

— Рома.

— Вот трепло.

— Может, выйдем покурим?

— Зой, постоишь за меня? Я сейчас.

Одна из фей кивнула, подмигнув шаловливо. Они вышли через подсобку во дворик с нагромождением коробок и ящиков, закурили,

Алена заявила вполголоса, но вызывающе:

— Любовью занимались — вот чем. Подробности интересуют?

— А Марина?

— Не знаю, она сбежала.

— Как вы вообще туда попали?

— На троллейбусе.

— Почему вы поехали в Серебряный бор? — спросил Егор
раздельно.

— Неужели это так срочно, что ты прибежал как угорелый?..

— Срочно. Вспомни крик в парадном.

Она умерила агрессивность и принялась рассказывать:

— Мертвых увезли. Дома было страшно одной...

— Я всегда считал тебя смелой девочкой.

— Сама удивляюсь. Я покойников ведь не боюсь, но... страшно. В
общем, я сидела на лавке во дворе. Тут Марина появляется... — Она
помолчала многозначительно. — В голубых джинсах и рубашке,
между прочим.

— Откуда появляется?

— С черного хода. Только что из цирка вернулась, говорит: Морг
невыносим, орет, трясется над каким-то узелком...

— Должно быть, с окровавленной одеждой, — вставил Егор.

— Ну, я ее просветила, она перепугалась — нервы. И мы решили
смыться. Сходили переоделись... я еще, кстати, Германа Петровича
встретила, сумку с вещами волок — ну, думаю, вдовец занимает свою
жилплощадь, торопится. А как кот выл, слышал?

— Нет, я по улицам ходил.

— Этот ведьмин кот все понимает! Под кровать Ады Алексеевны
забился — еле достали. Ладно. Почему-то мы двинулись в Серебряный
бор, — Алена пожала плечами. — С утра как-то в голове застрял.
Знаешь, Соня любила, мы с ней...

— Любила? — переспросил Егор.

— Там одна полянка есть, поросшая кустами, и сосны на
глиняном бугорке. Если по тропинке к лодочной станции идти, стоит
избушка на курьих ножках, детская... свернуть на тропинку — вот
там. Но мы туда не пошли, конечно. Да! Выходим из троллейбуса —
Рома впереди идет, я окликнула — не слышит. Ну, мы у лодочной

станции расположились. Тоска, неудобно, солнце палит, а Сони уже нет. Я говорю: пойти, что ль, Ромку поискать?

— Я еще на помолвке заметил твои маневры.

— Не твое дело. Почти сразу нашла, прям неподалеку от нашей избушки сидит, бледный, и решает проблему. Как ты думаешь — какую? Убийца Антоша или нет, то есть правильно он у него дверь в ванной вышиб и к Неручевым притащил. Из-за каждой ерунды готов на стенку лезть! Что тут думать? — Алена осеклась и все же добавила упрямо: — Я ни в какого Другого не верю.

— Напрасно. А Марина на лодочной станции осталась?

— Представляешь, домой уехала. Я когда назад пришла — лежат мои вещички, полотенце с сумкой, никто не польстился. Я ей потом высказала, она говорит: ко второму отделению в цирк надо было ехать. — Алена вдруг замолчала, потом спросила жарким шепотом: — Ты думаешь, это она в парадном кричала?

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Крик донесся сверху, не от входа. Я как раз по телефону в коридоре разговаривала, Серафима Ивановна может подтвердить. Прям мурашки по коже, забыть не могу.

— Ты сразу выскочила в парадное?

— Ну нет. Серафиму Ивановну дождалась, пока та халат наденет. Мои уже спали. Мы с ней вышли: все тихо, только...

— Ну, ну?

— Словно бы лязг... или стук тихий-тихий. И еще как будто свет мелькнул.

— Свет?

— Не свет, а... — Алена задумалась в поисках слова. — Луч. Лунный луч... нет, не могу назвать. Тут соседи зашуршали, на лестницу повалили, Серафима Ивановна включила электричество.

— Ты узнала голос? — спросил Егор напряженно.

— Какой голос! Жуткий вопль, так человек не кричит. Егор, что-то должно случиться.

— Не каркай!

— Я побежала.

— Пока.

Он пошел по улице куда глаза глядят. Лунный луч. Красиво. Лунный луч. Лязг или стук. Что-то мягкое, летучее касается ноги... так

человек не кричит.

Он опомнился уже в троллейбусе, далеко от Мыльного переулка. «Куда меня несет?» Безрадостный, бессолнечный день летел в окне, вяло висели листья лип, круглая клумба кровавых настурций влачила борьбу за существование в бензиновом чаду на маленькой площади, на которой троллейбусы делают круг. «Однако и у меня застрял в памяти Серебряный бор, где я не бывал с детства... точнее, с отрочества, далекого, кроткого (как бы не так!) отрочества. Все не то, все переменялось, асфальт, только сосны хороши по-прежнему, но меньше их стало, и весь-то бор, необозримый, казалось, можно обойти за... Нет, таинственный — по-другому... — Егор углубился в переплетенье тропок, клочья тумана висели меж кустами. — Здесь избышка на курьих ножках (в их детстве ее не было), Сониная полянка, здесь где-то и «камень под которым окровавленная одежда лежит». Конечно, камень Раскольников не повторим, таких совпадений не бывает, но кровь есть кровь, ее нужно спрятать. Вместе с одеждой, чтобы из вещдока она в конце концов превратилась в землю, влагу, траву».

Он сел в траву, влажную от ночной грозы, пахнущую сырой землей. Достал из-за ремня джинсов охотничий нож (чужеродный предмет, который вот уже почти сутки ощущал физически и, если можно так выразиться, метафизически, который мешал жить). «Зачем жить, если впереди нет ничего, кроме нечаянного — отчаянного! — удара и тоски? Все. Хватит дожидаться улики и доказательств, сейчас я приду к нему и подарю охотничий нож».

Однако Серафима Ивановна, на своем посту во дворе, сообщила, что действующие лица в этот вечер (неужели уже вечер?) перестали блюсти единство места, времени и действия. Старая дева на своем старом «Ундервуде» составила трогательную петицию в защиту старого особняка (коронная фраза: «Можете «сослать» нас на далекие окраины, мы согласны, но пощадите красоту, ведь ее так мало осталось!»), но выяснилось, что подписать челобитную некому: особняк был пуст, словно вымер.

— Я час всего и провозилась-то, — оправдывалась Серафима Ивановна.

— Ничего, будем надеяться, — утешал Егор рассеянно. — Я до утра глаз не сомкну.

— Кстати, Герман Петрович до утра читал «Дворянское гнездо». Не знаю, что он там вычитал, но только утром, когда я убираться пришла, с ним творилось что-то страшное.

— Что-что? — Егор встрепенулся в предчувствии нечаянного удара.

— Я даже подумала, что он в уме тронулся. Увидел меня и говорит: «Могила вскрывается!» Вот ужас-то! Небритый, в халате, совсем, совсем старик... Правда, взял себя в руки, поздоровался, но, когда я сказала, что сегодня пятница, полы буду мыть, он заявил твердо и как будто нормально: «Благодарю вас, Серафима Ивановна, я в ваших услугах не нуждаюсь».

— Он так сказал? — пробормотал Егор ошеломленно.

— Именно так, в этих самых выражениях. Я поклонилась и ушла. В качестве «следопыта» я стала самой назойливой и несносной старухой в мире. Так вот, сведения. Алена говорила, что с женихом сегодня в театр идут. У Моргов с утра пораньше скандал разразился, так что, кажется, дубовая дверь трепетала. Они ведь за границу собираются, слышал?

— Слышал. Значит, Герман Петрович из лечебницы так и не возвращался?

— Не возвращался. Или не хочет открывать. Это очень серьезно, Егор?

— Наверно. Да.

— Проворные пальцы, сверканье спиц-рапир, бесконечное белое кружево.

— Серафима Ивановна, можно ли предположить, что я — убийца?

— Господь с тобой, Егор!

— На помолвке я так неудачно пошутил, так нелепо, по-идиотски!

— Шутка неудачная, правда. Но какому же здоровому человеку придет в голову...

— Здоровому, нездоровому — где граница... Вон циркачка сказала, что из нас троих, отроков кротких, на эту роль больше всего гожусь я.

— Не понимаю, Егор, почему ты так волнуешься. Ведь совесть у тебя чиста?

— Серафима Ивановна! — взмолился он. — Ну, может, что-то в моем поведении, в словах или... не знаю в чем, со стороны виднее... есть что-то такое...

— Перестань! Я тебя знаю с детства. И если кто подумает такое, он просто ненормальный или тебя перед ним оговорили. Она болтает бог знает что, а ты с ума сходишь. — После паузы старуха спросила тихо: — Ты уверен, что это она тогда была в прихожей?

— Кто?

— Марина. Ангел в голубом.

— Ох, Серафима Ивановна, не спрашивайте ни о чем, ради бога. Я просто проверил показания Антоши и убедился, что они реальны.

Может быть, и реальны, только... Ты вот говорил, что Антону надо верить до конца либо не верить вовсе. Человеку в таком состоянии что не померещится! Вспомни: труп шевельнулся.

— Я забыл, — медленно сказал Егор. — Совсем забыл про эту деталь, настолько фантастической она кажется. Если Ада была еще жива...

— Морг застал ее уже мертвой.

— Он плакал, представляете? Слезы на лице смешались с кровью.

— Ах, Егор, ты еще молод, ты еще не можешь судить...

— Уже не молод. И мне придется судить.

— Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким и вам отмерится.

— По-вашему, проявить великодушие и забыть?

— Величие души не в забвении. Сказано: не убий. Тяжкий грех. Только не становись судьей. Ты понял меня?

— Понял. Я знаю, что сделаю. Если у меня будет время.

А время шло к ночи, беззакатной, безлунной, бесшумной, ни одно окно не зажглось в особняке. Красные следопыты разделились, Серафима Ивановна, закутавшись в шаль, мужественно осталась на лавке во дворе; Егор сел на ступеньку в парадном возле знаменитой ниши в твердой решимости дожидаться психиатра. Ни скрипа, ни шороха, ни просвета, не чувствуется потустороннего присутствия, плотную тьму не пререзает лунный луч, нечеловеческий крик. Даже обаятельный дюк Фердинанд, с давних пор облюбовавший нишу с крюком в качестве засады, откуда так удобно бросаться и пугать двуногих, — даже дюк Фердинанд находился в бегах или за дверью с хитроумным японским замком. Егор тихо поднялся на третий этаж, подошел к двери, прислушался: безмолвие, как в могиле. Уместное сравнение. Спускаясь вниз, заскочил на минутку к себе, вдруг сердце

прихватило. В темноте, чиркнув спичкой, нашел в маминой аптечке столетний валидол, положил под язык, прилег — на одну минуточку! — на любимый свой диван и мгновенно, как после сильнейшего снотворного, провалился в глубокую, не проницаемую для сознания крошечную яму.

Боже мой! Жаркие лучи за окном сквозь легкий тополиный шелест. «Без двадцати одиннадцать! Да что же это такое? Да как же я мог! Мама предсказывала, что кончу Обломовым!»

Егор вскочил с дивана, побежал на кухню, бросился к окну. Безмятежное субботнее утро, играют в песочнице дети Ворожейкиных и сынишка Моргов, Серафима Ивановна («красный следопыт», последний солдат в позабытом окопе — таким образом можно выразить ее преданность и чувство долга) вяжет на лавке под сиренью. Вот подняла голову.

— Никудышный я сторож, Серафима Ивановна.

— Да вроде все спокойно.

Тут из подъезда показался клоун в ярко-зеленых клетчатых шароварах; наследственная лысина его сверкала, сверкали глазки; буркнув нечто нечленораздельное, он направился к голубятне. За ним, как по команде режиссера-демона, вышла Алена в розовом сарафане. Егор застыл, замороженный зрелищем. Все это уже было! Сейчас появится Рома. Нет! Сначала мы втроем подойдем к голубятне. Так, подошли; причем его партнеры явно не чувствовали горестной иронии, абсурдности происходящего. Егор оглянулся; не удивившись, увидел Романа с фирменной сумкой, подходящего к тоннелю, окликнул; тот подошел, сказал:

— Сигареты кончились. Вот жарница, а?

— Алэн, что ж ты молчишь? — подал реплику Егор. — Ты должна сказать, поехали в Серебряный бор.

— Иди-ка ты со своим бором...

Зато совершенно необычно повел себя вдруг клоун: зажмурился, подпрыгнул, как мячик, и простонал:

— Покойница! Он ее выкопал...

Стоявшие у голубятни подняли головы и увидели картину, от которой воистину кровь застыла в жилах. За двойными стеклами кухонного окна Неручевых кто-то стоял недвижно, глаза закрыты на

бледном, восковой, неестественной бледности, лице, однако драгоценные пряди распущенных темно-рыжих волос горели огнем и сияло чистым голубым цветом американское платье-сафари. Сейчас она закричит: «Надо мною ангел смеется... убийца!» Закричала Алена, страшный рыдающий вопль, Серафима Ивановна медленно поднялась, сверкнули падающие оземь спицы-рапиры и белое кружево, Роман вцепился пальцами в клетку, а Морг взревел бессмысленно:

— Окружаем! Ребята, бегите через парадное! — и рванул на черный ход, за ним Серафима Ивановна, мрачно-страдальчески оглянувшись на Егора, а тот никак не мог оторвать от железных прутьев пальцы (голуби сбились в кучу, отчаянно воркуя), наконец оторвал последним усилием — и бросился вперед, они пробежали затхлый тоннельчик, тротуар, пять прыжков, прохладный мрак парадной лестницы, ступени, ниша между вторым и третьим этажами. Остановился на секунду перевести дух, а сквозь все стены и запоры несея дубовый стук, звериный крик Морга: «Открывай! Вурдалак! Дверь разнесу!»

— Я хочу подарить тебе охотничий нож, — шепотом сказал Егор и протянул, вынув из футляра, старому другу старую безделушку; блеснуло лезвие в золотом луче, падающем из восьмигранного оконца. — Помнишь, играли в детстве?

— Ты что? — прошептала Рома, отталкивая дар друга, и всхлипнул, как ребенок. — Что ты?

— Можешь использовать его по своей воле, я перед тобой безоружный. Можешь убрать себя или меня. Мне все равно.

— Жорка, друг!..

— Помнишь плащ в прихожей? Старый, поношенный?

— Только в этом! — вскрикнул Рома страстно и искренне. — Только в этом! Перед Антошей! Перед ними — нет!

— Нет? А куда ты собрался? На поляну, где избушка на курьих ножках стоит?

— Я тебе говорил... это все она — ведьма!

Егор положил нож на ступеньку и медленно пошел вверх, ожидая удара в спину, — все равно! — ведь там, за дверью с медной табличкой, его ожидал удар сильнейший. Отчаянно зазвенели серебряные колокольцы, рев Морга нарастал, подкрепленный и другими голосами, — действующие лица концентрировались в едином

месте, на грязной черной лестнице с отходами, где невинный, невидимый игрок — кроткий отрок в запачканной кровью рубашке — будет вечно открывать, не попадая ключом, свой замок.

Через долгое время совсем близко за дверью раздался негромкий голос:

— Это вы, Георгий?

— Я.

— Боюсь вас впускать.

— Смотрите сами, Герман Петрович.

И опять через долгое время нежно защелкал японский замок, засияли разноцветные пятна венецианского фонаря, он шагнул через порог, уже ничего не видя, не слыша, — господи, как можно это пережить во второй раз? вторую смерть, еще более страшную? — и как-то вдруг сразу увидел ее на кухне в углу за столом, где год назад лежала Ада. Дубовая дверь сотрясалась, стук, крик, ропот только подчеркивали неестественную, запредельную тишину места преступления.

Он подошел к ней и сказал:

— Соня, я люблю тебя.

Она молчала, глядя в сторону, а в глубине глаз вспыхнул и тотчас погас блеск жизни.

— Бесполезно, Георгий, она все время молчит.

— Нет, нет! — прошептал он, вбирая душой бессмертные детали золота и лазури, вырванные из мрака (Орфей и Эвридика в маленьком кухонном аду, где замытая кровь). «Нет! — молился он про себя. — Это моя Соня, она не безумна, нет! Я знаю, почему она молчит!»

— Народ собирается вызвать милицию, — пробормотал психиатр и резким движением вздернул крючок — старинный кованый крюк.

Морг с багровым лицом ввалился первым и замер, за ним столпились остальные, созерцая и не веря в чудо. Меж чужеродных ног проскользнул дюк Фердинанд, запел, закружился, принялся тереться спинкой о ножки в стоптанных синих кроссовках. Тогда она нагнулась и взяла его на руки.

— Я знаю, почему ты молчишь, — заговорил Егор легко и свободно, никого, кроме нее, не видя и не чувствуя. — Ты считаешь меня убийцей.

Она наконец прямо взглянула ему в лицо, обожгла взглядом, в черных очах, вопреки всему, разгорался, разгорался блеск жизни.

— Если я просто скажу тебе, — продолжал он пылко, уже входя в ее жизнь, включаясь в любовный поединок, уже невольно испытывая ее, — скажу без доказательств, что я не виноват, ты мне поверишь?

Тут наконец пришел в себя, нет, напротив, — вышел за пределы здравого смысла Морг, заявив:

— Но ведь она знает, кто ее убил, черт возьми!

Легкое безумие взметнулось в кухонном аду, а ведь еще необходимо вывести ее отсюда.

— Морг, замолчи!

Клоун смотрел бессмысленно перед собой.

— Или Герман инсценировал похороны?..

Из глубины черной лестницы возникла Катерина в черном, так тень, прошла по кухне, взяла Соню за руку и спросила:

— Соня, Антон не виноват?

Губы ее дрогнули, она будто проглотила пересохший комочек безмолвия и сказала первое слово:

— Нет.

— Ну слава богу! — прошептал неверующий психиатр. — Я боялся, рецидив затянется. Теперь спать, спать... господа, прошу всех вон.

— Нет, — повторила Соня, не сводя глаз с жениха. — Я не могу тебе ответить, потому что я дала слово.

— Кому? — быстро спросил Егор.

— Маме.

— Серафима Ивановна! — воскликнул он. — Труп шевельнулся, вы понимаете?

— Бедная ты моя девочка!

Дальше Егор уже ничего не помнил, кроме любимого лица, юного, страстного, измученного. Из преображенного мира его грубо вырвал один вопрос, и он увидел себя и всех остальных сидящими за овальным столом в комнате Ады, где приоткрыта дверь на балкон, колышется прозрачная занавесь, отец крепко держит дочь за руку (какие у нее красные, огрубевшие руки) и светлый ангел умиляется с потолка.

Вопрос задала Алена:

- Егор, куда ты дел Рому?
- Я выпустил его на волю.
- В каком смысле?
- Он пошел за сигаретами.
- Нашел тоже время!

Банальный бытовой диалог, но потаенным холодком повеяло вдруг, все переглянулись, со страхом обходя взглядом Соню, помня, видя ее мертвое тело в прихожей, в луже крови, в итальянских кроссовках, в американском платье, ее волосы редчайшего медового оттенка, благоухающие лавандой. И она заговорила.

- Меня мама рано разбудила и отправила заниматься.

— Ты не взяла с собой никакой сумки? — спросил Егор, с удивлением ощущая в себе охотника, идущего по следу любимой, тогда как еще вчера считал, что не посмеет и взглянуть на нее.

— Мама собиралась абсолютно все мыть и чистить. Я пошла в этом сафари, тетрадку в карман засунула и ключ, тут ведь рядом. Но ничего не лезло в голову... Около одиннадцати я вернулась, позвонила, никто не открывает, думаю: мама в прачечной. Отворила дверь, захлопнула и остановилась. В прихожей было тихо и темно, только узкий луч падал из маминой комнаты и отражался в зеркале. Я остановилась, потому что вдруг услышала скрип и увидела, как медленно открывается в кухне дверь на черный ход. Стало как-то не по себе. И тут появился Антоша. Я хотела его окликнуть, подойти, но его лицо... Господи, что это было за лицо!

- Говори все.

— Искаженное ужасом — вот какое было у него лицо. Он бросился вперед в сторону, что-то грохнуло, нагнулся, поднял топор в крови, положил на стол, схватился руками за лицо, застонал, огляделся как сумасшедший, взглянул на руки, взял полотенце и принялся вытирать топор. А лицо-то все в крови!

Она говорила, будто их не видели, будто стояла там, у зеркала, не в силах шевельнуться, осмыслить происходящее.

- Я хотела подойти, даже сделала шаг...

— Да, да, все так, — пробормотал Егор, — ты отразилась в зеркале, в створке трельяжа, и Антоша почувствовал голубого ангела.

Он говорил, но она не глядела на него, давно не глядела, она была вся там.

— Я сделала шаг, как вдруг Антоша исчез за дверью. Я побежала на кухню и увидела маму. Она лежала, на лице кровь — вдруг губы шевельнулись. Я наклонилась над ней и сказала: «Боже мой! Потерпи, я сейчас врача...» — «Не надо, я умираю, прости, и я прощаю тебя». Она говорила почти неслышно, с трудом, а глаза как будто подернуты пленкой. И она сказала... — Соня словно задумалась, опершись подбородком о ладонь, подняла голову, глядя прямо в глаза Егору. — Я не стану говорить.

— Я прошу тебя!

— Нет.

— Соня, я не виноват.

— Ах, не виноват! Так слушай. Она сказала: «Твой жених — убийца. Но никто не должен об этом знать. Поклянись!» Я поклялась, я ничего не соображала.

Егор чувствовал на себе тяжесть чужих глаз, чужих душ — соединенных отрицательных энергий, окружающих плотным охотничьим кольцом: «Ату его!» И Морг процедил злорадно: «Алиби-то, выходит, липовое!» Но она сказала, опередив Серафиму Ивановну:

— Я всегда знала, что ты убийца, но не верила.

— Знала и не верила?

«Да, да, это так, — думал он, и я знал, арифметически знал, что ты жила регулярной половой жизнью, — и не верил».

— Да, — ответила она пылко и смело. — Мама сказала: «Ты беги... далеко, чтоб никто тебя не видел». И еще — последнее: «Надо мною ангел смеется». Она умерла, я подбежала к окну, ты стоял и смотрел на меня, веселый. Я сразу нарушила клятву и крикнула: «Убийца!» Потому что, — глаза ее утратили блеск, она все время колебалась между верой и неверием, — потому что ты, убийца, стоял спокойно...

— Сонечка, ангел мой, — заговорил психиатр властно, — все будет хорошо, вот увидишь.

— Сонь, ты ведь крикнула про ангела, мы все слышали, — вставила Алена боязливо, — мы стояли рядом с Егором возле голубятни.

— Он был один... то есть я его видела одного... и еще голуби. Они так страшно летали, кругами, так низко.

— А когда ты успела надушиться лавандой? — спросила Алена шепотом, все замерли, прахом и тленом потянуло вдруг, кровь, везде кровь. — Но ведь ее отпечатки на флаконе — что вы так на меня смотрите!

— Нет, я с ума сойду! — вскрикнула циркачка истерично. — Объясните же кто-нибудь... Егор!

— Соня, ты позволишь, я буду задавать вопросы?

— Задавай.

Черные очи глядели на него с надеждой, а за спиной — смерть на парадной лестнице... «Долго ли я выдержу это раздвоение?»

— У тебя была тетрадка и ключ. Куда ты их дела?

— Кажется, бросила на пол.

— Ты не заметила в прихожей ничего необычного?

— Нет.

— Ты крикнула в окно: «Надо мною ангел смеется. — Пауза. — Убийца!»

— Разве? Я не помню.

— Очевидно, ты просто повторила слова Ады. А что они означают, не знаешь?

— Нет. Я вообще почти ничего дальше не помню. Помню себя в парадном, снизу, из тьмы, голоса, и мне надо прятаться, мама велела.

— Ты спряталась в нише между вторым и третьим этажами?

— Да. Там был дюк Фердинанд, мимо меня кто-то пробежал.

— Мы с Ромой.

— Несколько человек. Я вышла из ниши и споткнулась обо что-то, подобрала.

— Черную лаковую сумочку?

— Да, сумку. Только я ничего не осознавала. Пошла по улице, шла, шла, вечер наступил, села на лавку.

— Нервный шок, — пробормотал психиатр, — сильнейший нервный шок.

— Ко мне пристал какой-то мужчина, я вырвалась и побежала. Оказалось, я на Садовом кольце, спустилась по Каланчевке к Казанскому вокзалу, там место нашла под землей и просидела долго — почти три дня. Как вспомню скрип двери и Антошу с топором, а во

дворе стоит веселый жених. Только что он ударил маму, так что кровь...

— Сонечка, — перебил психиатр, — не надо, вернемся на вокзал.

— На третий день захотелось есть. Я вспомнила про сумочку, она так и лежала у меня на коленях. Открыла: косметика, духи...

— Лаванда? — не удержалась от вопроса Алена.

— Розовое масло. Еще документы и кошелек. Я решила занять немного денег, потом отдам вместе с документами. И тут меня как ударило, я очнулась и поняла, что не будет у меня никакого «потом». Я не смогу вернуться. Никогда. И не потому, что мама велела бежать. Просто я не смогу жить в одном доме, в одном мире с убийцей, молчать и при этом... — она вдруг расхохоталась, Егор похолодел, — при этом его любить!

Я умирала. Но это не просто, нужно усилие... в общем, я оказалась трусом, не смогла. Вернулась с путей, села прямо на пол (мест не было) и услышала случайный разговор двух женщин, пожилых. Они ждали пригородную электричку и говорили, что вот на ферме работать некому, лимит дают, прописку дают, а молодые не хотят надрываться. «Вот погляди на них, — говорит одна и на меня указывает, — во всем заграничном, ручки нежные — разве она пойдет?» А вторая что-то почувствовала и спрашивает: «Что с вами?» Я говорю: «Мне плохо». Они меня спасли, электричку пропустили. Спрашивают: как тебя звать? Тут я поняла, что можно исчезнуть по-другому. Пошла в туалет, достала из сумочки паспорт, на фотографии незнакомое лицо, никогда не видела. И подумала, что эта девушка меня простила бы, кабы знала, что мне некуда пойти. Ну просто некуда!.. В общем, я поехала с ними, сказала, что скрываюсь от мужа: пьет и бьет. И если бы не очерк какого-то Гросса «Черный крест», я бы никогда...

— Как зовут ту девушку? — спросил Егор.

— Варвара Васильевна Захарьина.

— А кто она такая вообще — эта Варвара Васильевна Захарьина? — поинтересовался Морг с напором.

Психиатр ответил сдержанно:

— Ваша дочь.

И клоун впервые в жизни не нашелся что ответить.

— Егор! — сказала Алена жестко. — Что ты сделал с Ромой?

— Подарил ему охотничий нож.

— Ты?..

— Я сейчас вернусь, — Егор встал. — За мной ни шагу, я этого требую.

На ступеньке возле ниши сидел Рома в какой-то немыслимой позе, голова между коленями, руки распластаны по дубовой половице. Конец! Егор замер. «Да что же я, палач? Или надо было умыть руки и сдать друга куда подальше?» Спустившись по ступенькам, встал напротив, коснулся руками плеч, безвольное туловище откинулось назад, ударившись об угол ниши. В золотом луче из оконца блеснуло красное пятно. Кровь. Тут только заметил он кровь на ступеньке, на руках, на лице. Рома открыл глаза и сказал:

— Не смог. Крови испугался. Видишь? — Поднял левую руку: запястье перевязано носовым платком, пропитанным кровью.

— Ты... вены вскрыл?

— Ты же велел.

Егор заплакал, как не плакал с детских позабытых лет.

Господи, что за тоска! Егор поднял голову: конечно, они были здесь, стояли на верхней площадке и слушали. Раздался возглас:

— Вы убили мою жену?

И дальше с равномерной последовательностью упали беспощадные реплики:

— Мама! За что?

— Ты? Моего ребенка!

— Даже не отдали урну с прахом!

Рома поднялся перед обвинителями, твердя как заведенный: «не виноват... не виноват... не виноват...»

— Так что, органы вызывать? — спросил присмиривший клоун.

— Если у кого-то из вас есть улики и доказательства, если кто-то знает мотив преступления и как произошла подмена — возможно, потребуется эксгумация — вызывайте. В противном случае майор Пронин поднимет вас на смех.

Все смотрели на Егора. Плюнуть бы на всю эту свистопляску, взять ее за руку и уйти куда глаза глядят. Но у ног валяется полумертвое тело... друг сердечный!

— Улик нет, доказательств нет. Точнее, есть одно, вещдок, но о его местонахождении знает только Роман.

— Давайте-ка, люди добрые, — заговорила Серафима Ивановна, — отнесем человека отдохнуть, пусть поспит.

— Отнесем на место преступления, — процедил Неручев. — Нам еще из него показания выбивать... Да он в крови!

— Хотел вскрыть вены, — пояснил Егор.

Минут через десять Рома спал как убитый на кушетке психиатра, запертый на ключ. Действующие лица, стражи закона, расположились за стенкой, за столом красного дерева, где вместо сирени, ландышей и гиацинтов лежал охотничий нож с пятнами крови.

— Соня, ты можешь продолжать? — робко спросил Егор: в глазах ее сиял черный свет, обращенный к нему.

— Ну что? Научилась доить коров, получила койку в общежитии.

— А где была прописана Варвара — твой двойник?

— Нигде. В паспорте стоял штамп выписки из города Орла. Она почти на девять месяцев старше меня, внешне мы не очень похожи, судя по фотографии, но и различий резких нет. В общем, паспортистка ничего не заметила. — Соня задумалась, и опять он почувствовал, что она уходит от него — в другую жизнь, в другую боль. — Я думала так и прожить в чужой жизни... как во сне. Но однажды, накануне маминой смерти, двадцать пятого мая, Наташа — доярка, мы в одной комнате четверо живем — привезла из Москвы «Вечерку»: вы, говорит, только послушайте, прямо детектив. Она читала вслух о том, как убили маму и меня... — Соня вдруг усмехнулась «взрослой», незнакомой ему усмешкой. — Странное ощущение. На мгновение подумалось: может, так и надо — меня нет. Но последняя фраза вернула и жизнь и ужас. Я ее помню наизусть: «Остается добавить только, что суд под председательством судьи Гороховой А. М., согласно статье 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах), приговорил преступника к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение. Ваш спец. корр. Евгений Гросс».

Я почувствовала, что другая жизнь не удастся, история никогда не кончится, кровь за кровь, убийство за убийство. Ужас заключался даже не в том, что меня каким-то образом убили... Антоша! Не знаю, Катерина, сможешь ли ты меня когда-нибудь простить. Ведь

требовалось всего лишь объявиться вовремя и дать показания. Но мне ни разу даже в голову не пришло, что на него подумают. Не пришло — потому что я не вспоминала и не думала. Только сны, один и тот же сон: кровь, топор, мама, мой жених — любовь моя! Так пусть же ответит! Сам, добровольно. Пусть знает, что я жива и буду преследовать его до конца. Ведь ты все понял там, на кладбище, когда нашел мою ленту?

— Нет, Соня. Я видел тебя убитой в прихожей, тебя каждый опознал, а потом мы тебя похоронили.

— Ты видел меня...

— Да, да! Видел, знал, как дважды два четыре... только душа моя тебя не признала. Подсознательно я ощущал странное отчуждение, раздвоение, не мог сосредоточиться, на прощании с тобой.

— Сонечка, — заговорил психиатр, — лицо убитой опознать было невозможно; размозжено, раздроблено ударами топора — не меньше восьми-десяти ударов. Но твои рыжие волосы, намокшие в крови, белая кожа, твоё платье, в котором тебя только что видели в окне... Пойми, мы все были в шоке. Могу сказать только, что я боялся вспомнить, меня что-то раздражало, пугало в тебе, то есть, не в тебе...

— И меня, — пробормотала Алена. — А я ведь покойников не боюсь.

— А ты, Морг? — спросил Егор.

— Я плакал.

— Как странно. Ты плакал над своей дочерью.

— И чужая фотография на могиле, — начал клоун и умолк.

После тяжелой паузы Егор спросил:

— Соня, ты была на кладбище двадцать шестого мая?

— Да. Поехала маму навестить и посмотрела на свою могилу.

— Сонечка, ты с нами, — опять заговорил психиатр ласково и властно. — Все будет хорошо.

— Я хотела сорвать фотографию и вдруг увидела тебя за поворотом аллеи, — она взглянула на Егора, — ты шел опустив голову. И решила подать тебе другой, более существенный знак.

— Ты хотела довести меня до самоубийства?

— Я слишком любила тебя, чтоб терпеть в тебе убийцу. Я видела в руках у тебя белые розы и чуть с ума не сошла от твоего... извращения.

— Ночью ты повесила пустую сумочку Варвары на крюк в нише?

— А зачем тебе документы? Ты-то должен был знать, кого убил.

— Сонечка, — сказал отец терпеливо, — не забывай, что Георгий ничего не знал.

— Но в конце-то концов! — закричала Соня. — Неужели ты не узнал мой голос по телефону?

— Узнал. Но, конечно, не поверил. Я все время думал, что схожу с ума.

— Так когда же ты опомнился?

— Позавчера ночью ты была в парадном, так?

— Да, я стояла в нашем тоннеле, ты опустил на углу письмо. Вошла в парадное, погасила электричество... не в силах говорить с тобой при свете, видеть, а мне нужно было сказать все напоследок: я сдалась, кончила борьбу. Но когда ты приблизился ко мне, убийца, нервы сдали...

— Как ты закричала. Боже мой!

— Я убежала, чтоб никогда сюда не возвращаться.

— Лунный луч во тьме, — пробормотал Егор, — лязг или стук двери. Вспыхнул свет. В нише пел и кружился дюк Фердинанд. Почуял хозяйку. Но еще гораздо раньше я догадался, что не кто-то из «наших дам», как выразилась Серафима Ивановна, меня преследует, все гораздо страшнее и чудеснее. Сообщница убийцы? Свидетельница? Но почему она так странно себя ведет?

— Ты пришел к выводу, что я сумасшедшая.

— Да! Я боялся, что предстоит еще одно прощание с тобой — а ты меня даже не узнаешь. Нет, это невыносимо! Детали и явления выстраивались в неизъяснимый абсурдный ряд. Алая лента, лаковая сумочка, чей-то упорный взгляд на Тверском, чей-то голос — зов к смерти, дюк Фердинанд, запах лаванды. И вдруг сон: ты живая, упрекаешь меня в чем-то и смеешься — впервые за этот год (обычный кошмар: я сижу в прихожей возле мертвой и силюсь понять, кто она). Проснулся, вышел в парадное, и началось словно продолжение сна — благословенная бессонница, — так явственно я услышал тебя и увидел в золотом луче, в бирюзовой майке, ты как будто снова взяла на руки черного кота и засмеялась. Мгновенное озарение: этот смех, этот голос по телефону — только отчаянный, далекий. Я сказал себе: этого не может быть, потому что не может быть никогда! С того света звонят

пациенты Германа Петровича. В панике, в страхе бросился искать тебя. Ничего еще толком не осознав, я решил, что тебе грозит опасность. Наши улочки и переулки, кладбище: ты там? или здесь?.. Ваше заведение, Герман Петрович: безнадежно-желтые стены и женщина в белом, проходящая по двору. Вот так моя Соня?.. Картина преступления начала постепенно проясняться, меняться, обрастать новыми подробностями. Если убитая — не Соня — а вдруг меня преследует ее сестра, ведь кто-то по телефону из нашего дома сказал Герману Петровичу про смеющегося ангела, когда моя невеста сидела за столом рядом? Но если убитая — не Соня, то рушатся алиби. В первую очередь — мое. И Ромы. Фраза Морга: если верить Антоше до конца — почему же он не признался, что нашел крест в кармане собственных брюк и перепрятал в плащ, — действительно, почему? Да потому, что он его не находил и не перепрятывал. Так кто это сделал? Кто побежал за Антошей, когда Морг сообщил об их встрече на лестнице?

Я пошел к Роману. Я думал раскрыть перед ним карты, застать врасплох или услышать разумное объяснение. Этот пунктик, маниакальную идею, комплекс вины перед Антоном я заметил в нем давно, но относил за счет известной чувствительности, культа дружбы и тому подобное. Я повторил ужасные слова Катерины: Антон — горсть пыли в жестянке. Сейчас убийца — если он вправду убийца! — забьется в припадке и выложит... Ничуть не бывало! Он говорил со мной искренне и доверчиво, он действительно не считает себя виноватым. Герман Петрович, попрошу вас объяснить этот феномен.

Психиатр пожал плечами.

— Могу повторить только, что он вменяем, никаких отклонений от нормы я не Нахожу. Впрочем, говорю интуитивно — требуется более тщательное обследование. Никаких — кроме некоторой инфантильности и чрезвычайно редкостной внушаемости.

— Неужели можно внушить идею убийства?

— Все можно, как вам известно из мировой истории. И мы уже вспоминали гениальную догадку Достоевского, что преступление — в своем роде болезнь.

— Тогда как вы объясните... вот я думал, что Соне грозит опасность, недаром она скрывается. Чтобы отвести, переключить эту опасность на себя, я соврал вам всем, каждому по очереди, что знаю,

кто убийца. Он, конечно, все понял, но не сделал даже попытки расправиться со мной — притом, что одержим восточной борьбой, с Детства. Почему?

— Вы же сами сказали: чувствительность, Культ дружбы. И инстинкт самосохранения. Дома соседи, окна раскрыты. Наконец — и вы мужчина, прямо скажем, не хилый. Слишком рискованно. Но вот он мог пойти за вами на службу. Там, ночью...

— Нет, нет, исключено. Он знал, что меня преследует Соня и может увидеть... — Егор улыбнулся устало. — Меня охранял мой ангел...

И она с трудом и так же устало улыбнулась в ответ, лицо вспыхнуло той, бессмертной красотой в золотом луче — и он позабыл обо всем на свете.

Но сварливый голос клоуна вернул из блаженных краев:

— Я не понимаю, как тут оказался мой ребенок.

— Не торопись, Морг. Орловская линия, в которой, очевидно, скрыт мотив преступления, почти не разработана. Герман Петрович, как вы разыскали Соню?

— Именно вы, Георгий, навели меня на ряд мыслей. Теория сновидений у нас исследована слабо, но известно, что во сне растормаживаются сдерживающие центры мозга, всплывают забытые, подавленные рассудком ощущения. Вы видели во сне убитую Соню и не верили. Что-то подобное творилось и со мной. Я ни на минуту не мог забыть жену. О Соне — не смел и думать, боялся. На опознании я был почти в невменяемом состоянии, лицо неузнаваемо, но, видимо, что-то не то, какая-то деталь, особенность в ее облике застряла, как заноза в мозгу. Вы просили меня вспомнить, возвращали к этому ужасному моменту. После нашей беседы, ночью, я вспомнил. Руки дочери — ухоженные, длинные ногти, маникюр... только что, на помолвке... ветка сирени в пальцах. И пальцы мертвой: ногти очень коротко, как говорится, почти до мяса, острижены. Как когда-то у добросовестных, настоящих сестер милосердия.

— И у машинисток, —插入了 Серафима Ивановна.

— Видите, Георгий, — продолжал Неручев, — и у меня был миг озарения. Страшный, очень. Но остановиться я уже не мог. Мертвая благоухала лавандой. Надушилась перед смертью? Абсурд. Дальше — важный момент: одежда для бедных. Я восстановил тот диалог за

столом. Сонечка говорила о доброте Ады преувеличенно, с пафосом, которым обычно заглушают собственные сомнения, о том, что та отдала вещи бедным, «мои платья» — ты сказала. Твоя подруга поинтересовалась: «Ты теперь бесприданница?» — «Нет, — ответила ты, — мне купили взамен». Что тебе мама купила взамен?

— Это сафари, летнее платье, джинсы и кроссовки.

— Все сходится, вещи фирменные, стандартные, легко подменяемые. А если действительно подмена? Фантастика!.. Но я не мог взять себя в руки, шел все дальше и дальше. Мы говорили с Георгием о необычайной аккуратности моей жены — ни пылинки, ни соринки, то есть ни следов, ни отпечатков... Чьи отпечатки на флаконе? Убитой. Но Соня не успела бы надушиться... Кто сказал мне по телефону: «ангел смеется»? Я сошел с ума или весь мир вокруг? Я держал в руках роман Тургенева «Дворянское гнездо» — страсти и события, разыгравшиеся в провинциальном городе, откуда Захарьины ведут свою родословную, и прадед моей Ады женился на цыганке, и женщины в этом роду имеют рыжие, редчайшего медового оттенка волосы, ослепительно белую кожу и черные очи, сводящие с ума не меня одного... Георгия, например. Может быть, Романа. А если мечты Ады возле фамильного склепа не сбылись и ребенок не умер? Допустим такую гипотезу: сиротка из индийского фильма, явившаяся мстить, как пишут в слезоточивых очерках, за поруганное детство. Мелодрама. И все же: каковы могут быть ее паспортные данные (не на диком Западе, слава богу, мы процветаем, все при документах)? Фамилию я предположил дворянскую, родовую. Про отчество также нетрудно догадаться: вот он, отец, перед нами...

— Я и не отрекаюсь, — заявил Морг.

— Про имя я уже говорил. Итак, в нашем мире, возможно, существует Варвара Васильевна Захарьина. Вероятнее всего, в Орле, если жива (дворянские, а заодно и гражданские привилегии упразднены, каждый, как правило, сидит на том шестке, где прописан). Но — вдруг? Место и год рождения известны. В обычном справочном бюро мне дали адрес: подмосковный совхоз «Заветы Ильича». Там я нашел Соню. Ваша невеста, Георгий, ночь перед убийством, как и все свои ночи, провела одна.

— А кто-нибудь в этом сомневался? — бросила Соня надменно, гордо, до боли напомнив вдруг свою мать, обольстительную гадалку.

— Соня, я же говорю: произошла подмена. Под той плитой на кладбище, рядом с матерью, лежит другая.

— Что за проклятье! — крикнул Морг. — Кто приходил к Гроссу?

— Роман, — ответил Егор. — После алой ленты на кладбище в разговоре с ним я упомянул, что надо бы уточнить у Гросса показания Антона. Он меня опередил.

— Говорю же, все подстроила ведьма... — начал Морг таинственно, как вдруг Егор крикнул:

— Рома!

— В густеющих тополиных сумерках к стеклу балконной двери прижимался полумертвый сердечный друг. Страшное зрелище: расплющенное бесформенное лицо в крови. Вурдалак! Вдруг исчез.

— Сбежал через свой балкон, — констатировал психиатр. — Как же мы забыли про балкон?

— Далеко не убежит, — отмахнулся клоун. — Его песенка спета: столько свидетелей.

— Он ни в чем не признался, — сказал Егор медленно, уговаривая себя: «Я не палач!» И все-таки добавил: — Отправился уничтожить или перепрятывать единственное вещественное доказательство. Хочет жить.

— Он хочет жить? — Катерина встала. — Ты позволишь ему жить?

— Ладно, — Егор тоже поднялся. — Все согласны с Катериной? Серафима Ивановна!

— Лучше пусть ответит здесь, — сказала старуха.

— Алена, ты передала своему жениху наш вчерашний разговор в магазине?

— Ну и что?

— А то! Поехали.

— Куда?

— В Серебряный бор.

— Я, Сорин Роман Викторович, прошу занести в протокол мое добровольное чистосердечное признание и раскаяние в содеянном.

— То есть вы признаете себя виновным в предумышленном убийстве Ады Алексеевны Неручевой и Варвары Васильевны Захарьиной? — спросил майор Пронин В. Н.

— Я раскаиваюсь, но виновным себя не признаю.

— Давайте не будем. Вас уже обследовали и признали вполне дееспособным.

— Я хочу все рассказать, а там уж решайте сами. Восемнадцатого мая 1984 года я получил срочное задание редакции, — кто-то «наверху» вдруг озаботился охраной памятников, требовалась оперативность. Перед поездкой заскочил к себе домой, вышел на балкон, там сушились носки — будь они прокляты! — и все началось, закрутилось и никак не кончится... На соседнем балконе стояла Ада и попросила у меня сигарету. Ну, такой женщине ни в чем отказать нельзя...

— Какой «такой»?

— Красавица и к тому же колдунья.

— Вы состояли с ней в интимных отношениях?

— Я на нее взглянуть-то лишний раз боялся. Итак, мы закурили, я сказал, что спешу, командировка в Орел. Куда? В Орел? Вдруг Ада схватила меня за руку и принялась умолять разыскать в этом городишке одного человека, она не может уехать, ремонт и так далее. Нет проблем! Записал под диктовку данные в записную книжку...

— Вы можете представить запись?

— Я ее впоследствии уничтожил. Узнав, что сейчас поезд, Ада быстро собрала пакет с вещами, так, что под руку попало.

— А именно?

— Американское платье-сафари голубого цвета, белое платье из шифона, джинсы фирмы «Лэвис» и итальянские кроссовки. Сонины вещи, почти новые. И еще триста рублей. Приказала никому об этом не рассказывать.

В Орле я устроился в гостинице «Россия» в отдельном номере. И на другой день в субботу, покончив с делами, очень легко разыскал Варвару Васильевну Захарьину, 1965 года рождения. Она жила в заводском общежитии и работала секретарем-машинисткой.

— Что вы молчите?

— Она была одна в комнате, и я понял, что погиб, — с порога, с первого взгляда, я себя полностью потерял, когда в ответ на мои действия — я выложил подарки, деньги — она расхохоталась, как Настасья Филипповна у Достоевского, и вышвырнула все — не в камин — в окно. Потом я подобрал вещи там, в садике. Она велела.

Чего это я разбросалась, говорит, благородные порывы оставим классическим героям, пригодятся и обноски, и купюры. Да, это не тургеневская девушка, это новый тип, я таких еще не встречал.

— Она была похожа на Софью Неручеву?

— Чертами лица не очень, но захарьинская порода ярко выражена: волосы, кожа, глаза, прекрасное тело, гибкое, удивительно изящное. В ней было столько прелести, в старинном библейском смысле — соблазна. Азарт, безрассудство, цинизм... и что-то детское, как ни странно. Вот этим, пожалуй, она напоминала сестру, а вообще... свет и тьма, день и ночь, а я люблю ночь, тайну. Про мать она сказала так: испугалась, я ее слегка шантажирую по телефону. Просто так, мне от нее ничего не нужно. Оказывается, она сумела обольстить новую заведующую детдомом (она там росла), новую — потому что старая ее адскую натуру слишком знала. И сирота выведала мамочкин адрес — только что, на днях, — ведь как все совпало, и я, дурак дураком, бросился в эти женские страсти — да еще с каким наслаждением!

— Продолжайте.

— Разбросав фирменные тряпки, она ходила взад-вперед по комнате (а какая бедность, четыре железные койки, одежда под простыней на стене, потолок в потеках). Я сказал: «Поехали со мной в Москву?» По-моему, только тут она меня заметила по-настоящему. Вдруг села ко мне на колени... не развязно, нет, в ней вообще при всей раскованности не было ничего вульгарного, — а как благовоспитанный ребенок, маленькая, легкая. Говорит: «Может, ты и пригодишься. Иди в гостиницу, мне подумать надо, я приду». Она пришла — и два дня пролетели мгновенно. Мне кажется, именно тогда она задумала преступление.

— Поконкретнее.

— Она расспрашивала про мать, Соню, Германа Петровича — так, мельком, небрежно. Задаст вопрос и как будто сразу забудет, но на самом деле помнила все до мельчайшей мелочи. Например, я рассказал про крест Ады с черным жемчугом: «Пропадет крест — быть беде». Она вроде бы не обратила внимания, но на другой день спрашивает: а где Ада держит крест? Не знаю. Надо знать.

— Вы хотите сказать, что она разрабатывала план ограбления?

— Не хочу. Она не была корыстной: Ада ей предлагала и Москву, и официальное удочерение, и драгоценности, и деньги.

— Стало быть, Ада Алексеевна не боялась разоблачения... перед мужем, например?

— Ада ничего не боялась... ну, в молодости — да. А теперь... ведь она пошла на разрыв с Германом. Ее, видимо, мучили какие-то запоздалые комплексы. Вообще с дочкой они друг друга стоили, как я теперь понимаю.

— Так что же хотела Варвара Васильевна?

— Странствовать.

— За границу, что ли?

— Просто ходить пешком и ничего не делать. Быть абсолютно свободной. И прежде всего освободиться от матери.

— Разве она не была от нее свободна?

— Нет, одержима. Это связано с каким-то детским кошмаром, Варя не рассказывала.

— Что значит «освободиться от матери»?

— Убийство.

— Она говорила вам, что готовит убийство?

— Что вы! Я и не догадывался. Но минутами, когда она задумывалась, уходила в себя, мне становилось с ней страшно.

— И вы не пытались бежать?

— Я без нее жить не мог.

— Продолжайте.

— Я просил ее уехать со мной в ночь вторника, но она отвечала, что еще не решила. Она колебалась, понимаете?

— Но ведь ей надо было уволиться, выписаться и так далее?

— Плевать она на все на это хотела... но и уволилась, и выписалась — то есть приготовилась к исчезновению, понимаете? Приехала в пятницу. Позвонила мне в редакцию, я сразу ушел, мы встретились у метро. И мне как-то тревожно стало, когда она предупредила, что ее никто не должен видеть у нас в Мыльном. Почему? Сегодня узнаешь. Аде я сказал по приезде, что вещи передал, видел Варю одну минуту.

— А у Варвары Васильевны были с собой какие-то вещи?

— Она их оставила на Курском, в автоматической камере хранения. С собой у нее была только черная лаковая сумочка, она была

в том сафари и дареных кроссовках. Мы прошли через парадный ход ко мне. Тут я совсем голову потерял, она спрашивала: ты на все ради меня готов? На все! Действительно на все? Да, да, да! Я не то что странствовать — я б в преисподнюю с ней пошел. И ведь пошел! Господи, что ж это за сила такая, за мука такая! Она ходила по комнатам — шикарно живешь, — звонила матери: привет, мамуля! А на кухне — я за ней повсюду ходил — сказала, глядя в окно: а вон идет моя сестра (да, шли Соня с Егором), и одета как я, забавно! Жаль, я не догадалась носить алую ленту, оригинально, блеск... скажи, напоминает рану, череп раздроблен, кровавые подтеки... Я любил ее все больше, и все страшнее мне с ней было. Вдруг звонок в дверь. Егор. Приглашает на помолвку. Я, естественно, отказываюсь: работы много. А он вдруг говорит: о братьях-славянофилах пишешь? Значит, я ему проболтался, куда ездил, город не называл, но... Он философ, интеллектуал, сам в своем роде славянофил.

— Вы имеете в виду сторожа Елизарова?

— Историка. Словом, он догадался, потом. Обо всем догадался. Ну, Варя подслушивала, тут же приказала мне идти на разведку. Зачем? Хочу немного растряссти мамулю, не на милостыню же мы будем существовать в странствиях. Я говорю: все продам, японское стерео и видик, сберкнижку опустошу, все тебе куплю. А она: мне нужен черный крест, обрати внимание, где хранит, и присмотри инструмент, ведь у них ремонт? Радость моя, да она тебе отдаст, только попроси похорошему. А я сама все возьму! Или ты боишься? Нет, нет, все сделаю. Когда она посмотрит на меня черными своими глазами, без блеска, я буквально терял волю. А подспудно чувствовал, что сам на пределе, какой-то протест в душе нарастал, и во что все это выльется... На помолвке Ада нагадала мне ведьму, даму пик, я все разведаль, но Варя чуть не испортила дело, позвонив. Психиатр решил, что это его пациентка, — ну разве нормальный человек такое скажет: надо мною ангел смеется. После звонка Аду словно подменили, она и до этого взвинчена была... склеп, кладбище... а тут как с цепи сорвалась, на Соню наорала. Когда я ушел, кто-то в дверь, потом по телефону долго звонил — наверняка Ада. Варя сказала не отпирать, не отвечать. Ладно, думаю, возьму я этот чертов крест: не в суд же она будет на дочь подавать? Постранствуем во время отпуска — и с повинной вернемся. Зато она — на всю жизнь моя. Мы всю ночь не спали — что

это была за ночь; опасность, неизвестность, переменчивость моей невесты только обостряли наслаждение. Я надеялся, но ведь знал, что впереди — бездна. Даже если все обойдется, жизнь с нею — бездна! Какой-то психический надлом в ней был.

Утром я подслушивал в прихожей, когда у Неручевых хлопнет входная дверь. Ада собиралась в прачечную, она была одна в квартире. Наконец — стук. Я уже был готов, то есть в перчатках. Вышел на балкон, перелез на соседний — он у Ады всегда летом открыт, она много курит, — взял на кухне фомку, подошел к шкафчику, вижу, сзади надвигается тень — и Варя сюда перебралась. Я говорю: «Уходи, я сам справлюсь!» Она не послушалась и, напевая тихонько, прошла, кажется, в комнату Сони: судя по дальнейшему, она там перебрала флаконы, гребень, надушилась. Я взломал ящик, вынул мешочек с крестом, положил в карман трико. Пошли, говорю, дело сделано. Она отозвалась с насмешкой: «Пропадет крест — быть беде. Забыл?» — «Варя, пошли!» Вышел в прихожую, чтоб вытащить ее из комнаты Сони, — тут щелкнул замок, вошла Ада.

— Ну, ну, продолжайте, я вас слушаю.

— То, что произошло в дальнейшем, я могу объяснить только наваждением, колдовством. Не смейтесь! Какие-то потусторонние силы существуют — и вне нас и в нас. Я ведь не хотел, не собирался... какое-то мгновение мы с ней глядели друг на друга молча. «Ну-ка, убирайся отсюда!» — процедила Ада (она ведь видела меня в перчатках, догадалась) и прошла на кухню, где поставила сумку с бельем. Я бросился к ней, пробормотал: «Ада, это несерьезно, это розыгрыш!» — «Говорю, убирайся!» И она сняла крючок на двери черного хода. Тут на пороге кухни возникла Варя. «Это моя невеста», — сказал я поспешно. «Убирайтесь оба!» — «И не подумаем, мамуля!» Они уже были поглощены друг другом, на меня — никакого внимания, я был третий лишний, нет, орудие, игрушка в нежных женских руках. «Ладно, — сказала Ада с презрением, — грабьте что хотите, но чтоб я больше вас обоих никогда не видела». — «Мы не грабили». — «Так что тебе нужно?» — «Тебя, мамуля». — «Не посмеешь!» — «Мой жених посмеет». Она поглядела на меня пронзительно, а Ада произнесла роковые слова (она меня спровоцировала): «Этот жалкий трусишка? Этот слабак?» Я подошел к кучке инструментов в углу, взял топор, оглянулся на Варю, она

смотрела выжидающе. Когда я шел к Аде, а она пятилась от меня, побледнев, но молча, я еще не верил, что смогу. Поднял топор и вдруг услышал крик шепотом (можно так сказать?): «Нет! Не смей! Мама!» Но было уже поздно — протест перешел предел, и бес вырвался наружу... их бес, не мой! Я действовал как под наркозом. Опустил топор с размаху, Ада упала, Варя закричала (все шепотом): «Я ее убила!» и бросилась к окну, чувствовалось, что сейчас раздастся крик настоящий, на весь мир: «Я ее убила!» Оттащил ее от окна, она — в прихожую, я за ней: «Ты убила! Моими руками! Ведьма!» Она прижалась к стенке в углу, я ее ударил обухом по голове, а она не падает, стоит и смотрит, чувствую в темноте, не умирает, а ведь должна умереть. Я начал бить уже как попало, а она стоит, ведьма, кровь ручьями течет... наконец начала медленно оседать на пол.

— Как вы думаете, почему Софья Неручева не увидела, по ее утверждению, тело убитой сестры в прихожей?

— Так ведь прихожая метров двадцать, не меньше, это ж не современные клетушки. Она лежала в дальнем, темном углу, а Соня была невменяема... Мать, Антон...

— Продолжайте.

— Я кинулся на кухню, топор почему-то на стол положил — и к себе. Весь в крови, быстро переоделся, умылся, одежду с черным крестом в сумку сунул, пошел в прихожую, по дороге прихватил ее сумочку (на подзеркальнике лежала) — и в парадный подъезд. Вдруг на площадке между вторым и третьим этажами на меня что-то бросилось, из тьмы, из ниши. Я совсем с ума сошел, метнулся назад к себе в квартиру... дюк Фердинанд конечно, черный кот, нет дороги! Пришлось идти по черной лестнице. Вышел во двор, ничего не вижу, подхожу к тоннелю, слышу голос Егора: «Рома!» А у меня такой финт в голове, будто всем все уже известно. И вот я иду к голубятне с повинной. Ничего подобного, разговор о жаре, что надо ехать в Серебряный бор. Я понимаю, что скрываться надо со своим жутким тряпьем, и внезапно вспоминаю: сумочку Варину не успел в свою сумку спрятать, тут кот напал — и я ее выронил. Что делать?

Как вдруг — крик, тот самый запоздавший крик на весь мир. Я их перепутал на мгновение, честное слово, решил, что не добил, что мертвая восстала... но лента на Соне! Алая — как кровь из раны. Егор хватает меня за руку и тащит в тоннель, в парадное, я думаю: на казнь,

пусть, чем скорее, тем лучше. Я никого в нише не заметил, даже про сумочку забыл. Стучим, стучим, тут Морг открывает — весь в крови. Зажегся свет. Господи боже мой! Я в потемках-то не ведал, что творил! Месиво, крошево вместо лица, лужа крови. Тут начинается мистика: мой друг опускается на пол возле трупа и говорит одно слово: Соня. Этого я уже вынести не мог, забился в припадке — вот тут в первый раз на меня напало, что-то вроде падучей, головокружение, однако на ногах удержался, — да на меня никто внимания не обратил. Морг — фантастика! — плакал и вдруг как взревет: «Там, на лестнице, Антоша! Я только что видел! У него рубашка в крови!» Какой еще Антоша? Какая рубашка? У меня даже припадок кончился. Я сказал: «Иду за ним!» Я не собирался за ним идти, просто неумогу тут было и сумочку ведь надо подобрать. Однако ее нигде не оказалось — ни в нише, ни на лестнице — разве что кот унес?

И тут из человека порядочного, хоть и поддавшегося демонскому внушению, я превратился в подонка и преступника. Как-то незаметно вкралась в голову мысль: а не навестить ли и вправду Антона? Тот сначала не открывал, потом появился полуголый и босой — неужели действительно замывает кровь? откуда она на нем? — увидел меня, бросился в ванную, заперся. Как-то само собой я расстегнул «молнию» на сумке, достал мешочек — тоже запачканный в крови, трико пропиталось, — положил его в карман старого плаща, прямо передо мной висел, руки вытер о край своей майки, ну, в сумке лежала, застегнул «молнию» и начал вышибать дверь ванной, нервная энергия требовала выхода.

Потом приехала милиция, явился Герман Петрович. Все, все без исключения опознали Соню! Я с ума сошел или весь мир? И где она? Когда явится разоблачать меня — убийцу с безукоризненным алиби? Увезли мертвых, увезли Антона. Я все время чувствовал у бедра сумку с одеждой. Как избавиться? Серебряный бор! Милый детский бор с утра застрял в голове, туда, скорее, там мне будет легче, я найду поляну, поросшую кустами, лягу в траву, прижмусь к земле... нет, сначала припрячу где-нибудь окровавленную одежду. Конечно, я не рассчитал, что суббота, толпы, но в конце концов все так и вышло: поляна, кустарник, огромный трухлявый пень, под него я и засунул вещественные доказательства. И вдруг почувствовал, что никогда уже не приду, не лягу, не прижмусь: Серебряный бор для меня загажен

кровью. Как в детстве, когда я задушил голубя (клоун подговаривал), я никогда уже не смог гонять голубей, а ведь любил. И Варя — после всего этого месива и крошева ничего у меня к ней не осталось, кроме ужаса и отвращения.

И тут судьба подарила мне шанс, сначала до смерти напугав. Я свернул с поляны на тропу, там еще избушка на курьих ножках стоит. Сумрачно от сосен и уединенно. Слышу тихий голос: «Рома!» Думаю, она зовет.

— Кто зовет?

— Варя. И пошел навстречу, жить-то, в общем, незачем, да и разве я все это один вынесу? Господи, Алена! Тут у меня начался второй припадок, она не испугалась, успокаивала, уговаривала, целовала. Я так к ней привык, что потом уже и обходиться не мог. Сделал предложение — приняла. А жизнь обесцветилась, обеднела: о том не подумай, о том не вспомни. Антона я вообще из памяти вычеркнул, спал со снотворным. Даже как-то притерпелся ко всему. Вдруг — расстрел. Удар первый. Устоял. Егор приносит с могилы алую ленту. Второй удар. Значит, Соня объявилась. Алиби — тю-тю! Значит, снова убивать? Какая, извините, скука, какой я запрограммированный болванчик: по кругу, по кругу, по кругу. Самоубийство? Так ведь это ладно — ничто, пустота, небытие — я согласен. А если что-то? И там мучиться? Я пошел к Гроссу, Егор сказал, какая-то тайна есть в показаниях. А вдруг человек перед смертью, законной, уже внесенной в списки, прозревает? Вдруг Антон что передал? Нет, все то же, земное: «Передайте Катерине, что я умираю за кого-то другого». И — голубое видение в глубине, никуда от этого дешевого символизма не деться. Это Соня там стояла, конечно, и неизвестно еще, что она видела. Так я рассуждал.

— То есть вы задумали убийство Софьи Неручевой в качестве свидетельницы?

— Да нет. Так, мелькала иногда мыслишка насчет нее... или Егора. Да ведь они счастливы, избранные, они охраняли друг друга. Она — преследуя его как убийцу; он — в поисках мертвой. В сущности, его расследование — не настоящее, он все время ждал и искал свою любовь.

— С какой целью Георгий Елизаров передал вам свой охотничий нож?

— Он хотел предоставить мне выбор между убийством и самоубийством.

— Не слишком ли много этот человек на себя берет?

— Нет, он сам рисковал — значит, имел право. «Можешь использовать его по своей воле. Я перед тобой безоружный». И был моментик: я глядел ему вслед, как он поднимается по лестнице, медленно, ступенька за ступенькой... Он — человек. Нас трое было — Жора, Антоша и я. Мы там играли в прятки, в шпионов и сыщиков... У нас ведь две лестницы, знаете...

— Знаю, посмотрелся я на ваши лестницы, на ангелов этих, купидонов. Мне уже строгача из-за ваших штучек внесли. Вы вот что скажите: почему, догадавшись, что вы преступник, Елизаров не сдал вас куда следует?

— «Сдал»... я все-таки не вещь, гражданин следователь.

— Не придирайтесь к словам. Почему он не сообщил в органы?

— Во-первых, он меня любит. Да, любит! Во-вторых, он сомневался. В-третьих, с чем бы он меня сдал? Улик не было.

— Зачем вы поехали в Серебряный бор?

— Сдуру. Испугался. Алена слишком много знала, она ведь меня почти у пня видела. Перепрятать захотел, на этом они меня и застукали.

— Вот опиши вещей: майка, трико, кеды, перчатки — все в пятнах застарелой крови. А также красная атласная лента и пустая дамская сумочка. Два последних предмета как туда попали?

— Мне их Егор показывал в ящике своего письменного стола. Я как-то зашел к нему под вечер. А он с тех пор как на могиле ленту нашел, кухонную дверь не запирает — ее ждал, Соню.

— Кого?

— Подсознательно ждал. Его не было, я зашел к нему в комнату, открыл ящик и взял.

— Таким образом, вы украли вещественные доказательства?

— Можно и так сказать. Я б все воспоминания уничтожил, кабы мог.

— Однако вы ничего не уничтожили.

— Негде. Костер разжигать — морока. И опасно. Вообще я вам скажу: воспоминания неистребимы. Никак! Я все надеялся: вот-вот

наш проклятый особняк снесут. Новая жизнь, знаете, на новой земле, под новыми небесами.

— Это я вам обещаю.

— Жизнь?

— Насчет жизни весьма проблематично, но в особнячок свой вы не вернетесь — это факт. Давайте-ка сформулируем мотив преступления, вы журналист, человек образованный.

— Кража — нет, отпадает. Не в драгоценности дело, там у Ады полная шкатулка... Месть. Но ведь она пожалела мать, в последнюю секунду пожалела. Колдовство, черная магия, ведьма.

— Давайте без этих штучек.

— Остается любовь. Я любил ее и возненавидел просто физически, когда пролил кровь. Кровь не соединяет, нет, нет, наоборот! И все равно я не понимаю главного: как он мог пойти на это?

— Кто?

— Я.

«Многоуважаемый Георгий Николаевич!

Согласно Вашему письму (и собственному желанию), я предпринял некоторые шаги по интересующему нас делу. Опуская все подробности моих походов (в родильный дом, детский, в заводское общежитие), сделаю резюме. 7 июня 1965 года Ада родила девочку, названную, очевидно, в честь бабушки Варварой. Варвара Васильевна Захарьина — так она значится в документах. Ребенок родился столь слабым, что мать предупредила: если она оставит его в казенных руках, он почти непременно погибнет. Ада пошла на такой противоестественный для женской природы шаг (и как она потом жила девятнадцать лет!). А девочка, к несчастью, выжила. К несчастью: ребенок умненький, здоровый, красивый, в восьмилетнем возрасте подвергся ужасному насилию (усугубленному еще тем, что извергов было четверо).

Она не потеряла разум (надеюсь, и душу), но психический надлом произошел: во всем случившемся она стала винить свою мать, бросившую беспомощное дитя в нашу юдоль земную. Тут не мне судить, тут я отхожу со смирением. Предупреждаю только: она опасна — хотя и сознаю, что предупреждение мое наверняка запоздало. В прошлом году Варвара Васильевна уволилась с работы, выписалась из общежития. В домовую книгу в графе «Куда и когда выбыл» зафиксировано: двадцать четвертое мая, г. Москва.

Что тут еще добавить? Молюсь и надеюсь, что у нее не хватило твердости следовать изуверскому принципу «око за око, зуб за зуб», что она не посмела, не захотела отплатить. И хотя наследственные черты (вспомним студента Ваську, которого боялись старорежимные старушки; Вы не замечали, что дети всегда отвечают за грехи отцов), тяжелая наследственность могла способствовать, подтолкнуть на шаг непоправимый — она, может быть, опомнилась. Может быть, может быть... будет ли когда-нибудь разорван круг зла, где один грех влечет за собой другой — и так до бесконечности?

Остаюсь с уважением и с ожиданием ответа

Петр Васильевич Пушечников».

«...И она опомнилась, Петр Васильевич, в самую последнюю секунду, когда было уже поздно, и погибла. И все-таки эта секунда много значит! Во всяком случае, я так чувствую.

Итак, произошла подмена моей невесты. Происходит всеобщая подмена. Детей, ангелов, материнских чувств. Разброд, шатание, предательство. С равным усилием, в равном внушении мой друг сердечный пойдет на подвиг и на преступление.

А ведь, эта история, Петр Васильевич, началась с любви — с непорочного ангела в белых одеждах милосердия. Любовь — любой ценой. Конечно, Ада думала, что девочка умерла. Тем большим

нечаянным ударом — или счастьем и облегчением? кто знает! — явилось для нее воскрешение. А знаете, может быть, счастьем. Как она кричала по телефону: «Я готова на все! На все!» Действительно на все, раз без колебаний рассталась с любимым мужем. Она готова на все ради дочери — а та является воровать драгоценности. И все же у Ады была своя «секунда», когда кто-то в голубом склонился над ней и сказал: «Боже мой!» Она простила и попросила прощения.

Так как же разомкнуть, разорвать тот круг зла, о котором вы пишете? Легко, конечно, говорить, но прежде всего это должен сделать каждый в самом себе, и уж совершенно необходимо остановить беспощадный ход государственной машины. «Смерть! Смерть убийце!» — кричат из зала. Да разве пожизненное одиночное заключение — этот земной ад — не страшнее будет? И все-таки не горсть пыли в жестянке, воровски, тайно от близких (именно так совершаются несправедливые дела), в землю закопанной.

Со страхом и надеждой жду предстоящего суда. И как хотелось бы верить, что не какие-то там мечтания о светлом будущем, а сюда, сейчас — в мерзость запустения, в тоску и отчаяние, вернется заповедь «не убий»...

Нежно и печально прозвенели колокольцы, легкие, бесшумные (душой услышал) шаги, вспыхнули червонным золотом волосы в разноцветных венецианских бликах.

— Это ты? Проходи.

Быстро прошли в ее комнату, она села с ногами в кресло, он — на пол, на ковер, глядя снизу вверх в черные очи.

— Где ты был?

— Виделся с адвокатом.

— Зачем? — спросила она враждебно.

— Он просит кое-что передать.

— Кто? Убийца? — Она вскочила и заходила взад-вперед по комнате — от окна к двери, от двери к окну. — Если ты помогаешь ему — ты мне не нужен.

Но ничто — ни ее враждебность, ни непривычная «взрослость», ни горячка, в которой он жил сейчас, — ничто уже не могло поколебать бессонного света в душе.

— А ты мне нужна, — сказал он с робкой улыбкой, — прямо сейчас. Ты должна помочь мне совершить преступление.

Она остановилась против него.

— Что за юмор?

— Квартира Сориных опечатана. Родители его еще не приехали. Я хочу попытаться проникнуть туда через балкон. Можно?

Она опустила на колени рядом с ним, слегка, едва касаясь, потерлась щекой о его плечо, словно вымаливая забвение и ласку. Он боялся шелохнуться, спугнуть. Господи, вот так бы и сидеть всю оставшуюся жизнь. Не выйдет! Захочется больше, больше, больше, начнется страсть, уже началась, уже невыносимое желание, бессонница и сбывшийся сон!

— Однажды вечером я шла за тобой по Тверскому.

— Да, я чувствовал.

— Солнце садилось, ты шел под липами в своих старых джинсах и вот в этой футболке. Вдруг остановился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Сонечка, я не видел тебя.

— Ты посмотрел мне в глаза, и мне показалось, что ты прежний, ну, не виноват. Почему мама так сказала?

— Она сказала истинную правду, но в предсмертном страдании она вас с сестрой перепутала: твой жених — убийца. Она запомнила, что тут, на кухне. Варя, как она кричит: «Нет! Не смей! Мама!» Она же не знала, что Варя убита.

— Вместо меня, — Соня помолчала. — Слышу, не верю, еду на кладбище. Моя фотография, еще школьная — кто ж там, под плитой? Ты идешь по аллее, папа, пришли ко мне...

— Девочка моя, ангел мой... — Егор осекся.

— Что надо делать? — спросила Соня после паузы.

— Тебе — ничего. Позволь мне пройти в комнату Ады.

Он открыл балкон, перелез через перильца, поддел охотничьим ножом нижний шпингалет (все ветхое, едва держится в распаде, в сломе, в наступлении бетонных башен), поддел дверь, верхний шпингалет услужливо опал сам по себе. Шагнул через порог, горячий ветер ворвался в духоту и затхлость. Подошел к секретеру, сзади надвинулась тень, надвинулся голос:

— Она была здесь, у него, да?

— Да.

— Она сидела вот в этом вертящемся кресле, — продолжала Соня беспокойным, вздрагивающим голосом, — и звонила маме. — Соня села в кресло, он взял ее за плечи, пытаюсь удержать. — Не надо, я хочу понять, она тогда уже задумала убийство?

— Соня, — сказал он строго, — она была несчастный ребенок, замученный садистами.

— Я знаю, — она откинула голову на спинку кресла. — Вот он — ангел!

У самой стены — в гирлянде из роз на потолке парил небесный младенец с крыльями и с какой-то кривой, похотливой ухмылочкой.

— Он смеется, посмотри! Я так и знала.

Егор молчал потрясенный, потом спросил с трудом:

— Знала? Ты бывала у Романа?

— Я все время думала над мамиными словами, последними. В ее комнате ангел тоже летит как-то нелепо, у самой стенки, может быть, есть парный?..

— Ну конечно! — воскликнул Егор. — Небесные силы разделились после социального уплотнения. Она звонила за этим секретером, вот телефон, она сказала: «Надо мною ангел смеется, догадалась?» То есть она хотела предупредить: я здесь, совсем близко, рядом.

— И мама догадалась. — Соня глядела вверх, говорила задумчиво: — Морг стал восторгаться ремонтом, помнишь? Все посмотрели на потолок, и она сорвалась, закричала: «Ничего не позволю, пока я жива!» Но почему он смеется?

— Мистический эффект объясняется, по-моему, причинами реальными: потолок протекает, видишь трещину?.. многочисленные побелки, лучшие в мире советские белила, подвыпившие маляры и так далее... Этого ангела создали минувшие десятилетия.

— А как ты думаешь, убийца понял эту фразу?

— Думаю, понял. Во время нашего разговора здесь, у него, в окно влетел солнечный зайчик, трамвай загромыхал... Зайчик поднимался вверх, вверх, я следил — и тут Рома заговорил, отвлек внимание.

— А что он просил передать?

— Книгу, — Егор снял с верхней полки секретера старинный «Новый Завет» в потертом кожаном переплете.

Содержание

Инна Булгакова Соня, бессонница, сон, или Призраки Мыльного
переулка

ЧАСТЬ I

ЧАСТЬ II

ЧАСТЬ III